

Салма Калък

16+

Хранителница
его сокровищ

Магический XVI век

Салма Кальк

Хранительница его сокровищ

«Автор»

2020

Кальк С.

Хранительница его сокровищ / С. Кальк — «Автор»,
2020 — (Магический XVI век)

Лизавета, сотрудник фондов провинциального музея, находит среди новых экспонатов непонятный предмет и пытается его почистить, а он в ответ переносит её неведомо куда. Дивный новый мир оказывается магическим – раз, погрязшим в интригах – два и не очень-то развитым технически – три. Другое дело, что оказалась там Лизавета не по своей воле и не случайно, а для выполнения некоей миссии. Лизавета согласится играть по предложенным правилам...

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Город на островах	7
1. Лизавета идёт на работу	7
2. Лизавета приходит в себя	9
3. Тем временем	11
4. Лизавета снова приходит в себя	13
5. Лизавету просят о помощи	16
6. Лизавета печалится, обследуется и размышляет	20
7. Лизавета одевается по-местному	23
8. Два дня назад	26
9. Лизавета читает книгу	28
10. Лизавета и местный быт	32
11. Лизавета едет в город	34
12. Лизавета заходит в гости	38
13. Лизавета философствует	41
14. Лизавета выспрашивает и лечится	46
15. Лизавета подслушивает и вспоминает	50
16. Тем же днём, несколькими часами ранее	53
17. Лизавета и капля крови	56
18. Когда все ушли	60
19. Лизавета рассуждает о путешествиях	63
20. Лизавета в швейной мастерской	66
21. Лизавета собирается в путь	70
22. Лизавета убеждается, что гулять ночами по городу вредно	73
23. Лизавета наблюдает за диалогом	76
24. Лизавета исчезает в ночи	79
Часть вторая. От моря до болота	82
1. Лизавета путешествует верхом	82
2. Лизавета утешает и утешается	85
3. Лизавета рассказывает историю	90
4. Лизавета наблюдает за представлением	96
6. Лизавета размышляет о прекрасном	102
7. Лизавета распутывает мысли	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Салма Кальк

Хранительница его сокровищ

Пролог

В маленькой комнатке горела свеча. Двое сидели за столом, и на обоих были одежды высокопоставленных членов Ордена Сияния, золотое шитьё тускло поблёскивало в неверном трепещущем свете. Лиц видно не было – их скрывали капюшоны.

Между ними на столе стоял кувшин с вином, бокалы и тарелка, на которой ещё оставались листики салата и кусочки сыра. В крошечное, пробитое в толстой каменной стене окошко заглядывала луна.

– Прошлая попытка была более пятнадцати лет назад, – сказал один. – С каждым разом Фиалы восстанавливаются всё дольше и дольше. Мы можем просто не дожить до следующей возможности.

– Всё верно. Поэтому нужно приложить все силы, чтобы нынешний кандидат отыскался быстро и победил, – поддержал второй.

– Я запустил заклинание поиска, – первый плеснул себе в бокал вина из кувшина. – Оно пока ещё не сработало.

– Сколько времени уже продолжается поиск?

– Третий день. Я не верю, что во Вселенной не осталось настроенных артефактов. В Великой Книге говорится, что их было несколько тысяч. Поиск может проводиться долгие сотни лет.

– А могли они испортиться? Перестать работать? Или их нужно как-нибудь активировать?

– Мы должны верить, Амброджо. Я был рядом с Магнусом Лео, когда тот проводил предыдущий поиск. И видел процедуру своими глазами. Мы с тобой читали Великую Книгу – оба, и не раз, – говоривший усмехнулся. – Если мы не верим тому, что в ней написано, то зачем тогда всё это?

– Как – не верим? – встрепенулся названный Амброджо. – Я верю! Я верю всему, чему меня учили, во славу Великого Солнца! Если не верить – тогда всё, что мы делаем – бред, самоуправство и государственная измена!

– Спокойнее, старый друг, спокойнее. Я не донесу, я сам во всём этом по уши. И никто из посвящённых не донесёт – ибо они тоже верят. Наша вера сильна, и она поможет нам преодолеть самые трудные испытания.

– Ты говоришь не как орденский маг, а как епископ, Астальдо!

– А то я не слышал епископов и не знаю, как они говорят, – рассмеялся Астальдо. – Я не собираюсь становиться епископом, но готов быть первым магом государства. Мне не нравится тот старый мешок костей, который сейчас занимает эту должность.

– И тебя не остановит то, что старик Реци был твоим учителем? – глаза Амброджо сверкнули из-под капюшона.

– Я ж не смерти его желаю, – Астальдо с усмешкой откинулся на спинку грубо сколоченной лавки. – Он же столько лет верховный маг, что можно и подвинуться. Я, можно сказать, именно из-за этой возможности и стал орденским магом, а не придворным. Там бы я был одним из многих, а здесь я делаю реальные дела. Как и ты, впрочем. Твой дядюшка вряд ли приблизил бы тебя, у него есть свой собственный сын, как две капли воды похожий на него и лицом, и нравом. А здесь у тебя в руках реальная власть.

– Верно говоришь, – вздохнул Амброджо. – Ладно, нужно расходиться, поздно уже. Кто дежурит в твоей лаборатории?

– Их трое, они сменяют друг друга через четыре часа. Если будет отклик, мне дадут знать немедленно.

И в этот момент перстень на правой руке Астальдо замерцал синим светом.

– Неужели? – благоговейно прошептал Амброджо.

– Слава Солнцу, кого-то нашли, – с улыбкой сказал Астальдо, допил вино и поднялся. – Идём смотреть!

Часть первая. Город на островах

1. Лизавета идёт на работу

Не принимайте в музей непонятную ржавую копанину! – говорила Лизавета начальству и коллегам. Но всегда находился кто-то особо умный, кто доказывал, что именно эта бесформенная железка должна стать новым экспонатом необыкновенной важности. Так и теперь – коробку с очередной хренью принесли сотрудники, а разобраться с ней кому? Конечно же, Лизавете.

Начальница Наташа так и сказала – давай, Лизавета, разбери эту коробку, посмотри, есть ли там в ней такой смысл, как нам расписывали, и зарегистрируй всё на временное хранение. И в базу данных нужно занести, соответственно. А для этого ещё и сфотографировать каждую мелкую фигнюшку отдельно, и описать – какой она формы да что там у неё есть. И состояние сохранности, как без этого – коррозия, нарушение красочного слоя, деформация и вот это всё. Ну да ладно, не впервой, прорвёмся.

Пусть сначала автобус приедет ну хоть какой, чтоб на ту работу доехать. Лизавета уж и не надеялась на пятьдесят восьмой, который прямо до музея идёт, даже остановку переназвали, правда местные Гаражом как звали, так и зовут. И с неё реально пять минут – и ты на месте. Но этот пятьдесят восьмой автобус такая же редкость, как музейный предмет, на который нормально оформлена вся документация, и встречается далеко не каждый день, даром, что маршрут муниципальный. Обычно приезжали другие автобусы, с которых топать пешком полтора километра в гору. Сейчас ещё ничего, октябрь, сухо и тепло, и снега пока ещё толком не было. А вот зимой – крутенько.

Да ладно, нечего печалиться. Ровно неделю осталось уезжать с этой остановки, потом Лизавета переедет на другой берег, к родителям, и будет добираться на работу с совершенно другими проблемами.

Большая новая трёшка была продана, и даже полученные деньги уже вложены. И только благодаря иногда просыпавшимся в Лизавете дипломатическим способностям она прожила последние полтора месяца здесь – одна, в самой лучшей за всю её жизнь и самой любимой квартире. Эту квартиру она выбирала сама, и она была домом, настоящим домом для их семьи – для неё, Лизаветы, для Вадима и для их дочки Насти. И Лизавета думала, что счастье будет вечным. Как и бессчётное количество таких же дурочек до неё.

Вадим ушёл к секретарше. Настасья летом отлично сдала ЕГЭ и поступила в Питер. Квартиру продали и поделили – часть забрал Вадим, его секретарша уже ходила беременная, и им нужно было где-то гнездоваться, а на две другие части Лизавета купила для Настасьи квартиру в Питере. Маленькую однушку, но зато – свою, никаких общаг и никакого съёмного жилья. Всё равно шанс, что дочь выучится и вернётся обратно, равен нулю. Лизавета съездила в Питер, утрясла все дела с документами и обустройством дочери, потом вернулась домой и, как ни в чём не бывало, вышла на работу.

На вопросы отвечала бойко. Вадим? Не знаю и знать не хочу. Настя? Учится в университете, на бюджете, как и хотела, очень нравится. Мама? В порядке, вот как раз на даче урожай убирает. Папа? Ничего, скрипит. Дела? Нормально.

А по правде – ничего нормального не было, Лизавета приходила домой и редела белугой целый вечер и полночи, и так каждый день. Не спасали ни книги, ни фильмы, ни подружки. Ничего, мама не даст расслаживаться.

Мама искренне считала, что Вадим ушёл от Лизаветы ровно потому, что та была плохой женой – от хороших-то не уходят. И очень возмущалась, что Лизавета разрешила Насте уехать – плохая мать, как там ребенок без тебя? Слова о том, что Вадим – отдельная самостоятельная личность со своими собственными желаниями и интересами, и о том, что Настя хочет больше возможностей, чем даёт родной город, и она, Лизавета, не намерена её тормозить, успеха не имели. Мама всю жизнь обихаживала сначала детей – Лизавету и брата Васю, а потом, когда дети выросли – папу. Папа пил, сколько Лизавета его помнила, к настоящему моменту он схлопотал пару инсультов и инфаркт, так что заботиться там было о чём. Координация движений и речь так и не восстановились, но пить потихоньку папе не мешает даже могила, думала Лизавета.

На дворе вторник, в субботу назначен переезд. А в пятницу Лизавете исполнится сорок пять. Хотелось верить, что жизнь не кончилась, но все факты кричали об обратном.

Праздновать не хотелось. Но нужно будет проставиться на работе. И хотя бы с подружками посидеть. Хорошо бы дали зарплату не в пятницу, а хотя бы в четверг, и не по голому минимуму, а чуток побольше.

...На удивление, повезло – пятьдесят восьмой пришёл, в нём даже место нашлось, и пробок по дороге не было, полчаса – и Лизавета на работе. Здравствуйтесь, смотрители, здравствуйтесь, сотрудники приютившегося в здании филиала, здравствуй, родной отдел фондов.

Без кофе вообще какой день? Правильно, никакой. Лизавета уже выпила чашку дома, теперь нужно и здесь, и слава всем высшим силам, что добрые коллеги, пришедшие на работу раньше, уже и кофе сварили, и даже за молоком в соседний дом сбегали. А мармеладки да печенюшки ещё со вчера остались. Угу, кому-то худеть надо. Угу, завтра начнём.

Работонька ждала, никуда за ночь не делась. Коробка, наполовину заполненная какими-то ржавыми кусочками. Ладно, хоть бумагу написали – что есть что, а то ведь ломай потом голову, где фрагмент днища самолёта, а где кусок 45-миллиметровой гильзы. Сотрудники военного филиала то и дело ездили куда-нибудь копать, и привозили такую вот добычу.

Ну ладно, за дело. Лизавета быстренько разложила на полу все двадцать пять предметов, записала в книгу поступлений общее количество и название – «Фрагменты оружия и боеприпасов». Далее она завела для каждого карточку в базе данных и занесла туда те минимальные сведения, которые были в сопроводительной записке. Измерила металлической линейкой, стряхнула грязь – где смогла. Осталось сфотографировать ржавые железки, придумать, как зафиксировать на них номера, чтобы от коррозии не отвалились вместе с верхним слоем, потом сложить обратно в коробку, и можно, наконец, помыть руки и уже обедать.

Так-так, а это тут что ещё такое? Лизавета вообще-то привыкла к тому, что подсчёт количества предметов из одной коллекции никогда не давал одинаковых результатов – нормальная фондовская магия. При устном подсчёте и при последующей нумерации маркером общее количество обычно получалось разным, плюс-минус один предмет. Вот и теперь – из-под проржавевшей до дырьев каски выкатилась ещё одна невнятная штука. Вида она была, как и всё остальное в этой кучке, то есть нечто металлическое и ржавое. Лизавета взяла тряпку и попробовала смахнуть то, что поддавалось отчистке – пока ещё это не музейный предмет, можно и посвоевольничать. Вроде бы на шарообразной части предмета были какие-то буквы, их надо рассмотреть и переписать. И, кстати, в списке его не значилось, опять Серёга забыл. Ладно, сейчас она отчистит лишнее и сходит к нему с этой хренью, пусть раскалывается, как это называется и для чего нужно.

Предмет легко отчистился и почти что заблестел. Ну ничего же себе! Более того, он стал нагреваться. И шевелиться, в самом деле шевелиться!

Лизавета взвизгнула и бросила непонятный шарик с висюлькой на пол, то есть попыталась, потому как он всё равно что прилип к её ладоням. Потеряла равновесие и грохнулась на пол.

2. Лизавета приходит в себя

Она разом ощутила свет и услышала звук. И никак не могла сообразить – где она есть и что с ней происходит. Вроде она упала на работе, в кабинете? Неужели так упала, что разбила голову, и её отправили в больницу? По ощущениям было похоже на пробуждение в операционной после наркоза – всё тело разбито, голова болит, мысли путаются. И яркий свет, такие лампы как раз над операционным столом.

Ничего так упала! Вот мама-то с ума сойдёт, как узнает!

Невнятный гул вокруг вдруг сконцентрировался в речь, да только на каком-то явно иностранном языке. Не хватало ещё, что за глюк-то такой? Во всех больницах, где Лизавете довелось побывать, а у неё был богатый опыт, говорили на нормальном русском языке. Местами на русском матерном, но с кем не бывает? И ещё обсуждали её внутренние органы, а они давали столько поводов для обсуждения, что ой.

Резкий вибрирующий звук проник в голову аж до зубов, усилив и без того нехилую головную боль, и вдруг всё стихло.

Лизавету похлопали по щекам.

– Как вас зовут? – услышала она.

Ну, блин, точно больница. После наркоза её спрашивали именно так, когда она плохо из него выходила, и всё время в беспамятство проваливалась.

– Лизавета, – прохрипела она. – Шерстянникова Елизавета Сергеевна.

Язык натурально не ворочался, но эти ж не отстанут, пока не начнёшь разумно говорить.

Шаги, кто-то подошёл. Дотронулся до неё.

– Это женщина? В самом деле, женщина? Великое Солнце, зачем нам женщина? – говорил, несомненно, мужчина, и голос показался ей каким-то писклявым.

Тут уж Лизавета не стерпела и открыла глаза.

И то, что она увидела, ни разу не было похоже ни на какую операционную. Это вообще не было похоже ни на что!

Она лежала на столе, но стол был из какого-то зелёного камня. Свет, который сквозь ресницы был похож на лампу над таким столом, исходил из двенадцати белых прозрачных столбов. Ну как будто такие огромные вертикальные светодиодные лампы. Холодного света, ага. Они окружали стол.

Вокруг стояли. Лизавета уже не взялась бы утверждать, кто именно. Фигуры. В каких-то одёжках с капюшонами. Двое – в белых с золотом, шитьё так и сверкало, а ещё у троих – как будто из небелёного льна.

Границы помещения терялись в темноте.

Лизавета попыталась приподняться и оглянуться, но сил не хватало. Тогда она зажмурилась и пронзительно завизжала.

Прохладные ладони опустились на плечи, возвращая её на стол.

– Тихо, госпожа моя, тихо. Вам никто не причинит вреда, – сказал ещё один мужской голос, бархатный и глубокий.

Силы кончились, звук иссяк. Зато в лоб справа будто кто штырь воткнул. И тошнота усилилась. Правильно, нечего напрягаться.

– Госпожа Агнесса, подойдите, – произнёс тот же бархатный голос. – Осмотрите нашу гостью.

Шаги на грани слышимости отзываются в голове набатом, Лизавета слышит дыхание каждого, стоящего у стола. Её легко касаются пальцы. Или не пальцы. Но вроде не инстру-

менты, от тех холодит и они металлические. Впрочем, у неё местами с ощущениями беда, может и обознаться.

– Да она же старая и больная! – изумлённо произносит женский голос. – И в ней нет никакой магии!

Вот именно, дорогие друзья. Старая – ну да, через три дня сорок пять, и это вовсе не молодость, а совсем наоборот. Ещё забыли – толстая. Вадим под занавес говорил именно так – старая и толстая. И совершенно верно, больная. И вы ещё не знаете, насколько.

Лизвета приподняла голову над краем стола, и её вывернуло прямо на чьё-то одеяние. Возмущённых возгласов она уже не слышала, потому что снова потеряла сознание.

3. Тем временем

Епископ Амброджо и маг Астальдо снова сидели за тем же столом. Перед ними стояли тарелки и кубки, но оба мало интересовались едой и вином.

– Что делать-то теперь? – Амброджо был растерян. – В прошлый раз к нам попал мужчина, и он был магом. И он всё равно не справился. Нам нужен другой кандидат. Поиск прошёл быстро, пока не погасли священные огни, нужно искать другого!

– Не хватит силы, – покачал головой Астальдо. – Там меньше половины осталось.

– А что бывает, если кандидат умирает в процессе поиска или доставки? Она же там у нас чуть концы не отдала! Может быть, мы её просто убьём и поищем ещё? Что тогда будет?

– Ничего не будет, – усмехнулся Астальдо. – Попытка считается неудачной. Ждать следующей.

– Ты хочешь сказать, что у нас нет выбора? Только эта непонятная чужеземка?

– Мы вместе читали Большую Книгу. Я не верю, что ты внезапно всё забыл. Агнесса проверила эту женщину – действительно, не слишком здорова, но почти всё можно поправить. И представила мне предварительный отчёт – с чем она справится сама, а для чего потребуется целитель из Ордена Света.

– А её кровь? Она проверила кровь?

– Проверила. Магии не обнаружено. Но во всём остальном – та самая реакция, которая нам нужна. Эта женщина сможет увидеть Скипетр и взять его в руки.

– Не удержит, – невесело хмыкнул Амброджо.

– А вдруг мы чего-нибудь о ней не знаем? – устало рассмеялся Астальдо. – Но ты прав, её не отпустишь в одиночку. Ей потребуется телохранитель.

– Снова здорово! Где мы найдём телохранителя? Нужен воин, да хорошо бы такой, чтобы ещё и маг, мало ли что. И чтобы посреди дороги не передумал нам служить!

– А вот тут у меня есть одна чудная идея. Помнишь то чучело, что сидит в нашем подвале? – Астальдо продолжал улыбаться.

– Какое... Что? Его? С ума сошёл? Кто нам даст-то его выпустить?

– А мы ни у кого не спросим. Пообещаем ему свободу в обмен на помощь нам, он за два месяца уже так истомился, что согласится на всё, только бы дали глотнуть свежего воздуха.

– А потом герцог нам покажет Пришествие Тьмы, – кисло кивнул Амброджо.

– Кто же расскажет герцогу? Никак не я. И не ты, если хочешь успеха экспедиции. А когда мы добудем Скипетр, то знаешь, куда мы засунем герцога с его мнением?

– Ты так уверенно говоришь, как будто что-то знаешь! – Амброджо с подозрением уставился на собеседника.

– То же, что и ты, – пожал плечами Астальдо.

– Вот что, я ему не доверяю, понятно? Хорошо, он будет охранять женщину, но с ними должен отправиться кто-нибудь, кому я доверять смогу. И кто сможет держать со мной связь.

– А раз связь с тобой сможет держать только маг, то ты намекаешь на меня? – вновь рассмеялся Астальдо.

– Ты за эту женщину, и ты предложил выпустить своего друга. Вот и следи за ними!

– Фалько мне не друг, мы просто знакомы с детства, а это когда было, вспомнил тоже, – проворчал Астальдо. – Я бы и отправился прогуляться, а то засиделся, непорядок. Но кто будет заниматься здесь всем вместо меня? Неужели курносый пройдоха Джаакомо?

– Ну, он, – кивнул Амброджо. – Он не так хорош, как ты, но я ему тоже доверяю.

– Доверяй, кто же тебя неволит? Только лабораторию я опечатаю, в своей будет работать.

Амброджо вздохнул – снять печати Астальдо был способен только главный придворный маг господин Карло Реццо или кто-нибудь такой же силы, но о таком маге Амброджо ничего не знал.

4. Лизавета снова приходит в себя

*В таком на смерть похожем состоянье
Останешься ты сорок два часа (с)*

В следующий раз Лизавета очнулась белым днём. То есть, там, где она очнулась, было окно, и в него совершенно недвусмысленно светило солнце. Лизавета встала с кровати, выглянула и убедилась – да, солнце.

Обычные деревянные створки, застекленные затейливым цветным стеклом, оказались приоткрыты, и на улице стояла прямо жара. В октябре, ага. Небо синее, на нём ни облачка. Но воздух как будто влажный. Да где ж она оказалась?

Окно выходило в занятый внутренний двор. Большой и квадратный, образованный белыми двухэтажными постройками. Посреди торчал каменный круг – колодец, наверное? – а по периметру росли олеандры. Цветущие.

В родном городе Лизаветы олеандры росли только в помещении. И далеко не каждый из них цвел хоть раз в жизни.

В тени одной из построек стояли мраморные лавки, на двух сидели люди. Все они были одеты в балахоны с капюшонами, скрывающие лица и подпоясанные верёвкой. Такие балахоны из небелёного льна Лизавета уже видела в своё предыдущее пробуждение.

Комната же оказалась простой и белой, в ней, кроме деревянной кровати, стояла только лавка. Пол был покрыт какой-то плиткой.

Итак, она где-то. Неизвестно где.

В прошлое пробуждение ещё зверски болела голова, сейчас всё было спокойно. И она даже не ощущала той страшной слабости, которая всегда разбивала после приступа. Вообще Лизавета чувствовала себя выпавшейся, отдохнувшей и полной сил – ну, года два-то с ней точно подобного не случилось. А то и поболее. Экзамены Настасьи, сначала за девять классов, потом вот за одиннадцать. Вадим и его измена – он же им всем нервов-то помотал изрядно, и ей, и Насте, и своим родителям. Мама и папин инфаркт. Только брат Вася был благополучен – потому, что характер такой. Он ко всему и сам относился спокойно, и его жена Натка была такой же, и дети у них тоже нормальные.

Ладно, ей же сейчас расскажут, что это и где она вообще. То есть, хотелось бы в это верить.

На Лизавету кто-то надел широкую белую льняную рубаху до пят. При беглом осмотре рубаха показала ручные швы, все срезы ткани были аккуратно в эти швы упакованы, а горловина и рукава собирались и завязывались плетёными шнурками. Очень мило, конечно, рубаха выглядела чистой и вообще как бы не новой, но где её родная одежда?

Оказалось – на лавке рядом. Всё было чистым и сухим – трусы, лифчик, колготки, носки, джинсы, блузка, на полу кроссовки. Аккуратной кучкой сложены часы (стояли), телефон (выключен и не включается), серебряные серьги в виде крупных листьев с прожилками и такая же подвеска на цепочке. Браслет с шармами и кольцо в виде змея, кусающего свой хвост. Всё, что на ней было, до самой последней бусинки, ничего не пропало.

Лизавета переоделась в своё. Потом подумала, сняла колготки и затолкала в карман джинсов – жарко. Попыталась открыть дверь, оказавшуюся тяжёлой и толстой. Едва хватило сил пихнуть её и выглянуть наружу. Там был длинный коридор, в него выходили такие же двери.

Девочка на вид моложе Насте сидела на подоконнике неподалёку, она закрыла какую-то увесистого вида книгу и бросилась к ней.

– Госпожа, вы проснулись? С вами всё в порядке?

– Здравствуйте, – Лизавета оглядела девочку.

Девочка как девочка. В черном льняном платье до пят, зашнурованном спереди. Совсем юное круглое лицо, искрящиеся любопытством тёмные глаза и длинная коса, перевязанная верёвочкой.

– Скажите, что вам угодно? Омовение? Трапеза?

Лизавета задумалась. Какая, к чёрту, трапеза!

– Туалет у вас где?

– Извольте, сейчас покажу. Следуйте за мной. Меня зовут Аттилия, я буду служить вам здесь.

Девочка Аттилия привела её в помещение в самом конце коридора, там стояли тазы – несколько, две прикрытых крышками бочки и большая жестяная бадья – одна. Никаких кранов или труб видно не было.

Вместо туалета было предложено расписное керамическое ведро – вот здарсьте, приехали. Но других вариантов не наблюдалось, да и девочка вела себя совершенно естественно. Что делать, пришлось прилюдно распаковывать джинсы и прочее, а как иначе-то?

Впрочем, потом Лизавета сняла блузку, потому что не умела умыться так, чтобы не облиться.

Для умывания девочка налила воду из бочки в красивый керамический же кувшин, и поставила на лавку у окна, и вытащила керамический тазик – видимо, лить туда. Так и оказалось. Вода была холодной. Зубы чистили порошком из перламутровой коробочки, и щёточкой с перламутровой ручкой. Также Лизавете был предложен кусок приятно пахнущего чем-то цветочным полупрозрачного розового мыла.

– А если голову мыть, то что, тоже холодной водой? – спросила Лизавета после того, как вытерлась льняным полотенцем.

– Нет, зачем же холодной? – рассмеялась Аттилия. – Маги нагреют, сколько нужно, служки принесут всё необходимое. Вы скажите, если надо, я передам, всё сделают!

– Мне надо поговорить с кем-нибудь, кто здесь главный.

– Обязательно. Господин Астальдо велел сообщить, как вы проснётесь и будете готовы.

На стене нашлось и зеркало, большое, в рост, необыкновенно прозрачное. В нём Лизавета увидела обычную себя – разве что без мешков под глазами, лицо ощутимо посвежело – видимо, после хорошего долгого сна. Все её восемьдесят килограммов на месте – на животе, на спине, на щеках, никуда не делись. Это она, сомнений нет. Сомнения были в окружающей её реальности.

И тут Лизавету как громом поразило – линзы же! Где её линзы?

Близорукость была особенностью, которую приходилось учитывать всю жизнь, Лизавета уже и не помнила, как это – смотреть и всё видеть. Очки она носила с начальной школы, годам к шестнадцати – с толстенькими стёклами в палец толщиной, от которых на щеках оставались продавленные полосы. Как только она заработала достаточно денег, так сразу же купила свои первые контактные линзы. Привыкание шло долго, полгода у неё то и дело текли слёзы, коллеги на работе посмеивались – нужно ли так над собой издеваться, но Лизавета упорно шла к своей цели – ходить без очков. И победила. Теперь очки оставались для дома, а наружу она выходила только в линзах. Правда, в последние годы стал подкрадываться страшный зверь дальнозоркость, и это было смешно – дальнозоркой Лизавета была в линзах, а без ничего и в очках по-прежнему близорукой. Нет в жизни счастья, в общем.

А теперь она смотрела на себя в зеркало – без линз и очков! – и отлично всё видела. Что с ней, в конце-то концов?

Волосы как вчера замотала твистером в дульку, так они оттуда и лохматились. Голову бы помыть, конечно. Девочка Аттилия заметила, что Лизавета взялась за причёску, и подала ей

костяной гребень с металлическими инкрустациями. Вообще все предметы для ухода за собой были очень качественными и красивыми, и музейный работник Лизавета с ходу не смогла определить, к какому периоду они принадлежали. Не современные ей, это точно, но и не старинные тоже, слишком уж хорошая у них сохранность. Ладно, вопросы потом.

– Вы готовы? – спросила девочка. Дождалась кивка и продолжила: – Тогда идёмте. Господин Астальдо ждёт вас.

Лизавета вдохнула и выдохнула. Спокойно. Как в школе, когда она ещё работала учителем и шла вести урок в какой-нибудь отвратный класс, полный детей, не умеющих и не желающих спокойно высидеть сорок минут. Там только покажи слабость – набросятся и сожрут, поэтому она научилась держать лицо в пучине самого что ни на есть бушующего моря. Кто б знал, где это пригодится!

5. Лизавету просят о помощи

Следом за Аттилией Лизавета по мраморной лестнице спустилась на первый этаж здания. Там девочка открыла какую-то дверь, прокричала внутрь «госпожа пришла!», затем распахнула её широко и пригласила Лизавету войти.

Комната была похожа на кабинет. Вдоль стен – шкафы с книгами, свитками и какими-то приборами, кристаллами, фигурками. Чаши, кувшины. Что-то ещё, чему Лизавета – музейный работник! – и названия-то не знала.

У окна стол и два мягких кресла. Из одного навстречу ей поднялся, очевидно, хозяин кабинета.

– Приветствую вас, госпожа Элизабетта, – обладатель бархатного голоса из ночного кошмара, он забавно выговаривал это второе «э». – Меня зовут Астальдо.

Он был не слишком высок – Лизавета совсем немного подняла голову, чтобы рассмотреть его. Лет тридцати пяти, по привычным ей меркам. Изящен и рыжеволос. Тёмные глаза смотрели внимательно, и как-то неуютно стало Лизавете под этим взглядом.

– Просто Астальдо и всё? – нахмурилась она. – Это нормально и вежливо?

– Я маг Ордена Сияния, поэтому моё родовое имя не имеет никакого значения, – ответил он с улыбкой. – Вы можете обращаться ко мне – господин Астальдо, это будет вежливо. Располагайтесь, разделим трапезу, и я отвечу на ваши вопросы.

Он сел только после того, как она угнездилась на скользкой жаккардовой обивке кресла. Налил ей в стеклянный стакан прозрачной жидкости из кувшина. Она взяла и нерешительно понюхала. Запаха не было.

– Это просто вода, госпожа Элизабетта, – он налил себе в такой же стакан. – У нас здесь нет разносолов, но я не знаю, к какой пище вы привыкли, и осмелился предложить вам разное.

Было страшновато, но очень хотелось пить. Она выпила всю воду, и тут же он налил ей ещё. На вкус вода была много лучше той, которой здесь чистили зубы.

Видимо, он как-то подал какой-то знак. Дверь отворилась, двое в тех самых подпоясанных хламидах внесли подносы с тарелками и принялись их расставлять. Сыры – разные, какие-то копчёности – три или четыре вида, овощи варёные, овощи свежие, хлеб тонкими ломтиками – белый и чёрный. Им обоим поставили по стеклянной тарелке, каждому подали нож и забавную двузубую вилку с ажурным чеканным узором. Приборы были очень похожи на серебряные.

В одной мисочке лежали оливки, в другой – что-то, похожее на сливочное масло. В блюде побольше – нарезанный пирог с какой-то начинкой.

В желудке у Лизаветы громко заурчало. Маг Ордена Сияния Астальдо вежливо сделал вид, что не заметил ничего.

– Прошу вас, приступайте. Это обычная хорошая еда. Вы провели без сознания три дня, вам необходимо поесть, хотя бы немного.

– Три... дня? – так вот почему она так хорошо выспалась!

Это как её дома-то потеряли!

– Да, госпожа Элизабетта, три дня. Переход дался вам непросто. Давайте так – вы будете есть, я буду рассказывать, – он словно гипнотизировал взглядом, Лизавета послушно взялась за вилку и нож.

Кусочек мяса оказался как будто от варёного со специями языка, мягкий и нежный. Оливки с рыбной начинкой всё равно что сами просились в рот. Сыр поражал разнообразием вкусов, а пирог испекли с мясом, мягким творожным сыром и травами.

Тем временем Астальдо рассказывал, и Лизавете совсем не нравилось то, что она слышала.

– Вы находитесь на территории Великого Герцогства Фаро, которым правит герцог Гульельмо Фаро, да продлит его дни Великое Солнце. Город тоже называется Фаро, это столица. Великому Герцогу подвластны все острова здешнего моря и большая территория на суше. Непосредственно же вашу особу имеет честь принимать Орден Сияния, один из трёх имеющих в нашей Церкви орденов. Два других – Орден Луча и Орден Света – тоже имеют свои резиденции в Фаро.

Здесь распоряжается епископ Амброджо, он – один из высших чинов Ордена Сияния. Как и я, но я маг на службе Ордена, а маги не приносят церковных обетов.

Да, в нашей жизни очень большую роль играет магия, я так понимаю, что в вашем мире магии нет. Ничего страшного, госпожа Элизабетта, вы привыкнете.

– К чему именно я должна привыкнуть? – холодно поинтересовалась Лизавета.

– К магии в повседневности. Но об этом чуть позже. Мы призвали вас сюда потому, что нам нужна ваша помощь.

Это было более чем странно.

– Как это – вам нужна моя помощь? Какое отношение я имею к вам и вашим... магам?

Читать про такое в книжках забавно, а вляпаться самой – как-то не очень. Но нужны детали, конечно же.

– Давным-давно, – торжественно начал Астальдо, – когда божественное Солнце навсегда поднималось в небеса и оставляло своих детей на Земле, был задуман и воплощён артефакт, сокрывший в себе великое могущество. Тот, кто владел этим артефактом, мог возглавить все расселившиеся по тверди земной народы и победоносно завершить великую битву с Первозданной Тьмой. Однако Великий Скипетр был разделён на три части, и все они оказались скрыты от людей, ибо не должна такая сила и мощь оказаться не в тех дурных руках.

Прошли века, и однажды благочестивой праведнице Марте было явлено видение, после которого она изрекла пророчество: собрать все три части Великого жезла сможет только тот, кто родился за пределами нашего мира. От другого сокровища скроется, и невозможно будет различить его среди пыли повседневности. И найдет чужестранец Великий Скипетр, и вручит его достойному, и будет после того на землях Герцогства Фаро мир и порядок.

Увы, несмотря на многие попытки, Великий Скипетр не найден до сих пор. Многие пытались найти его, но не зная о пророчестве, не преуспели. Дальше всего в поисках продвинулся именно Орден Сияния, который я сейчас представляю перед вами, госпожа Элизабетта. Дело в том, что праведница Марта уединённо жила в одной из обителей Ордена, и о её пророчестве неизвестно за орденскими стенами. Поэтому все ищут не там и не так, и конечно же, ничего не находят. Поиски Скипетра уже превратились в красивую легенду, или же присловье – о том, чего не достичь никогда. Когда говорят о чём-то невероятном, то нередко прибавляют – это случится, когда найдётся Великий Скипетр.

Служители же Ордена Сияния хранят Большую Книгу, в которой издавна описан ритуал поиска подходящих героев во внешних мирах. Давным-давно по всей обитаемой Вселенной были рассыпаны маяки, чувствительные к особенностям поиска. Они находят подходящих героев и приводят их к нам. Скажите, вы не встречали в своём мире никакого странного предмета?

Лизавета расхохоталась так, что схватилась за край стола, чтобы не свалиться.

– Знаете, сколько странных предметов меня обычно окружает?

Угу, напугал ежа голой задницей. То есть рассказал фондовику про странные предметы.

– Наш должен выглядеть странным даже в сравнении с другими.

Лизавета задумалась... а ведь и правда, она пыталась отчистить ту круглую хрень от грязи, а она нагрелась и зашевелилась.

– Такая маленькая и круглая металлическая штука?

– Наверное. Когда вы появились перед нами во время обряда, у вас было что-то в руках. Но потом эта вещь рассыпалась в прах. Так обычно и бывает. Задача маяка – привести кандидата к нам, и только. Он выбрал вас и привёл.

– Ну так он ошибся. Пусть уводит обратно. А если он рассыпался, то у вас же найдётся другой, правда? – нахмурилась Лизавета.

– Нет, госпожа Элизабетта. Маяки не ошибаются. Более того, вашу кровь проверили на пригодность, и она полностью подошла. Вы – тот человек, при помощи которого мы обретём могущество и славу.

– Да бред это всё, – продолжала упорствовать Лизавета. – Я – не герой, ясно вам? Я самая обыкновенная. Даже не ролевик ни разу, чтобы играть в эту вашу магию и прочие артефакты. И в квесты не хожу, и в компьютер не играю.

– А вот теперь я не понимаю, о чём вы, – улыбнулся Астальдо. – Я не знаю, что такое... эх, я даже слов этих уловить и произнести не могу. Вероятно, их просто нет в нашем языке.

– Кстати! Почему я понимаю вас и могу с вами объясниться? – ну да, так-то попаданкам положено сначала тупить, ничего не понимать и учить местный язык.

– Потому что во время обряда призыва кандидат проходит первичную подготовку. Вам предстоит странствовать по нашему миру, вы должны понимать, о чём говорят и что происходит вокруг.

– Кто же выдумал этот чудесный обряд? – иронически спросила Лизавета.

– Служители Великого Солнца и орденские маги. Это знание было по крупицам даровано нам в течение нескольких сотен лет, и наши предшественники тщательно записали всё в Большую Книгу.

– Нет, простите, я не могу поверить вам. Не обижайтесь, но вся ваша история выглядит каким-то неудачным розыгрышем.

– Дайте руку, – он с улыбкой протянул ей свою. – И думайте о хорошем.

Лизавета хмуро глянула на него и протянула ему правую ладонь, он накрыл её своей. Она только начала думать о Насте и их последнем разговоре по телефону, как на её ладони появился цветок. Это была фиалка, фиолетового цвета с белой каёмкой и жёлтой серединкой. Такая росла у неё и дома, и на работе.

– Что это? – не поняла Лизавета.

– Вы надумали, а я воплотил. У нас не растёт таких цветов.

Ну да, разговор был как раз о цветах, Лизавета рассказывала дочери, что у неё сейчас цветёт. Слёзы всё равно что сами покатались по щекам. Кто там цветы-то поливает?

– А что случилось со мной дома? Я умерла?

– Я не знаю об этом ничего, – пожал он плечами. – Вы – первый человек из другого мира, которого я вижу перед собой так близко, хоть и сам вас оттуда призвал. Великое Солнце привело вас к нам, значит – всё правильно.

– А вот скажите, как вам вообще пришла в голову мысль кого-то призывать? Неужели не хватает соображения понять, что у человека свои дела и заботы, никак с вашими не связанные? Можно было бы хотя бы разрешения спросить так-то? И вдруг нашелся бы кто-то, кто больше подходит для этого вашего поиска?

Астальдо смотрел на неё и молчал. Вот, то-то же!

– Понимаете, нам слишком нужна ваша помощь. Обряд поиска и призыва нельзя производить часто, и скорее всего, другой возможности мне в жизни просто уже не выпадет. А вы сделаете великое дело!

Лизавете не хотелось великих дел, ей хотелось домой.

– Ладно, вы призвали, вы и вернёте. Что там вам надо?

– Найти все три части Скипетра.

– Где искать, вы знаете?

– Приблизительно. Мы вместе с вами почитаем записи о прежнем поиске. И посмотрим карту.

– Из чего они и какого размера?

– Известен только общий вид собранного предмета.

То есть – пойдя туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Быстро. Вчера. Как-то до смешного это всё напоминало родную музейную работу. Что уж, искать потерянные предметы с такими вводными Лизавета и вправду умела. Через день да каждый день случалось. И чаще находила, чем нет. Другое дело, что объектом поиска были всё же как-то учтённые и каталогизированные предметы, и территория поиска тоже была ограничена родными филиалами и хранилищами. Но музейные предметы отличались изысканной изобретательностью и нередко отлично прятались на самых видных местах.

– Я нахожу эту вашу великую хрень, а вы возвращаете меня домой. Договорились?

– Приложу все усилия, – кивнул Астальдо, попытавшись скрыть улыбку.

6. Лизавета печалится, обследуется и размышляет

В прочитанных за последний год книгах попаданки были девицами молодыми и активными, и прямо с порога принимались зубами и когтями добывать себе в новом мире место под солнцем. Ну, или наоборот – старыми мудрыми бабками в молодом теле. Лизавета же не ощущала себя ни молодой и активной, ни пожившей и мудрой. В сопровождении Аттилии она вернулась в отведённую ей комнату, села на лавку, дождалась, пока девчонка выйдет, и заплакала.

И в слезах этих было всё – тоска по семье, дому, и даже по городу и своему музею. Просто потому, что ничего этого у неё сейчас нет. И не факт, что когда-то снова будет, хоть этот хрен в мантии и согласился, что приложит усилия куда-то там. И ещё – злость на себя, за то, что вляпалась во всё это, и за то, что согласилась участвовать в какой-то неведомой фигне. И от общих непоняток – как жить-то теперь?

Дома её организм функционировал только на изрядном количестве серьёзных неврологических препаратов – семейные проблемы с сосудами настигли Лизавету довольно рано. Ладно, с глазами ничего не понятно, сейчас она, конечно, видит, а вдруг на самом деле всё не так или завтра эта лафа кончится? Кроме того, есть ещё и ноги. В кроссовках, слава всем высшим силам, какие есть, лежат её ортопедические стельки. Но она уже год спит в специальной шине для стопы, чтобы выправить большой палец, а теперь что?

Лизаветины волосы, кроме того, что тонкие, были ещё и абсолютно седыми. Если бы не хорошая краска – то ходить бы ей старой облезлой развалиной. А теперь и придётся – в последний раз она красила волосы почти месяц назад, собиралась сделать это в четверг, ко дню рождения. Кстати, а какой сегодня день? Всё случилось во вторник, прошло три дня... Так день рождения, выходит, сегодня? Или она его проспала?

Лизавета заревела с удвоенной силой. Её уже не смущало ничего, и ей было не важно, слышит её кто-нибудь или же нет.

Не хотела она, значит, праздновать. Вот и получила.

В дверь постучались. Требовательно постучались.

– Госпожа Элизабетта, откройте!

Лизавета вытерла нос рукой и пошла открывать. На пороге стояла девчонка Аттилия, с ней неизвестная молодая особа в таком же чёрном платье и закрывающем волосы белом чепце.

– Здравствуйте, госпожа Элизабетта. Меня зовут Агнесса, я целитель, – сказала незнакомка без каких-либо эмоций. – Вы позволите войти? Нам с вами нужно побеседовать.

– Проходите, – посторонилась Лизавета, шмыгая носом.

Местный врач, значит. О как. Интересно, какого профиля?

– Аттилия, принеси госпоже Элизабетте носовых платков, – зыркнула особа на девчонку.

Ту как ветром сдуло.

– Спасибо, – пробормотала Лизавета. – Присаживайтесь.

– Это вам придётся сесть на лавку, я должна осмотреть вас.

– И доложить, будет ли с меня какой-то толк? – усмехнулась Лизавета. – Ну так я вам сразу скажу – не будет, так и докладывайте.

– Позвольте мне судить об этом самой, – отрезала особа.

Она была похожа на белую крыску, таких держала приятельница Машенька. Остренький носик, мельчайшие черты лица, черные глазки-бусинки, и такое ощущение, что сейчас начнёт шевелить невидимыми усами.

Появилась Аттилия со стопкой платочков, с поклоном подала Лизавете один. Из тонкого полотна, с вышивкой – цветочки какие-то – и с полоской кружева по краю.

Кружево, надо сказать, было плетёным. Иглой ли, на коклюшках – Лизавета не поняла. Но не машинным, это точно.

– И в это, простите, сморкаться? – не удержалась она.

– А что вам мешает? – удивилась врачца. – Хороший платок, новый, их дюжинами заказывают.

Дюжинами, значит. Лизавета осторожно промокнула глаза и нос. Стало чуть полегче.

– Расскажите, госпожа Элизабетта, чем вы болеете. Точнее, что вы об этом знаете.

– Всё знаю, – пожала плечами Лизавета. – Мигрень, гипотония, близорукость, дальновидность, остеоартроз, плоскостопие, новообразования в некоторых внутренних органах. Предположительно доброкачественные.

Так-то она на гинекологическое УЗИ почти год не ходила, может там уже вообще зоопарк и живого места нет?

– Сядьте спокойно, пожалуйста, закройте глаза. Руки на колени. Не сжимайте кулаки, расслабьтесь, – Крыска говорила спокойно и безэмоционально. – Сколько вам лет?

– Сорок пять, – ответила Лизавета. – Уже. Наверное. Какой сегодня день? Кстати, я не знаю, как вы их считаете.

– От восхода до нового восхода, а как ещё? – пожала плечами Крыска. – Не знаю тех слов, которые вы мне сейчас сказали, но вижу, что вы сильно страдаете от головных болей, которые возникают из-за сжатия сосудов.

– Верно, – кивнула Лизавета.

– Это можно если не вылечить, то серьёзно уменьшить. Далее. У вас на теле есть шрамы. Такое ощущение, что ваше тело вскрывали.

– Это не ощущение, так и есть. Кесарево и две полостных операции.

– Вам придётся объяснить, я не понимаю.

– Мне были противопоказаны естественные роды, из-за высокой близорукости и опасности отслойки сетчатки, если вы понимаете, о чём я. Я плохо вижу с детства, это наследственное. То есть сейчас почему-то хорошо. Но вообще не так.

– Недостатки вашего зрения я поправила, это несложно. Но вы хотите сказать, что вас... разрежали, чтобы извлечь ребёнка? И потом зашили? Там, где вы живёте, это практикуется?

– Обычное дело, – пожала плечами Лизавета.

– А ещё? – теперь Крыска смотрела заинтересованно.

– Ещё удаляли аппендицит. Ерунду внутри брюшной полости, которая ни за чем не нужна и воспалилась. Но это давно, ещё в детстве. А три года назад удаляли миомы. Говорят, с тех пор новые выросли.

– Что такое миомы?

– Новообразования. На бородавки похожи. Только внутри. Растут, всё рядом давят, сами болят и кровят. У вас тут бывают бородавки?

– Да, встречаются, – Крыска тем временем брала Лизавету то за одну руку, то за другую и что-то там себе слушала.

Потом бесцеремонно взяла обеими руками её голову, поворачивала, надавливала на какие-то точки. Когда холодный палец с силой надавил на основание черепа сзади, Лизавета рефлекторно дёрнулась.

Крыска Агнессы опустила руки.

– Послушайте, госпожа Элизабетта, – холодно сказала она. – Мне приказано вылечить у вас всё, что поддаётся магическому лечению. Я думала, вам это тоже нужно. Мне будет проще, и я быстрее справлюсь, если вы не будете сопротивляться.

Лизавета устыдилась. Вот как, оказывается.

– Скажите, а вы давно... занимаетесь магическим лечением? – Крыска выглядела очень молодо, лет на двадцать с небольшим.

– Двенадцать лет, – ответила Крыска, продолжая тем временем что-то выстукивать в плечевом поясе Лизаветы.

– И долго учились, наверное?

– Всю жизнь, – Крыска дала понять, что далее говорить об этом не намерена.

– И что же, каждый желающий может вот так к вам прийти, и вы его полечите? – не хочет о себе, пусть говорит о других.

– С чего это? Конечно же, нет! Я орденский целитель. И вам повезло, что вас приютил Орден Сияния, в городе таких хороших целителей, как у нас, всё равно что нет, только во дворце, а дворцовые лекари вас лечить без просьбы Магнуса Амброджо ни за что не взяли бы!

– Я благодарна Магнусу Амброджо, – согласилась Лизавета. – Увы, в моих мыслях разброд, а о вашей стране я ничего не знаю. Это очень непривычное для меня состояние.

– Привыкайте, – сообщила Крыска. – Нам с вами нужно будет встретиться не менее трёх раз для лечебных процедур. Имейте в виду. Начнём завтра, я сообщу, когда буду свободна. Кроме того, господин Астальдо сказал, что вас нужно одеть, и я с ним согласна. Так люди по улице не ходят.

– Я согласна, но во что меня нужно одеть?

– Я распоряжусь, вам принесут платье. И бельё.

– В смысле, ваше? Так в него только половина меня влезет, – Крыска была тонкой и изящной.

– Почему моё? Нет, конечно! – она с негодованием отвергла такую идею. – Ордену служат женщины, их одевают. Для вас принесут орденское платье по размеру.

– Вот такой же милый балахончик, как у вас?

Лизавета ничего не смогла поделаться со своим языком – ей никак не хотелось надевать чёрный мешок, которым выглядело платье целительницы.

– А вы что, хотите придворное платье? – изумилась Крыска.

– Я его пока не видела, – улыбнулась Лизавета.

– В любом случае, путешествовать верхом в придворном платье неудобно.

– Верхом вообще в платье неудобно. Я джинсы не отдам!

Хорошие новые джинсы, летом куплены, ещё даже не вытерлись нигде.

– Расскажите это господину Астальдо. Атилия, пойдём со мной, принесёшь госпоже одежду.

Они удалились, а Лизавета осталась размышлять. Ерунда, короче, с какой стороны не посмотри. Джинсы ладно, их может и на год хватить. Кроссовок тоже. Блузка из тонкой ткани, вряд ли здесь знакомы с деликатной стиркой. Долго не проживёт. Колготки вообще надо беречь – порвутся на раз, а заменить нечем. И с бельём совсем беда. Трусы и носки придётся стирать руками, и сколько они продержатся? А лифчик вообще жалко, он хороший, дорогого бренда, на её 75Е вообще не вдруг найдёшь, и не у каждого производителя такое есть. Понятно, что 80С примерно о том же, но Е-шка почему-то сидит лучше. И где теперь, скажите на милость, доставать новые?

Не говоря уже про крема и всякую прочую косметику! Что станет с жирной, склонной ко всякой гадости по малейшему поводу кожей Лизаветы от здешней плоховатой воды и без ухода? А глаза чем рисовать? Эх.

Здесь мысль остановилась, потому что пришла Атилия с ворохом одежды.

7. Лизавета одевается по-местному

Аттилия вывалила кучу вещей на кровать и облегчённо выдохнула.

– Госпожа Элизабетта, здесь всё, что мне удалось достать. Вы не беспокойтесь, оно здесь всегда лежать не будет. Я попрошу сундук побольше, и всё туда сложу.

И стала раскладывать по кровати какие-то отдельные предметы.

Раньше Лизавета первая подскочила бы посмотреть, что за дивная одежда ей досталась. Теперь же она с опаской смотрела на девочку и на вещи в её руках.

Аттилия тем временем разложила на кровати то самое чёрное льняное платье. Оно оказалось не вполне платьем – без рукавов. То есть рукава отдельно. Можно привязать, а можно не привязывать.

Платье состояло из отдельных лифа и юбки. Спереди лиф шнуровался, под него, вероятно, следовало надеть рубаху. Рубах предлагалось несколько штук, ровно такие же, как та, в которой Лизавета проснулась. И то ладно, что несколько.

Отдельным пунктом шли чулки. Пять пар, серого цвета. И, вероятно, подвязки для этих чулок. На этом пункте Лизавета только вздохнула. Дома остались не только обычные тонкие чулки с силиконовыми резинками – как память о более счастливых временах, когда она носила их даже на работу, но и три пары тёплых, для сухой осени. Вот бы их сюда!

Комплект завершали два белых чепца сложной формы, пара косыночек – на плечи? на голову? – и толстый суконный плащ с льняной подкладкой.

Все вещи были аккуратнo сшиты на руках. Никаких машинных швов. Никакой синтетики.

Какой-нибудь реконструктор при виде всех этих вещей завопил бы от радости. А Лизавета снова опечалилась. И ринулась в бой.

– Скажи, а панталоны у вас не носят?

Девочка очень удивилась, даже перестала расправлять рукав у рубахи.

– Что значит – панталоны? Ну, мужчины надевают, кто попроще – одни, кто познатнее – одни поверх других. Придворные вообще смешно одеваются – их самые верхние штаны в виде таких шариков, из отдельных полосочек, а между ними торчит их достоинство в специальном мешочке, – девчонка хихикнула.

Лизавета представила картинку – неужели шестнашечка? Или что-то, на неё похожее? Одежда европейского шестнадцатого века безумно красива, но очень уж неудобна.

– Нет, я о нижних панталонах. Сверху – сорочка, снизу – они, – Лизавета расстегнула молнию на джинсах и показала трусы.

– А, вот вы о чём! Ну, у мужчин бывает брэ. А женщины обычно так ходят... – изумлённая Аттилия покачала головой.

– Гм, а в случае регулярно наступающих кровотечений тоже так ходят? – поинтересовалась Лизавета. – Или вообще никак не ходят, а только вниз головой висят?

– Почему вниз головой? – не поняла юмора девочка. – У вас так делают, что ли? Это ужасно...

– Нет, это я от растерянности. У нас все носят трусы. А стирает их машина. Со специальными средствами, которые растворяют грязь.

– Как это – машина? – не поняла девочка.

– Такой большой ящик. Кладешь в него бельё, добавляешь порошок, запускаешь. Через полчаса или через час достаёшь чистое и развешиваешь сушить. А бывает ещё сушилка – кладёшь, запускаешь, она тебе сушит.

– А, магия! Так бы сразу и сказали, – кивнула девочка. – Магией стирать и сушить и у нас можно, только это обычно для важных особ. У них вечно тонкие ткани да дорогие вышивки, их в канале полоскать не будешь, там только магией, конечно. И вашу одежду тоже магией чистили – очень уж она непривычная, побоялись в корыте мочить, – девочка осторожно коснулась пальцем шифонового рукава блузки.

И на том спасибо, что побоялись.

– Кто же умеет чистить одежду магией?

– Да любой маг, я тоже умею, но я пока слабая и мне это сложно. Ну то есть пятно вывести могу, а вот если кто в лужу упадёт и весь изгваздается – я ничего сделать не смогу.

– Так ты тоже маг? – удивилась Лизавета.

– Да, – кивнула девочка. – Меня потому в орден и отдали – что со мной такой дома-то делать? Я из простой семьи, у нас детей в школу не посылают, и учителей нанимать не на что, а магии учиться надо, иначе она или изнутри тебя съест, или наружу вырвется, и ты всех вокруг покалечишь. А в ордене меня учат, им нужны маги, всё время – и для жизни, и для служения.

– И сколько тебе лет?

– Шестнадцать. Осталась бы дома – уже нужно было бы жениха искать. Но где бы родители нашли мне жениха?

– А чем занимаются твои родители?

– Отец ловит рыбу и морских гадов, на городской рынок и для ордена. Братья с ним, матушка и сёстры дома с младшими.

– Сколько же вас в семье?

– Восемь. Три брата, две сестры, я, и ещё младшие – брат и сестрёнка. А магом уродилась только я. Отец думал, что я не его дочь, хотел в канал выбросить, но дед, его отец, он тогда ещё жив был, запретил, и велел мага позвать. Маг сказал, что глупости это и я его дочь, и пусть он меня хорошенько кормит, а потом, как подрасту, в орден отдаст. Он так и сделал, когда мне исполнилось десять лет, и ему неплохие деньги заплатили, хватило на вторую лодку, а то у него только одна была.

Лизавета слушала и не находилась с ответом. Вот тебе, Лизавета Сергеевна, быт и нравы твоего нового обиталища. Радуйся, что от тебя что-то нужно, а то тоже в канал выбросят, и пикнуть не успеешь.

Ладно, можно попробовать переодеться. Но с нижним бельём нужно что-то решать.

– Ты сможешь одеться? – спросила она у девочки.

– Конечно, госпожа Элизабетта. Если что-то ещё нужно – вы говорите, господин Астальдо велел все ваши пожелания тут же исполнять.

Лизавета разулась, сняла джинсы и блузку. Носки решила тоже снять, попробовать эти их чулки. Против ожидания, они были связаны из тонкой пряжи и плотно обхватили ногу. Аттилия хитрым образом обвязала колено белой ленточкой. Затем также надели второй.

Рубаха сидела мешком, ну а как, скажите, должна сидеть широченная льняная рубаха?

– Скажи, а корсетов у вас не носят?

– Носят, а как же! Знатные дамы – те обязательно. А обычные люди, как матушка моя – ну, там просто надо в лиф платья вшить верёвку, вот так, – девочка показала на черное платье, – и плотно зашнуровать, и всё хорошо держится.

Её собственное платье было зашнуровано встык, видимо, грудь была небольшая.

Она помогла Лизавете надеть лиф и юбку, расправила все складки, ловко зашнуровала. Оказалось, что лиф сидит очень плотно, и даже немного не сходится. Но завязанная под горлом нижняя рубаха отлично скрывала всё, что было внутри. Затем Аттилия просунула её руки в рукава и завязала все тесёмки.

– А на ногах у вас тут что?

– Вот, – девочка приподняла подол и показала аккуратные коричневые туфельки на шнурках, с толстой кожаной же подошвой. – Но обувь нужно по мерке заказывать, это мы с вами поедem к мастеру, да хоть завтра.

– Ой, не знаю я про мастера, – Лизавета снова надела свои кроссовки. – У меня больные ноги и в обувь нужно класть особые стельки.

– Это вы господину Больто расскажете, и он сделает, как вам надо, – сообщила девочка.

Лизавета снова усомнилась. Тем временем на её голову был водружён чепец, Аттилия что-то поправила и отогнула наружу уголки.

Вообще оказалось неплохо. Хотелось посмотреть на себя в зеркало.

– Скажи, а зеркало только в ванной комнате?

– Да, но я попрошу, чтобы вам принесли сюда тоже.

– Скажи, а чем мажут лицо? Ну, чтобы кожа не обветривалась, например?

– О, для этого есть столько всяких средств! Это вам нужно в лавку госпожи Клары, она готовит разные притирания и духи, и торгует ими. Сегодня уже поздно, а завтра съездим!

– Съездим... как?

– На лодке, как же ещё?

Она на острове? Или где вообще? Ладно, это потом. Сейчас посмотреть, что вышло.

Зеркало показало серьёзную даму, запакованную по всем правилам ренессансной моды. Даже её объёмы как будто смотрелись в этой одежде более гармонично, чем она привыкла. Да-да, было похоже на вторую половину шестнадцатого века, только силуэт подправить. Но подправлять силуэт Лизавета не хотела. Она хотела магазин чулок и нижнего белья.

По дороге в комнату их встретила госпожа Крыска.

– Господин Астальдо велел вам спуститься.

Надо же, велел.

– Что-то случилось? – поинтересовалась Лизавета.

– То есть, он приглашает вас поужинать с ним, – завершила Крыска.

8. Два дня назад

Астальдо спускался в темницу. Он понимал, что никто другой с предстоящим разговором не справится.

Винтовая лестница была узкой, ступени – скользкими. Впереди и сзади шли служки с факелами, но, честное слово, проще было вовсе закрыть глаза и спускаться на ощупь.

В конце концов, он – важная особа. И имеет право на любые капризы. В том числе – не любить темноту, маленькие помещения и тесные винтовые лестницы.

К счастью, лестница закончилась. К сожалению, она закончилась узким коридором с низким потолком. Брат Василио, что шел с факелом впереди, чуть ли не вдвое сгибался, чтобы не словить затылком очередное перекрытие. Астальдо в сравнении с ним был мал и хрупок, ему приходилось всего-то немного наклонять голову.

У нужной двери стояли часовые. Они поприветствовали Астальдо, как подобает, и один из них отпер тяжёлый замок на двери.

– Прошу вас, господин Астальдо, – отворил толстую деревянную дверь и с поклоном предложил войти.

Василио вошёл первым, и укрепил факел на стене.

Астальдо благословил часового и тоже вошёл.

Камера была маленькой, тёмной и вообще противной. Если потушить факел, то можно было разглядеть в стене дыру, ведущую под углом наружу, но толщина стены была такова, что и света почти не проникало, и воздуха – тоже.

Да-да, запах. Немытого тела и ведра с отходами. Куда ж без него.

Узник полулежал у стены на охапке соломы и молча смотрел на Астальдо – из сумрака только глаза и сверкали.

– Приветствую тебя, Фалько, – Астальдо кивнул узнику.

– И тебе не хворать, – кивнул узник.

– Не хочешь узнать, зачем я пришёл?

– Сам скажешь, – Фалько и в хорошие времена не говорил с ним вежливо.

– Скажу. Ты нужен мне, и я хочу дать тебе шанс.

– Нужен – тебе? Интересно, для каких тёмных дел, – усмехнулся узник.

– Для каких дел – расскажу. Мне нужен воин, который ещё и маг. И которому ничего не страшно в подлунном мире.

– И ты вспомнил, что внизу, в темнице очень удачно валяется моё брэнное тело. Нет уж, давай начистоту: что ты от меня хочешь и что готов за это дать.

Хорошо. Начистоту – так начистоту. Ну, насколько это вообще возможно.

– Великий Герцог никогда не отпустит тебя на волю живым. Он и избавиться от тебя страшится, и знать, что твои ноги где-то топчут землю, ему тоже несладко. Поэтому он хочет, чтобы ты тихо и спокойно сгнил в орденской тюрьме.

Я на днях отправляюсь в паломничество. Непростое и очень важное и для Ордена Сияния, и лично для меня. Мне, и не только мне, понадобится телохранитель. Я выпущу тебя из тюрьмы, если ты согласишься стать на время паломничества этим телохранителем. И если наше дело увенчается успехом – то после отпущу тебя на все четыре стороны. К твоим кораблям и твоим сыновьям. Если тебе нужно взвесить всё и подумать – я понимаю, и приду завтра за ответом.

– Чего тут думать-то, – снова усмехнулся узник. – Только скажи – если я не соглашусь, то что?

– Останешься здесь. А если вдруг почтенный епископ Амброджо решит, что твоя смерть ему выгоднее твоей жизни – сам понимаешь. Опять же и господин Великий герцог тоже может в один прекрасный день так решить. Здесь ты рядом с ними обоими. Раз уж попался – лежи тут и жди чуда. А со мной ты хоть воздуха свежего глотнёшь.

– А вдруг ты врёшь? И наверху меня ждёт как раз палач, или... господин Великий герцог? – последние слова Фалько произнёс с явно слышимым отвращением.

– Твои оковы блокируют магию, но основы-то остались, – Астальдо наклонился и взял узника за руку. – Неужели ты не слышишь, что я искренен с тобой сейчас?

Подать руку было рискованно, но Астальдо счёл риск оправданным.

Узник помолчал немного.

– Я вижу, что ты думаешь о чём-то очень важном и значимом для тебя, и я нужен тебе для успеха замысла. Что ж, будь по-твоему, я согласен. Ты прикажешь расковать меня?

– Немедленно, – кивнул Астальдо.

Он постучал, дверь тут же открыли. Повинуясь кивку, один из охранников – маг-предметник – снял с узника блокирующие магию кандалы. Тот с ворчанием пошевелился.

– Если всё так, как ты говоришь – то баню мне, цирюльника и девку. А потом пожрать. И чтоб имущество моё вернул, и оружие.

– Без девки обойдёшься, в баню тебя проводят. Ужинать придёшь ко мне.

– Вот там ты и расскажешь мне, во что вляпался сам и во что втягиваешь меня.

9. Лизавета читает книгу

Лизавета вошла в уже знакомый кабинет.

На улице темнело, в изящных, по виду серебряных канделябрах горели свечи. Канделябры Лизавете понравились, она б не отказалась от парочки таких в своё музейное хранилище, а хранила она как раз металл, в том числе драгоценный. С драгметаллом морока, конечно, пробирная палата, ювелирная экспертиза и всё вот это вот, но зато хотя бы есть ощущение, что у тебя встречаются и приличные экспонаты, а не только то, что до помойки почему-то не дотащили.

Ой, ладно. Тут за столом не один Астальдо, лис с бархатным голосом, но и ещё какой-то левый мужик. Правда, увидев Лизавету, оба оторвали зады от стульев.

– Госпожа Элизабетта, я буду рад, если вы присоединитесь к нам за трапезой, – Лис кивает ей на стоящее между ними кресло.

Второй мужик отодвигает это кресло, приглашая её сесть.

– Добрый вечер, господа, – Лизавета благовоспитанно кивает обоим. – Спасибо за приглашение.

– Госпожа Элизабетта, это господин Фалько, мы с ним давно знакомы. В нашем путешествии он будет вашим телохранителем. Он отличный воин и сильный маг.

Чего? На кой ляд ей телохранитель?

Лизавета взглянула на мужика. Высок и крепок – выше и крепче Лиса Астальдо. Одет в чёрную бархатную куртку, она забыла, как такие называются. Из-под куртки торчит рубаха – воротник и манжеты, белоснежные, с чёрной вышивкой. Штаны тоже бархатные, чуть за колено. Никаких излишеств не наблюдается, очевидно – не придворный. Ниже – вроде, чулки. И мягкие кожаные башмаки на шнурках. Вышивка по бархату серебрится в свете свечей, цепь на груди – тоже. На пальцах – кольца. Гладкие, и одно с синим небольшим камушком, вроде – золотое. Волосы чёрные, выющиеся, коротко стриженные. Глаза тоже тёмные какие-то, но в полумраке не разглядеть, смотрят внимательно, цепко.

– А это госпожа Элизабетта, она наша гостья издалека, – тем временем продолжал знакомство Лис Астальдо.

Что-то у них тут прямо зверинец. Крыска, Лис и... Сокол, что ли, раз Фалько? Ну да, похож, есть что-то и в разлёте бровей, и в посадке головы, и во взгляде. Видела Лизавета однажды охотничьего сокола. Красивая птица, но близко не подойдёшь, того и гляди – клюнет. Этот тоже может... клюнуть.

– Насколько издалека? – прищурился Сокол Фалько.

– Весьма и весьма, – отрезал Лис Астальдо.

– Но госпожа знает наш язык? – продолжал шуриться Сокол.

– Магический обряд, – пожал плечами Лис. – Госпожа Элизабетта, что вам предложить?

Лизавета оглядела стол и увидела небольшой прозрачный кувшинчик. Из него так знакомо пахло!

– Кофе? – не поверила она. – У вас есть кофе?

– Я не знаю, что такое кофе, – улыбнулся Лис. – Мы пьём напиток из измельчённых и заваренных зёрен арро. У нас они не растут, их привозят с Востока торговцы, вроде нашего с вами друга, – и он кивнул на Сокола.

Тот усмехнулся.

– Было дело – возил. Теперь другие справляются.

Ага, так Сокол – торговец? Или... пират? Лизавета не знала, почему так подумала. Вид у него был – как из кино про шестнадцатый век, и герой непременно отрицательный. Такой,

знаете, обаятельный мерзавец, которого в финале положительный герой убьёт в долгом зрелищном поединке. Только вот Лис на того положительного героя не тянет никак, он на фоне Сокола – нежное тепличное растение. Хоть и маг.

Раздумья прервал голос Лиса:

– Вы хотите попробовать арро? Потом долго не сможете уснуть, не боитесь?

– Не боюсь, – замотала головой Лизавета.

Дома она пила много кофе, и уже даже успела подумать, каково ей будет здесь. А здесь, оказывается, ещё ничего!

Лис самолично налил ей в прозрачную чашечку жидкости правильного цвета и консистенции. Лизавета сначала понюхала – оно! – потом попробовала – да, отличный же кофе!

– Если хотите подсластить, вот сахар, а здесь мёд, – Лис пододвинул сахарницу и собрался уже двигать вазочку с мёдом, но Лизавета снова замотала головой.

– Сахар не нужен, спасибо, – и так толстая, куда еще сладкое-то жрать? – а вот если у вас есть сливки, то буду благодарна.

Лис тронул колокольчик, отдал приказание появившемуся слуге, и через пару минут появился сливочник.

О да, то, что надо. Лизавета даже глаза прикрыла от удовольствия. Что-то первое по-настоящему хорошее в этом скотском мире, куда её угораздило попасть! Вот говорила же Наташе, нехрен брать в музей что попало...

Очнулась она от смеха. Мягкого и радостного. Смеялся – кто бы мог подумать – Фалько-Сокол.

– Простите, госпожа Элизабетта. Впервые вижу женщину, которая так любит арро. Да ещё и без сахара.

– Так я и вино сухое люблю, – пожала плечами Лизавета.

Мартини и сладкие настойки – это уже другой жанр. Но про здешний алкоголь она не знает ровным счётом ничего.

– В таком случае, госпожа моя, я осмелюсь предложить вам вина, – он, снова с улыбкой, наполнил стоявший возле её тарелки бокал.

– Благодарю вас. И еды, будьте любезны, – кивнула Лизавета. – Не так много, – пары кусочков сыра и вяленого мяса пока достаточно, ладно, пусть ещё положит кусочек рыбы.

Далее она смотрела преимущественно в тарелку и ела. И пила – вино своим вкусом напомнило летний вечер, берег моря на Сицилии и заходящее солнце. И слушала.

Мужчины продолжили явно начатый ранее разговор.

– Так вот, у меня есть карта. Она покажет нам, с чего начинать. У сокровища три части, и сначала нужно найти одну. Потом покажется вторая, потом – последняя, – говорил Лис.

– К слову, о картах. Я бы не отказалась вообще взглянуть на карту вашего – как там его – Великого герцогства. И того, что вокруг, – сообщила Лизавета, положив вилку.

Рыба оказалась необыкновенно вкусной. Она думала, как бы попросить ещё кусочек, но карта показалась интереснее.

– Вы читаете карты? – заинтересовался Сокол.

– В смысле – читаю? Они у вас зашифрованы особым образом? – очевидно, это всё вино. Обычно Лизавета вела себя в компании не особо знакомых людей тихо и скромно, а тут язык прямо всё равно что сам болтал.

– Вы умеете ориентироваться по карте?

– А чего сложного-то? Топографическим кретинизмом не страдаю, – фыркнула Лизавета.

Когда в отпуске они с Вадимом и Настей оказывались в незнакомом городе, обычно именно она водила их по карте.

– И книги, что ли, читаете? – продолжал удивляться дурак.

– А вы что ли нет? – она нагло на него глянула. – Хотя, конечно, здесь я ещё не проверяла. Будет грустно учиться читать заново, хотя это и логически верно. То, что я говорю на вашем языке, может не обозначать умения читать.

– Давайте проверим, – Лис дотянулся и взял с полки книгу, похоже, ему самому было интересно.

Открыл на первой попавшейся странице и протянул Лизавете.

Лизавета взяла и стала рассматривать – что такое попало ей в руки.

Книга была рукописной. Что, они ещё до книгопечатания не додумались? Как до унитаза и до трусов? В книге были чудесные яркие иллюстрации – всё правильно, такие и должны быть. Она видела подобные в маленьком музее в Ферраре, два года назад, они с Настей туда случайно зашли, пока Вадим говорил по телефону – кто-то по бизнесу дотянулся и там. Или это уже была любовница. Да какая сейчас разница! В общем, в том музее были огромные фолианты с нотами для церковных песнопений, и с чудесными миниатюрами. Да и в сети Лизавета таких книг видела достаточно.

Книга, которую она сейчас держала в руках, была в четверть размера тех, огромных. Ну да, ин-кварти. Переплёт кожаный. Название вытиснено и прокрашено золотой краской, Лизавета немного сощурилась, буквы как будто затрепетали – и сложились в слова. «Путешествие Гаэтано из Фаро следом за восходом Солнца».

– «Как Солнце восходит и движется по небу, так и я, движимый одним лишь желанием узнать более о том мире, который дан нам свыше, поднимался ежедневно и двигался в ту же самую сторону. И не было для меня помех и препятствий, из чего заключаю я, что путешествие моё было угодно высшим силам, и расскажу я о нём, не утаю же ни слова, ни события», – Лизавета подняла голову от страницы. – Кто таков этот Гаэтано из Фаро и насколько достоверны его наблюдения? То есть – имеет ли смысл читать, чтобы узнать, или только как литературное произведение?

– Госпожа Элизабетта, вы в самом деле готовы это читать? – удивился Лис.

– А что не так? – нахмурилась она.

– Всё так, – поспешно кивнул он. – Я распорядюсь, чтобы вас пустили в библиотеку Ордена. Ваша служанка проводит вас. Читайте. Гаэтано был братом нашего Ордена и путешественником, он жил с полсотни лет назад. Его описания довольно интересны – если вы любите читать о путешествиях, конечно же.

– Я люблю читать о путешествиях, – кивнула Лизавета, и залпом допила вино из своего бокала.

Ей тут же подлили ещё. А книгу она закрыла и угнездила на коленях, придерживая одной рукой.

– Госпожа моя, вы любите читать книги? – Сокол смотрел на неё как-то... странно, в общем, смотрел.

– Да, люблю, – она не понимала, куда он клонит.

– И много прочитали?

– Да я считала, что ли? У меня только в телефоне несколько десятков, в читалке. Но телефон не работает. И сети у вас тут нет. Поэтому на сон грядущий буду читать этого вашего Гаэтано. Заодно хоть пойму, что тут у вас и как. Пирога дадите?

Сокол отрезал кусок пирога и подал ей. Пирог оказался с рыбой, тесто было невероятно вкусное. Так-то Лизавета и сама пекла очень недурственные пироги, но за последний год почти забыла, как это делать. Это пока были молодые, она каждые выходные стряпала – не большой пирог, так с полсотни маленьких, не булки, так хоть блины... Эх. Сил было много, а денег – не очень. Ладно, это в прошлом.

– Спасибо, пирог очень вкусный, – кивнула она. – С вашего позволения, я бы пошла уже.

Ещё нужно понять, как помыться на ночь. Наверное, Атилия что-нибудь придумает.

Лизавета поднялась, кивнула обоим и выскользнула наружу. Отошла на несколько шагов. Огляделась.

Коридор был пуст. Тогда она на цыпочках подошла обратно к двери и прислушалась.

– Ты откуда такое диво выкопал? – спрашивал низким тихим голосом Сокол.

– Издалека. Очень издалека, ты даже представить себе не сможешь, насколько. Ты там точно не бывал, – усмехнулся Лис.

– И зачем она тебе? Грамотная женщина, которая читает не молитвы и не сонеты, а землеописание и карты? И смотрит как-то... нехорошо, в общем, смотрит.

– Без неё, знаешь ли, не получится. Ничего без неё не получится. Поэтому ты будешь беречь её, как самого себя. Понял?

– Да что ж тут непонятного-то. И она не маг?

– Не обнаружено ни капли магической силы. Там, где она жила, магов нет.

– Не понимаю, Астальдо.

– Ну и не понимай, – не стал спорить тот. – Тебе не нужно понимать, тебе нужно охранять.

Мы что, уже выпили всё вино?

Он тренькнул колокольчиком, и Лизавета поспешила отойти от двери, чтобы не столкнуться с каким-нибудь служкой.

10. Лизавета и местный быт

Следующим утром Лизавета проснулась и долго искала возле подушки телефон. Телефона не было, пришлось открыть глаза.

Ох ты ж блин. Она не дома, она в какой-то идиотской истории про попаданку. Такие истории она в последний год читала пачками и откровенно над ними смеялась. Всё потому, что ей, видите ли, не нравилось, что героини попадали в миры, где были решены все бытовые проблемы. И душ там, и канализация, и лифчики, и чулки.

Вот и досмеялась, не иначе. Потому-то ей и выдали самую что ни на есть историческую правду – трусов не изобрели, грамотные люди попадают не чаще, чем раз в неделю, книги рукописные, а гадить в горшок. И умываться из ковшика. Зато у них, мать их, магия.

То-то забегали, когда она вчера на ночь помыться собралась. Девочка Аттилия что-то пискнула про «может быть, утром», но была послана добыть горячей воды. Лизавета сообщила, что грязной не уснёт, а вот голову – так и быть – помоем с утра.

Ничего, привели мужика в некрашеном балахоне, тот руками и парой слов нагрел два бака воды. Не до кипятка, но прилично. Из этого сначала Аттилия сделала в ванне воду приемлемой температуры, чтобы туда забраться, и Лизавета забралась, а потом грязную воду опять же магией вылила за окно «там специальная грядка, на ней дзукка заморская растёт, ей тёплое и мыльное полезно», а Лизавету ополоснула чистой водой. Господи, сколько плясок с бубнами просто ради того, чтобы помыться на ночь!

Вчера, пока она ужинала с местным зверинцем, Аттилия развернула бурную деятельность. Результатом стали появившиеся в комнате Лизаветы сундук, небольшой комодик, зеркало в рост и стол у окна. И пара стульев. В итоге одежду сложили в сундук, а часы и телефон – в ящик комодика. Принесенную книгу Лизавета оставила на столе.

В процессе помывки Лизаветы Аттилия изрядно вымокла, и Лизавета, недолго думая, загнала в ванну и её. Потом спросила – где она живёт, и как далеко ей до комнаты. В простыне-то, ага. Махровых полотенец в этом великом, чтоб его, герцогстве тоже не придумали. Оказалось – не так уж и далеко, на этом же этаже в противоположном конце коридора, но в комнате на десятерых. Лизавета вздохнула тяжело и велела перебираться к ней. Вдвоем – всяко лучше, чем вдесятером. А она побаивалась ночевать одна в этом странном месте. Боялась, что вообще не уснёт, но – уснула, только голову до тощей подушки донесла.

Лизавета едва успела подумать – сколько же уже времени? – как снаружи донёсся бой часов. Три раза. И что это значит, простите? По освещению – белый день.

Она села на постели, потеряла глаза, увидела сидящую на лавке с книгой Аттилию.

– Доброго вам утра, госпожа, – та мгновенно отложила книгу. – Пойдёте умываться?

– И тебе доброго, – проговорила Лизавета. – Пойду. Сначала скажи: часы били три раза. Что это значит? То есть, тьфу, почему три?

– Ну как – от восхода солнца. На самом деле, конечно, нет, потому что восход солнца в разную пору года бывает по-разному, летом – раньше, зимой – позже. Но не двигать же каждый раз время? Поэтому есть как бы день и как бы ночь. О, вспомнила – астрономические. Их и отбивают. А на самом деле – по-разному. Сейчас осень, светает где-то в половину второго дня.

То есть, в половину восьмого утра, перевела себе Лизавета. Значит, девять часов. Нормально. Могла и до обеда проспать.

Ещё вчера Лизавете кто-то сказал, что это крыло второго этажа – женское. Тут живут служки, маги и праведницы. Поэтому можно было пойти в туалет и мыльню просто в рубахе. Только выстиранные вчера трусы надеть, без трусов всё одно неловко.

Аттилия с изумлением смотрела, как она стирала те самые трусы. Спросила – а зачем? Пришлось рассказать о гигиене, а также об истории представлений о ней. Уж что-что, а рассказывать про трансформацию быта и нравов Лизавета любила, ибо знала по теме много. Это ещё с преподавательских лет осталось – как ещё рассказать про эпоху деткам, которые не хотят о ней знать ничего? А вот такими наглядными примерчиками. О том, что редко мылись, что не было нижнего белья, похожего на современное, что постельное бельё появилось сильно не сразу, о том, как стирали и гладили... Кто б знал, что доведётся встретиться лично!

Умывание и помывка головы произошли уже известным Лизавете способом, разве что состав для мытья волос был какой-то странный, почти не мылился, и потом ещё Аттилия прищипала какую-то штуку, чтобы ополоснуть – вода-то жесткая, и как-то потом ещё удастся эти волосы расчесать? Чтобы не пугать местных обитателей мокрым разлохмаченным видом, Лизавета попросила еды в комнату. И чтобы непременно был напиток из как его тут звать? Из зёрен арро, вот. К нему что-нибудь вроде хлеба с мясом и обязательно сладкое, хоть немного. Аттилия серьёзно кивнула и удалилась.

Выдали прямо по списку. Ещё прибавили воды в кувшине, молодцы, она сама не догадалась, а пить хотелось.

Пока Лизавета ела и за едой нахально читала добытую вчера книгу, волосы и высохли. Их удалось расчесать даже почти без матов – Аттилию она к этой процедуре не допустила, как та ни просила – и потом заплести, а заплетённый в косичку тонкий хвост подобрать.

У Лизаветы были самые обычные волосы – тонкие, жирные и лёгкие. И росли очень медленно, если, скажем, раз в пару месяцев подрезать концы, то не видно отросшего совсем. Где-то в районе сорока лет Лизавета на них плюнула и позволила расти, как хотят. И разве что мыла и ухаживала – сыворотками, масками, маслами. В итоге сейчас они были длинными, как никогда в жизни – если распустить, то закрывали лопатки. Но толще и гуще не стали. О нет, их было много, и когда чистые, это хорошо видно, ещё было видно, когда она химию какую-нибудь делала. Но – всё это множество было тонким и мягким. Поэтому она без сожаления закрепила косицу шпильками, а голову спрятала в чепец.

И можно было отправляться в город.

11. Лизавета едет в город

Аттилия провела Лизавету через коридор первого этажа и внутренний двор – тот самый, с колодцем – и ещё через одно помещение вывела на улицу. Лизавета подняла голову – и ахнула. Маленький дворик примыкал к огромной храмине. Она была сложена из красного кирпича, и стены возносились в небо этажей на пять. То есть не здешних, а родных Лизаветиных домашних этажей. Аттилия подтвердила, что это храм Сияния, и в нём проводят службы. Да, посмотреть внутри можно, там очень красиво. И вообще, это самый красивый храм в городе, если не считать главного, в котором служат для господина Великого герцога и его семьи.

А с другой стороны дворика оказалась... река. Ой, не река. Канал. Лизавета стояла, смотрела и понимала, что уже видела такие обрывающиеся в воду дома – в другой жизни. Когда два года назад они ездили в итальянской отпуске, то конечно же, не могли не побывать в Венеции.

Аттилия утверждала, что название «Венеция» ей не знакомо совершенно. Что ж, пусть так.

Но по её знаку к ним приблизилась узкая чёрная лодка, не гондола, нет, но очень похожая. И лодочник подал руку, помогая спуститься в неё, сначала Лизавете, а потом и Аттилии. Оттолкнулся от берега, и направился куда-то по каналу.

Чем дальше они плыли, тем больше Лизавете казалось, что она снова в Венеции. Только нет привычных рекламных и прочих баннеров, и вывесок, и магазинчиков. То есть нет, магазинчики и вывески как раз были. Надписи на том же языке, какой она встретила в книге, и она просила Аттилию рассказывать про всё, мимо чего они проплывали. Та только рада была – как же, она знает что-то, чего не знает важная гостья Ордена! Во всяком случае, Лизавета истолковала радость девочки именно так.

Аттилия рассказала про лавку с заморскими пряностями, про продавцов стеклянных бус и про рыбный рынок, куда её отец и братья привозили свежевывловленных кальмаров и осьминогов. Про недавнюю моду – как один господин, державший булочную и лавку со сладкой выпечкой, придумал варить напиток из заморских зёрен и подавать прямо здесь, на набережной, за маленькими столиками, и среди знатнейших дам герцогства теперь считается хорошим тоном хотя бы раз в декаду заглянуть за чашечкой арро и за пирожным. А она всё это знает потому, что тот господин – дальний родственник её матери и всегда готов угостить её сладким во славу Ордена.

Между делом она ещё сообщила, что по повелению господина Астальдо за Лизавету везде платит Орден. Это очень удобно, фактически – неограниченный кредит. Господин Астальдо сказал, что госпоже Элизабетте нужно поскорее привыкнуть к жизни в Фаро, поэтому пусть она ездит в город и делает всё, как обычные люди.

Это удивило – неужели она и вправду им так сильно нужна? Ну, поглядим. Пока Лизавета не могла придумать, для чего ей нужен неограниченный кредит. Нужно понять, что в этом городе вообще бывает. И сколько у неё времени на то, чтобы адаптироваться.

За разговором Лизавета не заметила, как они добрались до цели – очевидно, это была мастерская сапожника. На вывеске болтался добротный кожаный сапог с фигурно вырезанным голенищем и какими-то подвесками, которые побрякивали на ветру. Её ценную особу выгрузили на берег, лодочник остался ждать, а Аттилия поспешила вперед, и пока Лизавета осматривалась, та уже успела поприветствовать хозяина господина Больто и обрадовать его заказом из Ордена.

Лизавету усадили на лавку и очень попросили показать ногу – чтобы снять с неё мерку. Её кроссовки произвели ожидаемый фурор – господин сапожник, мужчина весьма преклонных лет, никогда не видел такой удивительной обуви. Лизавета пожалала плечами и призналась, что

понятия не имеет о том, как именно они были изготовлены. Но опасается, что они не вечны, и хочет себе ещё хотя бы одну пару обуви. Аттилия замахала руками – куда там одну, господин Астальдо велел минимум три! Тогда сошлись на мягких ботиках, в которых можно ходить в помещении, сапогах для верховой езды и туфельках из чудесной алой кожи, от которой Лизавета не смогла отвести взгляд. Мастер заверил её, что эта пара обуви будет самой изящной в жизни заказчицы, ибо он украсит её по последней придворной моде. На удивление Лизаветы – где та придворная мода и где она, мастер пожал плечами и сказал – мало ли, как сложится. Заказ должен был быть готов через декаду.

Тогда Лизавета вытащила из кроссовка стельку и показала мастеру. Тот ещё раз осмотрел лизаветину ногу, затем вторую, восхитился неизвестному материалу и задумался – как это повторить. Стелька была измерена и зарисована, и оставалось только ждать результата.

На прощание Аттилия сообщила, что оплата будет произведена, когда заказ доставят в резиденцию Ордена. Это всех устроило, и они распрощались.

Далее предстояла лавка неведомой госпожи Клары, у которой Лизавета должна была осмотреть местные средства для поддержания красоты. Есть обычные, их у алхимиков покупают, поясняла Аттилия, есть на травах, а есть магические, эти дороже, но и действуют намного лучше. Впрочем, поскольку господин Астальдо не ограничивал их в расходах, госпожа Элизабетта может попробовать хоть всё, что там увидит!

Госпожа Элизабетта только похмыкивала – поглядим на вашу лавку красоты.

Лавка располагалась на другой стороне Большого канала – чистая Венеция, и не говорите мне, что не знаете о ней ничего. Ну хорошо, альтернативная Венеция.

Вывеской госпоже Кларе служил большой стеклянный флакон зелёного цвета. Аттилия шепотом сказала, что вечерами госпожа Клара зажигает в этой склянке магический огонь, чтобы было видно, где ещё набережная, а где уже вода.

Им пришлось подождать – в лавке былолюдно. Аттилия сказала, что пока можно даже из лодки не выходить – всё равно на берегу некуда деться. И снова принялась болтать – о том, как знатные дамы приходят к госпоже Кларе, потому что верят – она может продлить молодость и дать красоту, даже если её отродясь не бывало. А на самом деле госпожа Клара всего-навсего улучшает то, что дано природой, но уж в этом-то она мастер, второй такой не найти!

Лизавета слушала болтовню, а смотрела-то на выход из лавки. И увидела, как оттуда выходят две невероятно разодетые дамы – их бархатные платья были расшиты золотыми нитями и ровными речными жемчужинами, а стоячие воротники представляли из себя произведения искусства – так ей показалось. В реальности Лизаветы такой воротник стоил невероятную сумму, она знала потому, что приценивались для музея. И то к экземпляру попроще. А тут – просто так, на улице!

Дамы уже уплыли, а она всё считала. И если бы Аттилия не тронула её за руку, то долго ещё смотрела бы им вслед.

– Не печальтесь, госпожа Элизабетта! Это придворные дамы, они там, во дворце, чихнуть без приказа не смеют, только и радости у них, что в город выбраться иногда! В Ордене живётся намного проще и интереснее!

Если так, то ну их, этих дам. Ну и пусть себе плывут, нам не нужен... кто-то там.

Госпожа Клара оказалась дамой Лизаветиных лет. Ну или кто их знает, этих магов. Она была одета в платье такого же кроя, как на Лизавете и Аттилии, только из хорошей зелёной шерсти, с вышивкой разноцветными нитями по вырезу лифа и по подолу. Край нижней сорочки был вышит чёрной ниткой и обшит тонким кружевом. Шею обхватывала ниточка некрупного, но очень ровного золотистого жемчуга. То есть, госпожа Клара не бедствует, заключила Лизавета.

Аттилия представила её как важную гостью Ордена и попросила помочь во всех нуждах. Госпожа Клара кивнула, улыбнулась и предложила им обеим цветочного отвара. Аттилия с

восторгом согласилась, Лизавета осторожно последовала её примеру. Отвар оказался нежно-розовым и прозрачным, вкус его был сладким и освежающим одновременно.

Вероятно, тот отвар ещё и развязывал язык, потому что Лизавета вдруг с удивлением обнаружила себя, повествующую о первейших надобностях. Местами обветренная, а местами жирная кожа лица, сухая кожа стоп, и очень сухая – рук. Что поделать, это профессиональное. От пыли и ржавчины ни кожа, ни ногти лучше не становятся. Госпожа Клара восхитилась основательностью подхода, аккуратно осмотрела лицо и руки новой клиентки, и предложила на пробу четыре средства в маленьких флакончиках. Лосьон, два вида крема для лица – на день и на ночь, и жирный крем для рук, ног и всего, что будет сохнуть. Впрочем, она предположила, что во влажном климате Фаро кожа госпожи Элизабетты не будет такой сухой, как на далёкой родине.

Далее был вопрос о волосах. Лизавета стащила с головы чепец и поплакалась – нужно, во-первых, мыть, а во-вторых, покрасить бы. Госпожа Клара посмотрела на неё как-то по-новому, Лизавета не поняла, в чём там дело, но сказала, что может предложить средство для окраски волос. На первый раз нужно будет покрасить по всей длине, а потом, через месяц и далее, только подкрашивать отросшие корни. Лизавета сказала, что принцип ей знаком, а с частостями она готова знакомиться хоть прямо сегодня. Госпожа Клара рассказала о том, как использовать краску, выдала чашку для того, чтобы отмерить нужное количество, и специальную кисть. И предупредила – держать не более получаса, затем сразу смыть. Всё это необыкновенно обрадовало Лизавету – надо же, есть что-то знакомое и здесь!

А под занавес Лизавета спросила, как здесь обстоят дела с декоративной косметикой. Чем глаза-то красить? Госпожа Клара сначала не поняла, а потом изумилась – неужели госпожа Элизабетта готова это делать? Лизавета подумала, что надо потом спросить у Аттилии, в чём здесь подвох, а пока обстоятельно объяснила, что ей хотя бы чем подвести глаза и чем подкрасить ресницы. И для губ, чтобы не обветривались.

Госпожа Клара ушла куда-то в недра лавки, а то и дома – Аттилия шепнула, что её жильё расположено наверху, вон, туда лестница ведёт. А вернувшись, подала Лизавете шкатулку.

– Госпожа Элизабетта, это был мой смелый эксперимент. Наши модницы не оценили, и я хранила его для кого-нибудь вроде вас. Попробуйте, – и придвинула к ней настольное зеркало на подставке.

Лизавета открыла шкатулку, и увидела, во-первых, несколько отличных кистей – и глаза подвести, и тени растушевать, и припудриться. Далее в круглой баночке было нечто чёрного цвета и кремовой консистенции. Она взяла тонкую кисточку и попробовала набрать и провести по руке. Получилось. Тогда придвинуть зеркало поближе и вперёд!

Щеточка для ресниц тут тоже была. Только пройтись, она не на праздник собирается. Порошочки от бледно-кремового до кирпичного цвета легко растушевались на верхнем веке и на скулах. А губы она намазала просто пальцем – структура бальзама это позволяла. А потом взглянула в зеркало.

Вот теперь она похожа на себя, и даже эта чёрная одежда не кажется такой унылой! Расправить воротник сорочки, подтянуть шнуровку... эх, ещё бы голову покрасить, и вообще можно жить! Она повернулась к ожидающим дамам...

– Да, о чём-то таком я и думала, всё верно. А захотите кого-нибудь очаровать, так вот вам. Добавьте на глаза и губы. И никто от вас взгляда не отведёт, – госпожа Клара вручила Лизавете ещё одну маленькую перламутровую коробочку. В ней было нечто желеобразное, с какими-то блёстками. Кого тут очаровывать-то? Служителей местного культа? Мальчишек?

– Спасибо, госпожа Клара, – Лизавета наклонила голову. – Скажите, у господина Астальдо хватит средств рассчитаться с вами?

– Я должна ему кое-что, пусть простит мне долг, – рассмеялась госпожа Клара. – И не забудьте взять образцы притираний, и жду от вас весточки – подошло или нет. Если не подойдёт

– приезжайте, подберём что-нибудь ещё. А если всё в порядке – то я просто пришлю большие баночки.

Они уже сидели в лодке, когда Аггилия наконец произнесла:

– Ну вы и красавица, госпожа Элизабетта! Ещё волосы вам сделать, и вообще будет глаз не отвести!

Это было приятно, но ещё приятнее оказалась мысль, что здесь, оказывается, можно подерживать себя в привычном виде. И кто бы думал, что для неё это так много значит!

12. Лизавета заходит в гости

Неожиданным радостным настроением хотелось делиться.

– Как ты думаешь, нас не потеряют, если мы немного задержимся? – спросила Лизавета у Аттилии.

– Да кто нас потеряет-то, вроде никаких сроков не называли. Даже господин Астальдо должен понимать, что выбор туфелек и притираний – дело долгое, – усмехнулась девчонка. – А что вы хотите?

– Если мы зайдём в то место, где подают кофе. То есть, напиток из зёрен арро.

– К дядюшке? – обрадовалась Аттилия. – Конечно! Скажем, что пробовали новый сорт. Или новый способ приготовления. У дядюшки всё время что-то новое. Даже и врать не придётся, – она лукаво улыбнулась.

Маленькая она. Даже меньше Настасьи. Что Настасья делала в шестнадцать? Рисовала комиксы про волка и собаку для подружек? Смотрела аниме? Читала книжки про приключения? Искала подходы к симпатичным мальчикам в школе?

– Вот и отлично, – кивнула Лизавета.

– Только вот... – как будто девочка хотела о чём-то просить.

– Что? – Настя с таким лицом обычно просила разрешения погулять подольше.

– Мы не могли бы по дороге заглянуть ещё в одно место... Ненадолго. Мне только передать.

Она похлопала себя по бокам, видимо, нашла то, что нужно, успокоилась.

– Конечно, – Лизавета не видела причин возражать.

Уж наверное её не впутают ни в какую историю!

– Спасибо, спасибо вам огромное, – и девочка принялась объяснять их перевозчику, куда ему дальше править.

Лизавета пользовалась возможностью посмотреть на неведомый двойник Венеции. Дворцы по берегу Большого канала сверкали позолотой росписей и белым мрамором ступеней. Единственный мост был очень похож на небезызвестный Риальто, только из дерева. На мосту торговали.

– Смотрите, это площадь Восходящего Солнца, – зашептала Аттилия, показывая налево.

Лизавета повернулась. О нет, здесь не наблюдалось никакого сходства с площадью Сан-Марко, одноимённым собором и Дворцом Дожей. Дворец тут был, но его резное каменное кружево изображало восход солнца, а колонны напоминали невиданные деревья. Рядом возвышался храм, его круглый купол был вызолочен и ярко сверкал в солнечных лучах. Да, похоже, они здесь солнцепоклонники. Как только угораздило?

Лодка вышла в лагуну и свернула направо. И чем дальше шла вдоль берега, тем сильнее становилась мысль Лизаветы: а не зря ли она согласилась на эту авантюру? Что делать приличной девочке в таком месте?

А места вокруг были весьма живописными, если кто любит такую вот жанровую живопись, конечно. Позолота и резные колонны давно исчезли, дома лепились один к другому, и об их внешнем виде давно никто не заботился. Очевидно, у здешних жителей были другие заботы. Когда их лодка свернула на, так сказать, боковую улицу – узкую извилистую протоку – добавился ещё и запах. Пахло разом и морем со всеми вытекающими, и большим скоплением людей. То есть – чем эти люди питались, и что потом из себя выделяли.

Аттилия велела лодочнику причалить рядом с большой лодкой, очевидно рыбацкой – в ней лежали сети, а вокруг удушающе пахло рыбой. Она выскочила на берег, бросив «Подождите», и устремилась в распахнутые и занавешенные драненькой полосатой шторкой двери

ближайшего дома, ступеньки от крыльца которого спускались прямо к воде. Дом имел три этажа и был в два окна шириной. Когда-то его покрасили в весёлый оранжевый цвет, но это было давно, и от краски мало что осталось. Впрочем, соседние дома, когда-то синего и жёлтого цвета, теперь тоже выглядели не лучше.

Лизавете стало любопытно, она тоже выбралась на берег и заглянула за штору.

– Эй, Лучиано, где матушка? – услышала она голос Аттилии.

– Да где ей быть, наверху она, – раздался в ответ юношеский басок. – А ты чего явилась? Тебя выгнали из Ордена? Ты им тоже не годишься?

– Тебя забыла спросить, – огрызнулась Аттилия. – Матушка, я забежала всего на минутку! Камилла, отстань, нет у меня для тебя ничего!

– Смотри-ка, кто пришёл, – ещё один голос, девичий. – Значит, для Камиллы у тебя ничего нет, так получается? А если подумать хорошенько? А если найдём?

– Дети, прекратите немедленно! – слабый женский голос вмешался в свару, но, судя по шуму, успеха не имел.

Лизавета выдохнула и пошла наверх по лестнице, которая начиналась прямо за шторкой.

То, что она увидела, напомнило ей начало двухтысячных, школу, классное руководство и неизбежные визиты на дом к родителям отстающих учеников. И то – те родители жили если и в тесноте, то в целом, всё же, получше.

В этом доме было неубрано, везде валялись какие-то вещи затрапезного вида, через затянутые не понять чем окна проникало очень мало света.

На первом этаже размещалась заставленная грязной посудой кухня, там никого не было. На лестничную площадку второго выходили две комнаты, и в одной как раз и происходило действие.

Женщина в годах, по виду – старше Лизаветы, полулежала на дурно застеленной деревянной кровати. Рядом у окна стоял небольшой сундук и лавка.

Две девочки, с виду лет тринадцати-четырнадцати (но они могли быть попросту недокормленными, подумала Лизавета) держали Аттилию за руки, парень постарше пытался обыскать её, она пиналась. Женщина безуспешно взывала к молодёжи, но они давно перестали обращать на неё какое-либо внимание.

– Что здесь происходит? – поинтересовалась Лизавета самым учительским голосом, на какой была способна.

Конечно же, они не слышали, как она поднималась, очень уж были заняты. Дети вытирали глаза, женщина закашлялась. Аттилия воспользовалась моментом, выпуталась из цепких рук и подбежала к матери.

– Госпожа Элизабетта, я сейчас, – пробормотала она.

Мгновенно сунула что-то матери прямо в руку, встала, закрывая её.

– А вы вообще кто? – очнулся парень.

– Не видишь разве – госпожа из Ордена, – зашипела на него мать. – Так-то вы показываете людям, что вас учили в доме чему-то достойному! Лучиано, Камилла, Розалия!

– А чего она не делится, – буркнула одна из девочек. – У неё-то всё есть!

Хорошенькое личико было сначала тщательно раскрашено, потом размазано – как будто она подвела глаза, а потом спала, не умываясь. Её платье из неплохой когда-то ткани было засалено, а глубоко открывающая грудь сорочка – давно не стирана. И голову бы ей тоже помыть. Впрочем, сестрица была если и чище, то ненамного.

Встрепанная Аттилия выглядела сейчас образцом чистоты и аккуратности.

– Захочет – поделится, – отрезала Лизавета. – Аттилия, если ты сделала здесь всё, что собиралась, мы отправляемся дальше.

– Ступай, дочка, – кивнула женщина. – И спасибо тебе. Видишь, как здесь? Не приходи больше.

Аттилия тяжело вздохнула и подошла к Лизавете.

– Я могу идти, – прошептала она.

Но уйти спокойно им было не суждено. На первом этаже поджидали двое мужчин – один юный, второй в годах.

– Чего явилась? – нахмурился старший.

– Не к тебе пришла, – в тон ответила Аттилия. – Где вторая лодка?

– А какое твое собачье дело? – взвился младший.

Папа и братик, не иначе.

– А такое, что если бы не я, не видать бы вам той лодки, как своих ушей. Куда дели?

– А Паоло её в кости проиграл, – сообщила ещё одна девочка, по виду – лет десяти, спустившаяся за ними вниз по лестнице, чумазая и растрёпанная.

– Нитта, поганка, тебя не спрашивали, – названный Паоло схватил валявшийся на полу рваный сапог и швырнул в девочку.

Девочка заверещала.

– Пойдёмте, – Аттилия взяла Лизавету за руку, вывела наружу и быстро усадила в лодку.

Прыгнула сама, и лодка отчалила от берега.

Выбежавшие следом два брата и две сестры кричали им вслед что-то гадостное.

– Чего это они? – спросила Лизавета.

Аттилия зажмурилась и расплакалась. Пришлось брать её за руку и говорить всякое – что пусть их, что нечего такое слушать, и что приличные люди так себя вести не будут.

– Они всегда такие. Они меня терпеть не могут, потому что думают – я как сыр в масле катаюсь, а они тут концы с концами сводят еле-еле. На самом деле, мне иногда подкидывают монетку-другую, за то, что я читаю вслух, чищу одежду, причёсываю, приношу еду в комнаты, и я их коплю, мне-то зачем, меня кормят и одевают, и есть, где жить, и получше, чем у них. И отношу матушке, она совсем больна, от вечной сырости. Но она не приглашает лекаря, она отдаёт всё им. А они... вы сами видели. Простите за такую гадкую сцену. Я не думала, что они все будут дома. Камилла обычно ходит убираться к соседям. Розалия раньше тоже ходила, а потом сказала, что ей надоело, и теперь ходит вечерами в таверну и гуляет там с мужчинами. Говорит, ей за то побольше платят, чем Камилле. А если Паоло проиграл лодку, то пусть теперь сам как знает, мне больше нечем им помочь.

– Сдаётся мне, ты сделала всё, что могла. Поехали. Это нужно заесть.

13. Лизавета философствует

Однако, их путешествие по городу растянулось ещё на пару часов, потому что Аттилия вытерла слёзы и сказала – если поесть, то это на рынок. И велела везти их туда.

Рынок располагался в красивом портике с колоннами, но запах там был тот самый, рыбный. Лизавета в изумлении смотрела на красиво разложенную по прилавкам рыбу, кальмаров, осьминогов, крабов, моллюсков. А девочка сказала, что это уже так, остатки улова, самый лучший рынок – с раннего утра.

Она подвела Лизавету к прилавку, за которым на открытом огне что-то жарили, приветливо поздоровалась с молодым мужчиной в смешном колпаке и сказала, что нужно накормить трёх человек. Через несколько минут Лизавете в руки дали свёрнутый из большого тонкого блина кулёк, в котором лежали маленькие жареные рыбки и морские гады – колечки кальмаров и щупальца мелких осьминогов. Аттилия с восторгом взяла ещё один такой же, а третий – для их перевозчика – попросила поддержать Лизавету. Она расплатилась какой-то мелочью и двинулась обратно к лодке.

Так что обедали они в лодке. Такой вкусной фриттюры (так это звали в реальности Лизаветы) она не ела ни дома, ни в путешествиях. Ели руками, запивали водой из фляги, которая нашлась в лодке. А потом уже отправились на другой берег канала – пить здешний кофе.

Кофе оказался хорош, как бы его не называли. И к нему предложили пирожные из воздушного теста с чем-то вроде белкового крема и с земляникой. Аттилия попросила упаковать с собой парочку, и получила ещё мешочек зёрен с наказом передать его господину Астальдо.

Можно было двигаться домой. То есть в обитель Ордена Сияния.

Лизавета с Аттилией шли через внутренний двор, когда им навстречу попала Крыска Агнесса.

– Где это вы ходите, хотела бы я знать? – спросила она, сурово глядя на Аттилию.

– По приказу господина Астальдо я сопровождала госпожу Элизабетту в город. Мы ездили в лавки.

– В лавки, говоришь? Опять ездила в свой вонючий Рыбий Хвост к вшивым родственникам? От тебя же теперь рыбой будет нести за версту!

– Госпожа Агнесса, а в чём, собственно, дело? – нахмурилась Лизавета.

Девочка отлично развлекала её весь день, а родственники только добавляют ей проблем.

– Дело в том, – отчеканила та, – что я должна провести с вами курс лечения. Как, позволите узнать, я это сделаю, если вы ходите неизвестно где весь день?

Она взглянула Лизавете прямо в глаза, ещё больше нахмурилась, отшатнулась.

– Если бы вы были так любезны и сообщили мне о ваших планах, мы бы их как-нибудь согласовали, – Лизавета тоже умела говорить сурово. – А если они существуют только в ваших мыслях, то откуда нам с Аттилией их узнать? И не трогайте девочку, она, уверяю вас, моется достаточно часто.

Да-да, иначе Лизавета бы её близко к себе не подпустила. Если бы она выглядела и пахла так же, как её сёстры. То есть, подпустила бы, конечно, но сначала её бы пришлось долго отмыть и расчёсывать.

Крыска только фыркнула. Уже пошла было дальше, куда там ей было надо, полуобернулась и выплюнула:

– Вас искал ваш... телохранитель, – последнее слово ей почему-то было особенно не по вкусу.

– Благодарю вас, – Лизавета кивнула и взяла Аттилию за руку. – Идём. Если мы кому-то нужны, нас непременно найдут. Как ты думаешь, будет хорошо, если мы попросим кофе, то есть арро, прямо к нам в комнату? И съедем пирожные?

– Просто замечательно, – кивнула Аттилия.

Но расслабиться им не дали. Очередной послушник? Слуга? В общем, местный житель в некрашеном балахоне сообщил, что госпожу Элизабетту ждёт Магнус Амброджо, вот прямо сейчас.

Лизавета взглянула на Аттилию, но та только пожала плечами. И взялась поправлять Лизаветин чепец – видимо, криво сидел.

– Только, госпожа Элизабетта, не смотрите ему в лицо, как вы на всех смотрите, – зашептала девчонка.

– Почему ещё? – нахмурилась Лизавета.

– Ну... как это сказать... не принято, чтобы женщины смотрели в лицо посторонним мужчинам. Воспитанная женщина смотрит в пол, и поднимает взгляд, только если её об этом прямо попросят. Ну, или прикажут. В своей семье – ещё можно, и то, как муж скажет. А на улице, с незнакомыми и со священниками – нет.

Так вот почему они все на неё тарашатся, подумала Лизавета. Не привыкли, что на них чужие бабы смотрят. Нежные фиалки, так их растак.

– Спасибо, что предупредила, – вздохнула Лизавета.

Опустила очи долу и пошла за мужиком в балахоне. Вообще, смотреть под ноги, когда носишь хламиду в пол, даже полезно – ни за что не зацепишься и не завалишься.

Мужик привёл Лизавету в ещё неизвестную ей часть здания – через двор, потом в калитку и через ещё один внутренний двор, тоже вроде с колодцем посередине, и с цветочками, и открыл створку обитой металлом двери.

– Проходите, госпожа.

Лизавета прошла, повертела головой – надписей с указателями типа «к Магнусу направо» нигде не было. Тем временем мужик аккуратно прикрыл дверь и повел её по коридору, кстати, как раз направо. И осторожно постучался в очередную дверь.

– Входите, – раздалось изнутри.

Лизавета вошла из темноты и зажмурилась – прямо в дверь светило через окно заходящее солнце.

– Проходите, госпожа Элизабетта, – уже знакомый голос Лиса-Астальдо вернул к действительности.

Он даже взял её за руку и провел к лавке.

Лизавета проморгалась и села. И прямо перед собой увидела высокого, неплохо сложенного, синеглазого и... плешивого мужика в белом одеянии из плотной струящейся ткани. Вышитые золотые солнца сияли отраженным светом. Мужик сидел в деревянном кресле с высокой резной спинкой, в такое же опустился Астальдо.

Лизавета украдкой оглядела комнату – шкаф с книгами, стол. На столе чернильница, перья и тоже книги. Ну хоть не совсем дикари, и то ладно.

Тут она вспомнила про не поднимать взгляд и уставилась в пол.

– Госпожа Элизабетта, – начал плешивый писклявым голосом, – Орден Сияния в моём лице приветствует вас в Фаро.

– Благодарю, – кивнула она.

– Наш брат в Сиянии Астальдо уже сообщил вам о великой миссии. Знайте, что в пути с вами всегда будет благословение Ордена, и моё личное – тоже.

Лизавета не придумала, что ответить, и лишь кивнула. Что-то ей подсказывало, что благословение этого плешивца в неведомом пути не сильно-то поможет.

– Госпожа Элизабетта занята подготовкой, – Лис спрятал усмешку в ладони.

– А что там готовить? Вот она – передо мной, тот нечестивец, которого ты вынул из подвала, тоже в порядке, я его сегодня видел. Что вам мешает отправиться завтра с утра?

Чего? Завтра с утра? Он рехнулся, да? Лизавета забыла про смотреть в пол и недоумённо уставилась на местного иерарха.

– Отсутствие заготовленных припасов, должного количества лошадей, оружия... и чего-то ещё, Фалько мне говорил, но я не запомнил весь список. Он озадачен, и как только сообщит, что можно выступить, мы это сделаем. Он не в первый раз собирается в подобный поход, и сделает всё наилучшим образом, – Лис продолжал усмехаться за сложенными руками.

– Хорошо, – кивнул Магнус. – Скажите, госпожа Элизабетта, какой веры вы придерживаетесь?

– Я? Никакой, – изумлённо сообщила она.

Это-то тут причём?

– Как так? – не понял Магнус.

– Обычным образом, – ответно не поняла она.

Ну да, в её детстве детей ещё не крестили, не то время было. А после, в сознательном возрасте, она сама уже не была готова прийти к какой-либо вере. Родственники периодически тюкали – пойдёшь уже, покрестись, и жизнь придёт в порядок, говорили они. Особенно мама. Лизавета же не верила, что само по себе крещение, без внутреннего убеждения, приведёт что-то куда-то. А того самого внутреннего убеждения она в себе не ощущала никак. И готовности чем-то жертвовать – тоже. А просто так пойти и просить – дай-помоги – не будучи готовым что-то дать от себя... Это казалось ей неправильным. Так и жила – надеясь только на себя, и никак не на высшие силы.

– Но позвольте, я готов верить, что в вашем мире все погрязли в ереси, но не могу представить, что там даже ереси нет!

– Почему же, – усмехнулась Лизавета, – думаю, вы нашли бы у нас очень много разнообразных ересей.

– И вы не принадлежите ни к одной из них? – он продолжал изумляться.

– Верно. У нас так тоже бывает. И довольно часто. Я не религиозна совершенно.

– Это какая-то болезнь? – спросил Магнус, повернувшись к Лису. – Я не могу представить то, о чём она говорит.

– Отчего же сразу болезнь? Я думаю, наша гостыя тоже во что-нибудь верит, просто называет это как-нибудь иначе. Ведь всё равно у неё есть какие-то ответы на вопросы о том, откуда взялось всё существующее множество миров. Так ведь, госпожа Элизабетта?

О, у нас философский диспут? Неплохо.

– Так, – Лизавета тоже повернулась к Астальдо. – У нас, представляете, существуют теории о том, что всё случилось само собой, в ходе эволюции.

– Что? – Магнус с непониманием глянул на неё. – О чём это она? – а это уже Лису.

– Госпоже Элизабетте случается произносить непонятные слова. Я думаю, это означает только то, что в нашем языке нет подобных слов. И нет предметов и явлений, которые эти слова обозначают.

Надо же, воображает!

– Эволюция – это естественный и постепенный процесс развития всего, – сообщила Лизавета. – Она везде есть.

– То есть, вы считаете, что всё сущее находится в процессе развития? – заинтересовался Лис.

– Да, мне это кажется правильным представлением о сущем, – усмехнулась в ответ Лизавета. – Всё ведь меняется. Люди, их привычки, образ жизни. Даже обычаи и традиции.

– И что вы видите движущей силой этих изменений?

– Я не вижу какой-то одной движущей силы, которая управляла бы всем по некоему замыслу. Я склоняюсь к тому, что в каждой частице окружающего нас мира есть этот импульс, независимо от того, живое оно или нет. У живого побольше, конечно. Но даже камень на берегу моря изменится за несколько лет – сначала, отколовшись от скалы, он будет острым и угловатым, а когда его обкатает море – то гладким и круглым.

– Очень удачный пример, – кивнул Лис.

Ещё бы, попробовал бы он объяснить каким-нибудь неподготовленным студентам, которые читают-то с трудом, а тут надо философию сдавать! Сразу бы научился примеры придумывать.

– А на примере человека мы можем видеть изменения намного ярче и существеннее, – продолжила Лизавета. – Если сравнить мироощущение ребёнка, подростка, зрелого человека и старца – это будут четыре разных человека, уверяю вас. Даже базовые вещи, вроде «хорошо-плохо», будут разными.

Лис слушал и кивал, Лизавета подбирала ещё какие-то аргументы.

– Эй, вы вообще о чём? Хорошо – это свет и тепло, что несёт нам Великое Солнце, а плохо – это Предвечная тьма! – Магнус смотрел на них с ужасом.

– Ни в коей мере не спорю, – кивнула Лизавета, – но...

– Госпожа Элизабетта, мы ещё поговорим с вами. Позже, – перебил её Лис.

И смотрит так значительно.

Эй, вспоминай, где находишься. И придержи язык. И в пол смотри, да?

– Я думаю, госпоже Элизабетте следует посетить храм и вообще просветиться, – отрезал Магнус. – А то ещё скажет где-нибудь...

– Буду рада, – кивнула Лизавета. – Мне рассказали, что ваш храм очень красив.

– Всё самое лучшее отдано ему, – важно кивнул Магнус. – Но сейчас ступайте. Жду вас завтра на полуденной службе.

Вот так. Ну ладно, изучение местных верований – это важная часть исследования аборигенов, подумала Лизавета. Она кивнула обоим собеседникам, понадеялась, что это вежливо и прилично, и отправилась восвояси знакомой уже дорогой. И тут только заметила, что пока они беседовали, снаружи успело стемнеть.

Если в коридоре горели какие-то светильники, то за дверью на улицу её ждала та самая Предвечная Тьма, или что-то, на неё очень похожее. Из какого-никакого, но света в темноту – неудивительно, что Лизавета наступила на подол собственного платья и полетела на землю, а дверь издевательски хлопнула за её спиной.

– Вашу ж мать! – громко сообщила она, оказавшись на чём-то мягком, наверное – на траве.

– Госпожа моя, следует быть осторожнее, – чьи-то руки подняли её с земли и поставили. – Держитесь?

– Да, благодарю вас, – прочувствованно сказала она, отдышавшись. – Господин Фалько, это ведь вы? Я ничего не вижу. Мне сказали, что вы меня разыскивали?

– О да. Я же должен охранять вас, госпожа моя. Правда, речь шла о внешних врагах, а не о вашей собственной неосторожности, – в голосе так и слышалась насмешка.

– Я не кошка и ночью не вижу, – огрызнулась она.

– Бывает, – он щелкнул пальцами, и перед ними повис в воздухе небольшой огонёк.

Достаточно яркий, чтобы осветить дорогу, но не настолько, чтобы слепить глаза. Отлично, просто отлично! И можно идти дальше.

– Спасибо, и какая же красота, – Лизавета в восторге схватила его за руку... подумала, что не стоит, и отпустила.

Он смеялся.

– Не говорите только, что никогда не видели магических огней.

– А я и не видела. Там, откуда я, магии нет, и не было никогда. Про неё только сказки рассказывают.

– Если рассказывают – то не на пустом же месте?

– А как же извечное стремление человека к неизвестному? И желание чуда?

– Надо же, как вы сказали – извечное стремление к неизвестному! И вам оно тоже знакомо?

– Конечно, как всякой живой твари, – рассмеялась она. – Вот мы и пришли, спасибо вам.

Он погасил свой магический огонёк и открыл Лизавете дверь её части большого дома.

– Не за что, госпожа моя. Доброй ночи, – он взглянул на неё, нахмурился, потом его брови так и взлетели вверх.

Здесь коридоры освещались, как поняла уже Лизавета, магическим светом. Он был ровнее и ярче любого обычного факела. Лизавета ещё раз взглянула на телохранителя, ничего не поняла. На всякий случай улыбнулась ему, кивнула и побежала к лестнице.

14. Лизавета выспрашивает и лечится

Вот и здесь дожили до будильника, думала Лизавета. Правда, вместо будильника была Аттилия, и Лизавете как-то по-человечески больше нравилось, когда её будили живые люди, а не телефон, но она всё равно ненавидела вставать по времени, не выспавшись, как следует.

Но накануне вечером, вернувшись к себе, она узнала – от той же Аттилии, что госпожа Крыска назначила ей явиться на лечебную процедуру к трём часам утра (к девяти, это значит – к девяти... перевела Лизавета про себя), а перед тем непременно что-нибудь съесть. Значит, магическое лечение тоже бывает на сытый желудок. Также Крыска сообщила, что процедура займёт около двух часов. Аттилия добавила, что, мол, госпожа Агнесса всегда так чётко всё расписывает, и процедуры, и занятия. Да, она как раз ходит заниматься к целительнице, и к господину Астальдо, и ещё к госпоже Мариалене, и к господину Августо.

Оказалось, что у Аттилии весьма широкий спектр способностей, но пока непонятно, насколько велика её сила. Поэтому её знакомят со всем понемногу: и с целительством, и с бытовой магией, и защитной, и с воздействиями на растения и животных, и с предметной тоже, и кажется, она уговорила господина Фалько немного показать ей боевую. Как, госпожа Элизабетта не знала? Господин Фалько – очень опытный и могущественный боевой маг. Это сказал господин Астальдо, а господин Фалько, бывший при том, ни словом не возразил.

Лизавета на то лишь глазами похлопала. И попросила добыть какой-нибудь еды, а то у Магнуса не кормили. Оказалось, что девчонка тоже где-то бегала и не ужинала, вот и пусть тоже присоединяется.

За ужином Лизавета вспомнила, что был непонятный вопрос.

– Вот смотри, про глядеть в пол я поняла. Правда, я всё время об этом забываю. Но обещаю быть внимательной. А что у вас с макияжем? Я смотрю, здесь, в обители, женщины не красят глаза. Или это делают только девицы вроде твоей сестры?

Аттилия рассмеялась.

– Ну, Розалия белит лицо и румянится, а ещё подводит глаза. И у неё какие-то совсем простенькие краски для этого, не знаю, где она их берёт, наверное, покупает на то, что кавалеры дают. Среди свободных девиц принято красить лицо. А ещё красятся, я слышала, придворные дамы. Говорят, что явиться ко двору ненакрашенной – всё равно что без драгоценностей и в старом платье. И дамы покупают средства, сделанные при помощи магии – как вам предложила госпожа Клара. Они не такие ядовитые. Говорят, что обычную пудру для отбеливания щёк делают из смеси белил, свинца и уксуса, и если это на себя намазать, то и правда, никаких прыщей не видно, но после, когда умоешься, тоже ничего хорошего.

– Что? Белила, свинец и уксус?

Лизавете приходилось что-то читать о косметике времён Елизаветы Тюдор, когда как раз любили бледную кожу, алые губы и яркие глаза. И о том, какими жертвами всё это достигалось. Но одно дело читать, а другое – видеть своими глазами!

– Это мне сказал один здешний послушник, Гвидо, точнее, он сначала был послушником, а потом оказалось, что он маг. И его отдали учиться к алхимику из ордена Света, господину Кастелло, на год, а недавно он вернулся. И рассказывал, чем ему там приходилось заниматься. А у того алхимика целый дом подмастерьев, потому что заказов много, а он один. И дамские белила и румяна – это ещё не самое сложное, так сказал Гвидо. Но он всегда работал в перчатках, и говорил, что не понимает тех дурочек, которые всё это на себя намазывают. Но такие притирания намного дешевле, чем у той же госпожи Клары, поэтому их многие покупают.

– То есть, мне повезло? – хмыкнула Лизавета.

– Конечно! Господин Астальдо сказал – для вас найти всё самое лучшее.

– И теперь, когда я смотрю людям в глаза, да ещё и накрашенная, то что они думают?

– Что вы очень красивая, вот что они думают! – рассмеялась девчонка. – Просто вы выглядите совсем не так, как обычная накрашенная дама. У вас лицо как у человека, а не как у дамы с картины, и не как у посмертной маски. У вас как-то так получилось, что вы как будто и не накрашены вовсе, а глаза яркие. Ярче, чем обычно. А одеть вас по придворному – так и вовсе!

– Что ты такое говоришь, с чего вдруг красивая? Я старая и толстая.

– Это вы толстых не видели, – замахала руками Аттилия. – По вам видно, что вы жили в хороших условиях и не голодали. У вас очень ухоженная кожа, и волосы тоже.

Ничего себе заявочки! Лизавета в теории знала, что каноны красоты в разное время очень отличались, но столкнуться на практике... Ладно, это мнение девочки. Возможно, мужчины думают иначе.

– А сколько лет твоей матушке? – вдруг догадалась спросить она.

– Тридцать шесть, – без запинки ответила Аттилия.

А по виду – не меньше, чем пятьдесят восемь. Но... Лизавета вспомнила ещё об одном аспекте.

– А сколько у неё всего было детей?

– Всего – тринадцать. Нас осталось восемь, два братика и три сестрёнки не выжили. И с одной стороны, столько детей – это хорошо, потому что помощь родителям. А с другой – всех же надо кормить, сёстрам приданое выделять, но его, правда, всё равно нет, а братьям – помогать обустраиваться. Я думала, Паоло с лодкой-то женится точно, а он, бестолочь, проиграл её в кости. Так что мне очень повезло, что я маг и что я здесь.

– А во сколько лет твоя матушка вышла замуж?

– В пятнадцать. А отцу было уже больше двадцати, он копил на лодку, и накопил, а дом он купил уже после смерти деда, тот немного денег оставил. Это мне было лет пять, а братьям – и того больше. Скажите, а что было нужно от вас его преосвященству?

– Он хотел знать, какой я веры. А я – никакой.

– И вы ему сказали? – удивилась девчонка.

– Именно. Он долго не мог поверить, а потом велел прийти завтра на полуденную службу. Это в шесть часов, так?

– Точно, – кивнула Аттилия. – Я провожу вас, не беспокойтесь. Вы должны туда успеть после встречи с госпожой Агнессой.

– Значит, буду успевать. Скажи, ты знаешь, куда мы положили баночки от госпожи Клары?

– Конечно, – девчонка с готовностью вскочила и открыла одну из дверей комодика.

Там стояли банки с пробниками и шкатулка с декоративкой.

– Замечательно. Сейчас мы пробуем покрасить мне голову, а потом я иду мыться, нет, мы идём мыться, а потом – намажусь, почитаю немного, и спать.

Косметика госпожи Клары замечательно снялась её же лосьоном. Аттилия очень боялась подступаться к краске, но тут у Лизаветы был немалый опыт – она красила волосы лет с двадцати, сначала просто в разные цвета, посмотреть, что будет, а потом уже нужда заставила. Краска была приятной кремовой структуры, легко нанеслась кистью, а по истечении времени – легко отмылась.

И после уже знакомой процедуры нагревания воды и мытья Лизавета намазала кремом лицо, стопы и руки, почитала немного книгу и уснула.

А утром был тот самый подъём. Быстрое умывание, завтрак на скорую руку, одеться и пойти к Крыске-Агнессе.

Её кабинет находился на первом этаже, недалеко от кабинета Лиса-Астальдо. Она уже была там, что-то отмеряла из большой бутылки в склянку.

– Доброе утро, госпожа Агнесса, – кивнула Лизавета.

– Доброе утро, – буркнула та. – Раздевайтесь, сорочку тоже снять, и ложитесь, – и кивнула на деревянную лавку, застеленную простынёй.

Лизавета разделась – до трусов и лифчика. Подошла и села на лавку.

– Я непонятно сказала, что следует раздеться? – Крыска повернулась и нахмурилась. – Эти вещи вам никак не помогут, а мне только помешают.

Лизавета молча сделала, что просили. Потом до неё дошло – Крыска понятия не имела о том, что человек может носить что-то под сорочкой. Ничего, пусть привыкает.

А дальше Крыска подошла, коснулась её лба холодными пальцами, и более Лизавета не помнила ничего.

Проснулась она от Крыскиного раздраженного голоса:

– Просыпайтесь! Да просыпайтесь уже! Я не сделала с вами ничего такого, чтобы вы не могли прийти в себя, встать и уйти отсюда!

Лизавета честно попыталась встать, но у неё закружилась голова.

– Извините, – тихо сказала она и легла обратно.

Крыска подошла, потрогала лоб, уши, правую кисть. Что-то потёрла в районе висков, потом взяла обе руки и надавила, да так, что Лизавета даже пискнула.

Но голова перестала кружиться, и стало можно сесть, а потом встать. Одеться, сказать «угу» на слова о том, что завтра ей надлежит явиться в то же самое время, и выйти наружу.

Тело разбила слабость, голова снова закружилась, нестерпимо хотелось пить. И спать. И на воздух. Было похоже на упавшее давление, наверное, нужно выпить кофе.

Аттилия скатилась по лестнице со второго этажа.

– Ой, госпожа Элизабетта, да на вас лица нет!

– Наверное, пройдёт. Ты можешь принести мне воды? И немного кофе? Черного и сладкого? А я пока выйду на улицу.

– Ой, могу, конечно, но давайте, я вам помогу.

Аттилия взяла её под руку и вывела во двор. Ближайшая лавочка оказалась в спасительной тени, и Лизавета рухнула на неё. Девочка заверила, что она мигом, и убежала.

Во дворе происходило занятное: господин Сокол, её дражайший телохранитель, гонял пятерых парней. Они нападали на него, он легко расшвыривал их по кустам олеандров. Лизавета так увлеклась, что даже немного забыла о слабости и головокружении.

Впрочем, господин Сокол собрал учеников вокруг себя, что-то им сказал, и они радостно убежали ещё в одну дверь. А сам он подобрал с края колодца плащ и подошёл к ней.

– Госпожа Элизабетта, с вами всё в порядке?

– Не слишком, но я надеюсь, что это ненадолго.

– Что случилось? Чем вы были заняты с утра?

– Лечебными процедурами.

– Кто вас лечит? Астальдо? Террано?

– Госпожа Крыска, – она сказала быстрее, чем подумала. – Простите, госпожа Агнесса.

Он усмехнулся.

– Похожа, похожа. И что она с вами делала? – а сам сел рядом и взял её правую руку, принялся нажимать на подушечки пальцев.

– Не знаю. Я спала.

Дверь хлопнула, оттуда вынесло Аттилию.

– Госпожа Элизабетта, вот! Ой, здравствуйте, господин Фалько, – девочка улыбнулась и благовоспитанно опустила взгляд.

В руках у неё был поднос, там стоял большой стакан воды, две чашечки кофе, сахарница и пара пирожных на тарелочке.

– Благодарю, – Лизавета взяла свободной рукой стакан и мгновенно выпила воду.

Сокол отпустил её вторую руку. Кажется, от его манипуляций был толк – головокружение прошло.

– Господин Фалько, вы ведь тоже любите арро? Возьмите, пожалуйста, – Аттилия кивнула на чашечку.

– Спасибо, дитя, – кивнул тот с улыбкой.

Лизавета же взяла чашку, нюхала, потом размешала сахар – он здесь более крупный, чем дома, и коричневый. Пила маленькими глоточками, не глядя, что там вокруг. Потом взяла пирожное и съела.

– Вы не знаете, сколько сейчас времени? – до Лизаветы дошло, что в полдень ей снова надо где-то быть.

– Почти полдень, – Фалько поставил на поднос пустую чашку и улыбнулся девочке.

– Ой, мне нужно идти, – Лизавета встала, опираясь на лавку.

– Вам нужно, судя по всему, пойти и поспать, – заметил Фалько.

– Верно, но Магнус велел мне прийти на службу.

– Ох. Ну пойдёмте тогда, что ли, – он подал Лизавете руку, та схватилась за неё.

Потом подумала, что мужчины не любят, когда в них вцепляются, и ослабила хватку.

В храмине он подвёл её к лавке в самом последнем ряду, усадил, и сам сел рядом. Лизавета не слишком хорошо запомнила, что именно было – ну, пели, красиво пели, потом что-то говорили, а внутри всё было в золоте, и много фресок с непонятными сюжетами. Ладно, это потом.

И когда Фалько после службы довёл её до комнаты, то она разве что позволила Аттилии помочь снять платье, а потом сразу же провалилась в сон, едва донесла голову до подушки.

15. Лизавета подслушивает и вспоминает

Лизавета проснулась от голосов. Громких голосов прямо над своей головой. И она даже узнала эти голоса – Лис-Астальдо и Крыска-Агнесса. И прямо ссорятся.

– Так я откуда знала, что так получится? Она очень хорошо выглядит для своего возраста! Вы бы дали ей её сорок пять лет? Вот, и я нет! Она выглядит упитанной и здоровой, посмотрите, какие волосы мягкие! А что у неё там внутри – да кто ж это знает! Может быть, у них там все такие, с бородавками не только снаружи! Я и предположить не могла, что процедура так отразится на её сосудах! Может быть, у них там вообще всё не как у людей, на их заграпезной окраине! Вы ведь не сказали, откуда её выкопали такую! – ого, Крыска как будто оправдывается, но разом с тем ещё и нападает!

А о том, что организм человека есть целостная система, здесь, похоже, не знают.

– Агнесса, дорогая, не забывай, пожалуйста, что ты сама родилась отнюдь не в Фаро. И кем тебя считали в родной деревне? Правильно, ведьмой. Злобной ведьмой, которая вылечила соседа только для того, чтобы досадить другому соседу, потому что на самом деле служит Предвечной Тьме. Вспомнила? – надо же, как Лис-то умеет, он не только сладенький и с улыбочками, а ещё и грозный, и суровый тоже!

– Я всё помню, – бросила Агнесса. – И спасибо Великому Солнцу за то, что привело вас туда в нужное время.

– Вот, то-то. И я знаю, что ты потом с этой деревней сделала, – продолжает Лис. – Только пока молчу.

– И что, сможете отдать меня палачу? Ничего нигде не защемит? – ох, Крыска, бедовая ты, интересно, а смотришь ты сейчас куда – неужели тоже в пол?

– Ты не единственный маг-целитель в моём распоряжении. Но ты, помнится, говорила, что тебе интересно не просто повторять одно и то же, от учителей затверженное, но и самой открывать что-то новое. И я дал тебе для этого прекрасную возможность! Это тело нужно мне здоровым, вместе с душой, сердцем и всем, что там ещё есть. Если бы так можно было – её бы сразу убили, а потом мы тихонько призвали бы некроманта, подняли её и заставили бы сделать, что нужно. Но так не работает, увы. Она должна делать всё сама, по своему желанию. И её здоровья должно хватить на опасное путешествие, которое продлится неизвестно сколько. Вечером я пришлю за тобой. Отработаешь. Ясно?

– Ясно, – пробурчала Агнесса. – Она, между прочим, проснулась. И слушает нас.

У-у-у-у, зараза. Определила. Лучше бы утром определила, что пора бы уже остановиться, думала Лизавета.

Её лба коснулись тёплые пальцы – аккуратным жестом.

– Госпожа Элизабетта, вы проснулись? Вы в порядке?

– Проснулась, господин Астальдо, – глаза пришлось открыть. – А в порядке или нет – сейчас узнаю.

Говорить с ними лучше сидя, но никак не лёжа. Лизавета села, потёрла глаза и оглядела спорщиков.

Окна закрыты, на улице, видимо, уже темно. А над головой Лиса Астальдо висит неяркий огонёк, такой же, как вчера освещал дорогу им с Соколом. Или это было не вчера?

– Сейчас ещё сегодня или уже завтра? – пробормотала Лизавета.

– Тот же самый день, утром которого Агнесса вас лечила. Она завтра продолжит, но осторожнее и аккуратнее. Вы уже условились о времени?

– Да, на девять утра, то есть – на три часа.

– О, вы сопоставили время своей родины и наше? – заинтересовался Астальдо.

– Только предположила. Мои часы стоят, мой телефон не включается.

– Вы уже упоминали эти загадочные предметы, что были при вас. Миниатюрные часы встречаются и у нас, правда, они не слишком точны. А вот второй предмет мне непонятен.

– Это средство связи на расстоянии.

– И как оно работает?

Лизавета подумала, что понятия не имеет, как организована сотовая связь. То есть знает про спутники и вышки, и ей этого достаточно.

– Знаете, это технология, о которой я никогда не задумывалась. Просто пользовалась, и всё.

– Понимаю, бывает. Госпожа Элизабетта, я жду вас на ужин. Агнесса, ступай. И если увидишь Аттилию, пригласи её, пусть поможет одеться госпоже Элизабетте.

Аттилия появилась сразу же. Зажгла свечи в подсвечнике, встряхнула платье, предложила расчесать волосы. Лизавета расчесалась сама, волосы замотала в дульку, а потом глянула на разлохмаченную Аттилию.

– А ты чего ходишь растрёпой? Тебя госпожа Агнесса не ругает?

– Ой, ругает! Да мне некогда перед зеркалом стоять, я ж занята всё время!

– Садись, – Лизавета кивнула на лавку и взяла гребень.

– Ой, да вы что? Я сама могу, а вам не положено, – замотала головой девчонка.

– Кем не положено? – усмехнулась Лизавета. – Садись, кому говорю!

Аттилия тихо пискнула и села. Лизавета развязала её верёвочку, расплела косу, хорошенько расчесала волосы. Хорошие, густые, расчёсывать – одно удовольствие! У Настасьи тоже такие были, ибо волосами она – к счастью – пошла не в Лизавету, а в свекровь, пока детка в четырнадцать лет не отстригла косу, а что осталось – выкрасила во все цвета радуги. Вадим матерился, мама плевалась, свекровь напустилась на Лизавету – как она могла такое разрешить. А Лизавета превратилась в соляной столп и делала вид, что не видит и не слышит. Ну увы, такой вот путь выбрала её маленькая девочка для самоутверждения. И если ей так проще и лучше – то пусть так и ходит. Волосы – не зубы, отрастут.

Так и получилось – волосы отросли, краска отмылась, и хотя Настя их больше не отращивала, но красилась, по крайней мере, в один цвет. Да-да, если подсказать Аттилии, что волосы можно покрасить в розовый... с её исходным каштановым будет непросто, да и можно ли здесь? Только если магией!

Пока Лизавета предавалась раздумьям и воспоминаниям, руки всё равно что сами плели «дракончика», подбирая от лица более короткие пряди. Саму косу она заплела обычным образом по-быстрому, если что – потом можно будет попробовать что-нибудь ещё. Если девочке понравится.

А девочке понравилось! Она с восторгом крутилась вокруг зеркала, потом подошла, взяла Лизаветину руку и поцеловала.

– Вот ещё глупости, – заявила Лизавета. – Агнеске своей будешь руку целовать, и Астальдо.

– Госпожа Элизабетта, у вас есть дети?

Этот простой вопрос её добил. Вдох, выдох. Не реветь.

– Да, есть. Дочка. Постарше тебя, ей восемнадцать.

– Она с вами живёт? Или уже замужем?

Лизавета даже рассмеялась.

– Нет, не замужем. У нас не выходят замуж так рано, она учится в университете.

– Учится? В университете? У вас так можно, чтобы девушка – и в университете?

– Можно, детка, можно.

– И... что она изучает?

– Международные отношения. А сейчас идём.

– Я вас только провожу, – сказала девочка и вздохнула. – У меня ещё занятия с придворным звездочётом, его специально ночью приглашают. Сегодня небо ясное, звёзды хорошо видны.

– Специально тебе приглашают, что ли? – спросила Лизавета, отвернувшись, быстро смахнула непрошенные слёзы и сунула в рукав платок.

– Нет, всем, кто ещё учится, нас таких здесь десятков.

– Ступай тогда, а я пойду к господину Астальдо.

16. Тем же днём, несколькими часами ранее

Боевой маг, состоятельный торговец, грозный пират и неисправимый авантюрист по прозвищу Фалько лежал в тенёчке на земле, грыз травинку и наблюдал за облачающимся в мантию Астальдо.

Они были знакомы с детства, но никогда не дружили. Фалько в те годы отчаянно задибал нос перед любым, кто не вышел происхождением и богатством, а таковыми оказывались практически все знакомые мальчишки. Астальдо же был сыном обнищавшего купца, вложившего состояние в заморскую торговлю и разорившегося после пропажи четырёх кораблей подряд. Его взяли учиться в Орден Луча только потому, что у него очень рано проявились магические способности – маги на дороге не валяются, их нужно брать и обучать, а потом использовать на благо государства и веры. Более того, заметив склонность к наукам, отправили в Орден Света – всё же, самые сильные исследователи природы, человека и всего сущего веками собирались именно там, подобно тому, как у Лучей собирались военные, как маги, так и простые смертные – сильные, ловкие и одарённые. Астальдо в те годы был тощ и слаб, никогда не умел дать сдачи не только кулаком, но и метким словом, и Наверное, вознёс благодарность Великому Солнцу в тот день, когда оказался избавлен от нападков юных и бессовестных воспитанников Ордена Луча.

За прошедшую тьму лет он изменился, он очень изменился. Такую уверенность и власть даёт только большое могущество, и похоже, Астальдо его добился. Первый маг Ордена Сияния – это вам не баран чихнул, теперь уже язык не повернётся назвать его Рыжим Червяком, как бывало. В юности Фалько не относился к служителям Сияния серьёзно – как же, это вам не доблестные воители, не боевые маги и даже не учёные. Служить Великому Солнцу, конечно, надо, кто-то должен это делать, и хорошо, что находятся желающие. Скажем, горячо нелюбимый младший брат Фалько получал своё невеликое образование именно в Сиянии. Научился чему или нет – тот ещё вопрос, но мало чем подкреплённой наглости набрался явно где-то здесь. Впрочем, сейчас он далеко, и думать о нём не стоит совершенно.

Астальдо же по прошествии лет оказался не только учёным, но и недурным бойцом. Он неплохо управлялся с тяжёлой шпагой и кинжалом, да и без оружия, голыми руками, тоже выглядел ничего себе. Когда он вытащил Фалько из подземелья, то накормил, напоил и дал выспаться, а на следующий день предложил размяться. С оружием или без – как Фалько решит. Фалько решил сначала без, а там посмотрим. И неожиданно увидел неплохого противника, тренировка с которым может доставить удовольствие. И теперь они пару часов в день посвящали фехтованию и хорошей доброй драке.

Сегодня Астальдо удалось целый один раз достать клинком его бок, и это было хорошо, очень хорошо. Астальдо радовался, как ребёнок, Фалько же посмеивался – ну, поглядим, сможешь ли завтра повторить.

Да и просто в жизненных делах нынешний Астальдо не чета себе прежнему – глянуть только, как смотрит на него тощая целительница Агнесса. Уж Наверное он ей не только наставник, или наставник не только в целительстве, а и ещё кое-в-чём.

Да и о его целительстве тоже можно доброе слово сказать – хоть и говорит, что это для него не главное, но может многое. После подземелья привёл Фалько в порядок одним, можно сказать, взмахом руки – ни одной отметины не осталось.

Доверил бы он Астальдо прикрывать свою спину? А тьма его знает. Если бы не осталось больше никого – Наверное, доверил бы. Или нет.

Его самого ожидала ещё одна тренировка. Только услышав о предстоящем походе и примерном количестве участников, он сразу же затребовал себе людей в отряд. Увы, дело было

такое, с каким не пойдёшь официально к Лучам и не попросишь ни бойцов, ни магов. Но можно было попросить молодежь в качестве охраны для важного духовного лица, собирающегося в паломничество – такова была официальная легенда. Дали пятерых парней, которые вскоре должны были окончить основной курс. Мол, если справятся с задачей, то вот им и завершение учёбы.

Парни были молодыми – самому старшему ещё не исполнилось двадцати двух, горячими, заносчивыми. Как же, их, лучших учеников, отправили не на военный корабль и не в сухопутный поход, а охранять какого-то мага, хоть бы и из Ордена Сияния! Да ещё и под началом не пойми кого. Ведь по условиям договора с Астальдо Фалько не мог назвать им своё имя... ни одно из них. Если бы им только намекнули, что команду ищет Танкредо Веласио! Наперергонки бы бежали и долго бы доказывали, что принесут ему немалую пользу, пусть он только возьмёт их с собой! Поэтому не пойми кто по прозвищу Фалько встал перед ними с пустыми руками и велел нападать. Хоть оружием, хоть магией – как умеют.

Мальчики, недолго думая, навалились скопом. И не поняли, как так получилось, что оказались в ближних кустах, все пятеро.

Поднялись, отряхнулись, окружили, пошли. С тем же успехом.

Попробовали магией. Тут их не просто раскидало, а ещё приподняло и об землю приложило.

Когда они очухались, то переглянулись, подошли, поклонились и самый старший, Антонио, склонил голову и сказал – все они почтут за честь учиться у такого великого воина, пусть он приказывает, что делать. Хорошие мальчики, понятливые.

И дело пошло. Молодёжь тренировалась, хоть пока и в учебных поединках. И сам Фалько не бездельничал, а то за два месяца в каменном мешке подрасклеился. Опять же, местные женщины поглядывали с интересом, пробегая мимо по своим женским делам.

Девушку на ближайшие ночи он себе нашёл вот прямо в день первой тренировки. Она так восторженно на него глазела, что была рада без памяти, когда он подошёл и просто заговорил с ней. Её звали Баттистина, она стирала и гладила бельё для местных служек – когда руками, а когда при помощи своей слабенькой магии. Они начали с того, что он попросил нагреть воды – помыться после тренировки. Конечно, далее нужно было потереть спинку, размять плечи... ну и всё остальное тоже. Девушка была в восторге, у неё никогда не было в любовниках такого сильного мага, и от их взаимодействия, кажется, её слабым силам была даже какая-то польза. В общем, с какой стороны не посмотри – всё хорошо.

Плохой насквозь была идея предстоящего предприятия. Фалько это чуял тем самым местом, каким положено.

Он всегда полагал Астальдо человеком умным и расчётливым, не из тех, кто гоняется за фантомами. Великий же Скипетр уже который век был излюбленным предметом народных сказаний и неприличных выражений, вроде «флаг тебе в руки и Великий Скипетр тебе в задницу» – именно потому, что никто его никогда в глаза не видел и не мог с уверенностью сказать, что сокровище существует. Но Астальдо просто дышал этой уверенностью, он её излучал, и его безумие было заразно, судя ещё по одному прагматику и хитрецу – Магнусу Амброджо. На этого идеального клирика Фалько старался не смотреть лишний раз – очень уж хотелось заехать ему по синеглазой роже. И не слушал, потому что писклявый голос напоминал одну морскую птицу, заглотника, которая ничего не умеет добыть сама, даже пожрать, зато прекрасно умеет воровать у других, например – на корабле. Или улов у рыбаков. Или ужин у усталых путников на берегу. Однажды Фалько разбудила такая зараза – долбила клювом так, что он проснулся ни свет, ни заря, а открывши глаза, увидел, как эта гадина выкопала из-под мешка миску с оставшейся от ужина кашей с мясом, поставила её боком, чтоб жрать сподручней было, и клевала себе. И почти всё уже сожрала. Он, конечно, недолго думал и прямо с ходу её молнией

поджарил, жаль, мясо у твари почти несъедобное – рыбой воняет, и чтобы его съесть, нужно долго морочиться. Вот таким заглотником он себе Амброджо и представлял.

Ладно Астальдо, он мог начитаться какой-нибудь забористой дряни и уверовать. Но то, что уверовал Амброджо, на правду не походило никак. И Фалько не мог сообразить, где подвох.

А самым большим подвохом выглядела в конце непонятная женщина, которую предстояло охранять комплектом к Астальдо. То есть, Астальдо сказал ему именно об этой женщине. Фалько не поверил и подумал – видимо, охрана нужна самому Астальдо, а какая-то женщина для отвода глаз. А потом он её увидел. И ничего не понял.

Смотришь – женщина как женщина. Имя обычное – Элизабетта, у него кузину так звали. Выглядит, будто была любимой женой кого-то богатого и влиятельного, больно уж гладкая да ухоженная. Карты, значит, разбирает, книги читает. Но где тот муж, или покровитель? Глупо думать, что просто так взял и отпустил, угодить фантазиям Астальдо. Неужели прирезали по тихой грусти? Она ж беспомощная совсем, двор перейти по темноте не может, с ног валится. А держится – наглее королевы Полуночных островов, смотрит прямо, взгляда не отводит, изучает, разглядывает. Да её такую на улицу-то выпускать нельзя, не то, что в какое-то путешествие, это ж одна большая ходячая беда!

Ещё и больная, если тощая Агнесса её так залечила, что той небо с овчинку показалось. Но мягкая невероятно, когда держалась за руку да сидела рядом – так и хотелось обхватить её со всех сторон и удостовериться, так сказать. Кости где-то глубоко в теле, а движется пластично, как танцовщица, даже когда наступает на собственное платье и падает в траву.

Может быть, у Астальдо на неё виды? Несмотря на тощую Агнессу? Надо будет поддеть его вечером на эту тему. Вдруг расколется? Маловероятно, но любопытно.

...Колокол на башне пробил девять. И тут же появились мальчишки – подтянутые, серьёзные. Утром он их уже разок погонял, время продолжать.

Фалько отбросил травинку и поднялся с земли – начинать тренировку.

17. Лизавета и капля крови

Лизавета стукнулась в уже знакомую дверь кабинета рыжего Лиса, и ей тут же открыли. Свечи в канделябрах, накрытый стол – всё, как уже несколько раз было.

– Прошу вас, располагайтесь, госпожа Элизабетта, – хозяин пододвинул ей стул. – Чего вам налить? Воды, вина, яблочного сока?

– Яблочного сока, пожалуйста, – пить хотелось зверски, вдруг поможет?

Помогло. А потом ещё раз и ещё. Лизавета уже хотела поставить кувшин рядом со своей тарелкой и просто подливать себе, но Астальдо с улыбкой забрал у неё посудину и сам наполнил стакан.

– Вы всегда хотите всё делать сами, госпожа Элизабетта?

– Там, где я живу, обычно люди сами себя обслуживают. Нормальные взрослые здоровые люди, я имею в виду.

– Неужели никто не держит прислугу? – он не поверил.

– Держат, но их меньшинство. И я никогда не имела такой возможности.

– А просто вежливость по отношению к красивой женщине у вас тоже не приветствуется?

– Бывает, а вот лесть у нас можно встретить нечасто. Скорее, наоборот – о тебе скажут хуже, чем ты есть на самом деле. Если ты не большой начальник, от которого зависит много людей.

– Причём тут лесть? – Лис улыбнулся своей фирменной улыбкой. – Вы очень красивы, и по вам не скажешь, что вы были бедны, скорее наоборот.

– Благодарю за комплимент, но спишу его на то, что вам от меня что-то нужно. Поэтому вы мне зубы и заговариваете.

– Конечно, мне нужно, чтобы после ужина мы с вами, и ещё с господином Фалько, пошли в библиотеку и посмотрели одну интересную карту.

– Для этого не обязательно говорить о моей якобы неземной красоте. Можно просто рассказать, в чём дело, этого достаточно.

Тут дверь отворилась, и появился Сокол – неслышно ступая, как у него в обычае.

– Всех мальчишек раскидал? – улыбнулся и ему Лис.

– Всех, – кивнул тот. – Добрый вечер, госпожа Элизабетта. Как вы себя чувствуете?

– Сносно. Надеюсь, завтра будет проще. А то я ещё месяц с места не сдвинул, после такого-то лечения.

– Госпожа Элизабетта, вы сегодня необыкновенно любезны, – Лис плеснул вина ей в бокал.

– Какая есть, – пожалала она плечами.

Сегодня предлагалось есть суп из какой-то умопомрачительно вкусной рыбьей мелочи, и ещё там явно были моллюски, и что-то ещё. Густой бульон с сырным вкусом и травами. Ум отъешь, в самом деле! Надо спросить Аттилию, что едят в её семье. Вряд ли все обитатели этого славного города так питаются.

– Вам нравится, госпожа Элизабетта? – Лис снова улыбался.

– Да, благодарю вас. У вас замечательный повар. Или повара.

– Ещё рыбы? – он кивнул на только что принесённое блюдо, где на каких-то листьях была красиво разложена жареная рыба.

– Небольшой кусочек, спасибо.

И снова смотреть в тарелку, не на них, и слушать. Но мужчины говорили о каком-то неизвестном ей господине Марцио, которого оба знали давно и который был первым советни-

ком правящего герцога. И разговор-то был о том, насколько велики у этого Марцио шансы выдать дочь замуж за сына герцога, и насколько это упрочит его положение при дворе.

– Госпожа Элизабетта, я предлагаю вам сейчас пойти с нами в библиотеку, – Лис поднялся, и следом за ним Сокол.

– Библиотека – это прекрасно, но что там? – Лизавета тоже поднялась, Сокол отодвинул её стул.

– Увидите.

Хотя бы посмотреть, что там за библиотека, при такой насыщенной жизни она и не вспомнила, что ей вообще-то разрешили туда ходить.

В библиотеку попадали снова через двор, ещё через какой-то, их здесь много. Опять было темно, и Сокол с усмешкой зажёл свой магический огонёк прямо над головой Лизаветы. Ей оставалось только подобрать юбку и шевелиться.

Потом он же открыл и придержал ей тяжёлую, окованную железом дверь.

Библиотека занимала целое отдельное крыло здания. Книгохранилище располагалось на втором этаже, а читальный зал – или это у них называется скрипторий? – на первом.

– А у вас нет такого, что библиотекарь перед ужином всё запирает, и выходит из библиотеки через подземный ход? – хмыкнула Лизавета.

– Зачем через подземный ход, если можно просто через двор? – не понял Лис.

– Подумалось, извините. Читала книгу о большой библиотеке, давно, в юности.

– А что за книга? Расскажите, интересно, – Лис даже обернулся к ней.

– Роман. О том, как в монастыре гибли монахи из-за редкой книги. И как искали убийцу.

– Нашли? – поинтересовался Сокол.

– Нашли. Но было уже поздно, – вздохнула Лизавета.

– А расскажите? Может быть, не сейчас, но нас ведь с вами ожидает путешествие, а в путешествии хорошая беседа – это первое дело, – он отодвинул Лизавете стул, той ничего не оставалось, только сесть.

И осмотреться.

Помещение было погружено во мрак. Магические огни висели в воздухе и освещали один конкретный стол, за который её и усадили – он стоял посередине комнаты. На столе ничего не лежало, ни листочка, ни книги.

Сокол сел рядом, а Лис сходил куда-то в темноту и вернулся со свитком.

– Вот, смотрите, – он раскатал свиток по столу.

Это была карта. Лизавета впиалась в неё взглядом, и поняла, что совершенно не узнаёт очертаний воды и суши. Россыпь островов называлась «Фаро», так же было подписано и на суше с одной стороны от этих островов. С другой стороны нарисовали море.

Все отметки были сделаны тонкими и чёткими линиями на выбеленной толстой коже, а карта норовила всё время свернуться обратно в трубку. Лис потёр по очереди все четыре конца и прилепил их прямо к столешнице. Очевидно, магия, вздохнула про себя Лизавета.

С «Фаро» граничило нечто под названием «Котторино», и ещё «Туррато», это название она встречала в книге преподобного Гаэтано. Дальше – «Моретто». Это название тоже встречалось.

– Госпожа Элизабетта, – окликнул её Лис.

Вот, только дорвёшься до чего-нибудь интересного...

– Господин Астальдо?

– Придёте сюда завтра днём и попросите показать вам карты. А сейчас нужно сделать другое. Дайте руку, пожалуйста.

Она, не задумываясь, протянула руку. Краем глаза увидела отблеск металла. Лезвие ножа. Дёрнулась, мгновенно убрала обе руки за спину, прижалась к деревянной спинке стула. Увидела гнев в глазах Лиса.

И только смех Фалько немного разрядил обстановку.

– Госпожа Элизабетта, он не причинит вам вреда. Не должен, во всяком случае, вы слишком ему нужны.

– Могли бы и объяснить, что происходит, – она злобно глянула на Лиса.

Лис выдохнул, положил нож на карту.

– Госпожа Элизабетта, мне нужна одна капля вашей крови. Одна капля. Из пальца. И более ничего. Но без неё ничего не получится.

Вот, здравствуйте. А ничего, что она сдавать кровь из пальца с детства терпеть не может? Из вены и то проще!

– Что должно получиться? – нахмурилась она.

– Увидите, – он смотрел на неё почти просительно. – Госпожа Элизабетта, я сделаю только то, о чём сказал. Ничего более, обещаю вам.

– Он не повредит вам, – кивнул с усмешкой Сокол. – Или вы боитесь? Боитесь вида крови? Даже собственной?

– Нет, – помотала она головой.

– Тогда в чём дело? Ничего же особенного?

– Приятного-то мало, – сообщила Лизавета.

– Если бы наша жизнь состояла только из приятного, – начал он.

– То меня бы здесь не было, – завершила она с ядовитой улыбкой. – Ладно, колите, чего уж там, – и протянула Лису левую руку.

– Благодарю вас, – Лис взял её ладонь и ткнул концом ножа в подушечку среднего пальца.

Капля крови упала на карту и словно впиталась в кожу.

И карта преобразилась.

Красным засиял один из островов Фаро – очевидно, то место, где они находятся. Ярким зелёным засветилась точка слева и внизу, на материке. И золотыми линиями соединилась с их островом.

Лис смотрел на это с нескрываемым торжеством.

– Видели, да? Убедились, малверы?

– Забери меня Великая Тьма, – Сокол смотрел то на карту, то на Лизавету, и качал головой. – Получается, ты не врешь и не бредишь.

– Извольте объяснить, – Лизавета выдохнула и облизала палец, из которого так потихоньку и сочилась кровь.

– Дайте сюда руку, – Сокол взял её ладонь, легонько сжал, погладил подушечки пальцев. Положил на стол и подмигнул: – Вот и всё.

Кровотечение остановилось.

– Вы... целитель? – пробормотала она.

– Нет. Но это и не требует особых целительских способностей. Смотрите, – он кивнул на карту.

– Объясняйте, господин Астальдо.

Но Лис хмуро смотрел на Сокола. А тот забавлялся.

– Ну, помог немного прекрасной даме. Ты что ли сам хотел так сделать, а я тебе дорогу перебежал? – наглая улыбка так и искрилась.

Только ещё не хватало быть топливом в каком-то явно давнем споре! Лизавета хмуро глянула на обоих.

– Эй, вы, двое. Привели куда-то ночью, творите чёрт знает что. Давайте уже к делу, а то мне завтра опять вставать на процедуры с сомнительным результатом!

– Не сердитесь, госпожа моя. Я могу вас забрать от Агнессы и доставить, куда скажете, если вам снова будет нерадостно, – Сокол веселился.

– Поглядим, – буркнула Лизавета. – Так что там с картой?

– Карта, госпожа Элизабетта, реагирует на вашу кровь, как вы могли заметить, – начал Лис. – Мы с вами сейчас здесь, – он подтвердил её мысли, ткнув пальцем в красную точку. А первая часть нужного нам артефакта находится на границе между Моретто и Вичи, в местности под названием Край Болотной Мглы, и городишко тамошний называется Палюда. Хотелось бы знать, что там делает наш Скипетр. Нам показывают возможные пути – только по суше, либо морем, а потом по суше, в целом четыре варианта. Вот туда мы с вами и отправимся.

– Когда отправимся? И каким транспортом? – спросила Лизавета.

– Отправимся – как будем готовы. Когда Агнесса скажет мне, что вы в состоянии перенести долгий путь. Когда соберём припасы в дорогу, когда наш друг Фалько решит, что на его молодёжь можно полагаться. Не знаю, нужно ли нам выходить в море, – начал он было, но Фалько его перебил.

– Не нужно. Для успеха твоей же затеи. Ближнее море кишмя кишит кораблями Великого Герцога, и разными другими тоже.

– Раз знающий человек говорит, то его следует послушать. Значит, по суше, и верхом.

– Вы хорошо сидите в седле, госпожа моя?

Лизавета расхохоталась. Что там, сидеть доводилось, но именно что сидеть. Когда года три назад Насте вдруг захотелось обучаться верховой езде, Вадим решил, что это блажь, а Лизавета – что полезно, ей и пришлось ездить с Настей за город, в небольшую частную конюшню. И там ей тоже время от времени предлагали покататься, но в основном шагом, а её максимум – рысь. Галоп пробовала однажды, и то на корде. И тут эти красавцы: поедем верхом.

– Сидеть – сидела. Но на дальние расстояния не путешествовала таким образом никогда. И если вы желаете, чтобы я ехала куда-то верхом, мне понадобится другая одежда. В платье я на коня не полезу. Ещё скажите – в дамском седле!

Астальдо открывал рот, порывался что-то сказать, потом закрывал его обратно. Резко махнул рукой на карту, и с неё исчезли все несанкционированные обозначения. Снял со стола, свернул, понёс в темноту.

– Пойдёмте, госпожа моя, а он пусть привыкает к вашим условиям, – Сокол командовал паре магических шариков, они поплыли к выходу, а сам открыл и придержал Лизавете дверь.

18. Когда все ушли

Астальдо спрятал карту между другими в шкафу, и наложил поверх заклятие, скрывающее её от поиска. Нечего, слишком это ценный артефакт. Даже Коррадо, брат-библиотекарь, не должен её видеть. Конечно, без крови чужеземки это просто карта, но кто знает, на что способен брат Коррадо, хоть он и не маг?

Путешествие приобретало реальные черты. Конечно, жаль, что пришельцу нужно лечить, а то бы уже отправились и никого бы не слушали, но лучше подождать ещё декаду или, на худой конец, две, но только чтобы потом она не померла по дороге! Если у неё внутри всё так плохо, как говорит Агнесса, то как она вообще дожила до своего возраста? Загадка.

Конечно, Астальдо, как и Амброджо, предпочёл бы в героях мужчину, хотя бы воина, если не мага. А то недоразумение, которое им досталось... Наверное, Великое Солнце посылает служителям своим ещё одно испытание. Ведь её кровь воздействует на карту, как надо, и на страницу книги тоже капнули, сразу же, как только чужеземка появилась перед ними в ходе обряда. В конце концов, никто же не знает, как она жила раньше, и может быть, она не так слаба и бесполезна, как кажется?

Но говорит интересно. Уж наверное, была там у себя дочерью, а потом супругой людей важных и могущественных, раз получила такое образование. И повадки у неё – не как у простой горожанки. Говорит смело, смотрит открыто. Амброджо разозлился, конечно, но пришлось ему объяснить, что если он хочет получить Скипетр, придётся терпеть эту нелепую женщину.

Вообще, конечно, она красива. Тело белое, гладкое, лицо нежное, глаза камнями драгоценными горят. Да только Астальдо любил, чтобы если и строптива, то потом подумает, повздыхает и уступит, как Агнесса. А эта же не уступает, и ещё смеет с ним спорить и торговаться! Домой её, видите ли, верните. И на коня в платье не полезет.

С ней хотелось быть жёстким – в ответ на её взгляды. Но он понимал, что в ответ на жёсткость она откажется выполнять всё то, чего от неё ждут. А добровольное сотрудничество было основным условием. Мол, взыскующий сокровища должен быть настолько чистым душой и великим, что ему помогут по собственному желанию. Заставить нельзя, только убедить. В предыдущих попытках поиска не раз пытались заставить героя сделать то, что нужно, самыми разными средствами, и ни разу не преуспели. И пока ему удавалось – улыбками, сладкими речами и потаканием её капризам. Хочет книгу? Пусть. Хочет драгоценный напиток арро? И ладно, только бы с ног не валилась. Мешок каких-то дурацких магических притираний? Пожалуйста.

Но когда она дёрнулась и отняла руку, а речь-то шла всего о капле крови, Астальдо её чуть не ударил. Хорошо, сдержался. И доверие бы утратил, и от Фалько бы огрёб тут же, старый приятель и так неплохо выступил.

Фалько, дурак, туда же, все мысли про одно – новая женщина рядом, нужно её непременно присвоить. И ещё поддевает Астальдо, да при ней – мол, ты что, сам хотел? За ручку подержаться? Ручка, кстати, не такая и мягкая, а как у Агнессы – только та-то трудится, то свойства вещества изучает, то пробы какие-то берёт, то лекарства готовит. А эта? У аптекарши Клары просадила кучу денег – видите ли, за собой ей нужно ухаживать. А Клара-то и рада – когда нужно было её брата от казни спасти, так в ноги кидалась, говорила – век должна буду. А теперь что? Я должна ему, пусть долг простит? Ради прихоти чужеземки? Ну, пусть, пусть. Кто знает, сколько ей вообще жить-то осталось, этой чужеземке? Вот и пускай живёт на благо Ордена и его, Астальдо, благо.

Конечно, Астальдо предпочёл бы обойтись без чужеземки. Но никакая другая кровь не разбудит древние силы. А ещё он предпочёл бы обойтись без Фалько!

Фалько сидел занозой в его сердце с далёкой юности. Всё-то ему было дано – и красота, и богатство, и знатность, и магические способности, и манеры, и обхождение. Девки на него уже тогда вешались – стоило только глянуть и поманить, можно было даже ни слова не говорить. А он ведь и за словом в карман не лез, язык уже тогда был подвешен, как надо, и стеснения никакого. Это он, поганец, придумал прозвать Астальдо Рыжим Червяком – правда, в те годы был Астальдо тощ, нескладен, и больше всего на свете любил книги, которые ещё пока не прочитал – там же столько нового и интересного! В отличие от других учеников в школе Ордена Луча, Фалько хотя бы с ним не дрался – он говорил, что ему несподручно выходить против такого хлипкого противника. Других-то бил, ясное дело, но от тех и ему доставалось. Зато языком своим поганым цеплял – как только видел где-то рядом его, Астальдо, рыжую голову.

И Астальдо смог вздохнуть с облегчением, когда учителя решили, что заморышу-заучке будет проще в Ордене Света. И правда – библиотека там больше, и многие знаменитые учёные там живут и работают, и ищут себе новых учеников. Всё лучше изучать естественную историю, человеческое тело и свойства разных веществ, чем с утра до ночи кулаками да шпагой махать!

А совсем хорошо ему стало, когда прошёл слух, что Фалько совершил что-то вовсе уж непотребное, и собственный отец изгнал его из дому. Правда, после эту историю рассказывали в разных вариантах – и что не отец изгнал, а сам сбежал, и что ещё девица какая-то была в том замешана, и что не какая-то, а из наизнатнейшей в ближних землях семьи, у которой третий век кровная вражда с родом Фалькова отца... Правда, потом говорили, что та девица, вроде как, стала Фалько законной супругой, и исправно рожала детей, пока в очередных родах и не померла.

Но в общем, смысл был прост – Фалько изгнали, и наследства лишили, и виноват в том был он сам и его горячий нрав, а ещё девица.

Правда, вскоре Фалько поднялся ещё повыше прежнего – и там снова слухи разнились, не то сам сподобился, не то помог дед по материнской линии. А может, и одно, и другое. Да только он оказался единственным человеком, флот которого мог соперничать с флотом его милости Великого Герцога – и обычно не в пользу последнего.

Великому Герцогу что сам Фалько, что его флагман «Морской Сокол» были как бельмо на глазу, и неудивительно, что тот открыл охоту на удачливого и наглого капитана. Удивительно было, что Фалько попался. Впрочем, снова в дело замешалась девка, то есть, не девка, конечно, а дочь достойнейших родителей. Никто не знал, зачем кобелю Фалько занадобилась новая жена, молоденькая и богатая – будто мало у него и девок молоденьких, и богатств всяческих! Но он потащился официально свататься и обговаривать размер приданого, а будущий тесть оказался не то каким должником, не то просто горячим сторонником Великого Герцога Гульельмо. Назначил встречу в Фаро, выставил приманкой дочь и сдал несостоявшегося тестя герцогским мечникам.

Те, говорят, далеко не сразу смогли Фалько поймать и скрутить, а он им попортил много крови и положил много народу, у него ж шпага – как продолжение руки, а колдует он, как дышит. Да только и на него нашлась управа. О чём они говорили с Великим Герцогом – про то никто не знал, потому что и из чертога всех выставили, и стены-двери от подслушивания прикрыли. Но наутро после того разговора Магистра Ордена Сияния дёрнули во дворец с приказом – забрать пленника в орденскую темницу и забыть о нём до скончания века. Кормить, поить, но – не более. И держать в запирающих магическую силу кандалах.

Наверное, это должен был быть час торжества Астальдо. Его давний недруг, который и в юности над ним куражился, и после одними слухами о себе выводил из равновесия – повержен, лежит в кандалах на вонючей соломе, а он, Астальдо, на коне, и вообще в славе и почёте. Первый маг Ордена Сияния! Но Фалько ему тогда только улыбнулся да подмигнул – мол, пободаемся ещё, старый приятель.

Может быть, само Великое Солнце подало Астальдо мысль о тайном освобождении узника? Опять же, как тайном – ближние его знают, что был некий важный пленник, а теперь больше не пленник, ходит по обители и мальчишек из Луча по двору гоняет. И Магистр Ордена знает, без того никак. Но Астальдо была ненавистна сама мысль о том, что Великий Герцог справился с Фалько не в открытом поединке, а по подлому, из-за спины. И он вправду был настроен отпустить старого недруга, если их предприятие окончится успешно. Потому что тогда не будет никакого Великого Герцога, а настанет истинная власть Великого Солнца. А победителям положено быть великодушными, даже к тем, кто в детстве дразнил их и непотребно обзывал при всём честном народе.

Тем более, что сейчас вынутый из темницы бывший недруг был добр и великодушен. И даже согласился биться с ним по утрам. И даже показывал уловки, благодаря которым ему, Астальдо, однажды удалось попасть своему наставнику в бок. Правда, всего один раз, и скользящим ударом, но при огромной разнице в их силе и подготовке и это очень много значит.

Астальдо ни минуты не сомневался в том, что доверит Фалько прикрывать свою спину. Но всё же дополнительная клятва не помешает. И из-за чужеземки с ним ссориться тоже не станет, нужна ему – так пусть забирает с потрохами.

Правда, служки донесли, что себе в постель Фалько взял обычную девку, которая бельё стирает да гладит, и воду на стирку греет. Так он не брат Ордена, он маг, пусть что хочет с той девкой, то и делает.

Астальдо запер двери библиотеки и отправился к себе. Надо распорядиться, чтобы согрели вина, а то как-то сыро и промозгло на улице. И позвать Агнессу. Пусть разомнёт спину, а потом даст разрядку его телу и его накопившейся за день ярости.

19. Лизавета рассуждает о путешествиях

Следующим утром Лизавета проснулась сама, легко встала и подняла Аттилию, которая ещё спала – после своих астрономических занятий. Дамы умылись и вымыли головы, спокойно позавтракали, и у Лизаветы даже осталось немного времени до назначенного Агнессой часа. Затевать что-то серьёзное было бессмысленно, и она просто вышла во двор погулять. И обнаружила там своего, с позволения сказать, телохранителя – на пару с Лисом они в одних рубахах валялись друг друга по траве. Рядом лежали брошенные шпаги – видимо, и с оружием они тоже разминаются.

Лизавета не любила драки, но тут прямо засмотрелась. Один был силён и добродушен, второй яростен. Невысокий и хрупкий Лис не сдавался под напором мощного Сокола, хоть и не мог достать его, но себя – защищал.

Как же каждый из них владеет собственным телом, как же это завораживающе красиво! Сама она со спортом не дружила вовсе, разве только в последний год приохотилась ходить на танцы. Мужиков там встречалось мало и все как один если не законные мужья, так верные любовники, поэтому в плане отношений ловить было нечего. Зато брали всех желающих: без пары, вне зависимости от возраста и умений, и учили. Она выучилась танцевать вальс и польку, запомнила пару десятков схем контрдансов и немного потрогала ногами непривычные, но чертовски красивые танцы Ренессанса. Можно было ещё сшить себе платье и пойти на бал, но карты легли так, что платье нужно было шить Настасье, на выпускной. Ну и самой Лизавете тоже, конечно, но не с корсетом-кринолином, а обычное вечернее платье. Поэтому первый бал Лизаветы так и не состоялся. Но таскать ноги стало полегче, а ещё появилась привычка к растяжке и минимальной зарядке поутру.

Лизавета попробовала поднять руки и потянуться, поняла, что в чёрном орденском платье это сложно, и отложила до следующего утра.

– Приветствую вас, госпожа моя, – услышала она над ухом.

Вот же задумалась, даже проворонила конец схватки!

– С добрым утром. А кто победил, скажите? Я немного отвлеклась.

– Как это – кто? Конечно, я, – рассмеялся Сокол. – Но нужно отдать Астальдо должное – он отличный противник.

Лизавета взглянула на Астальдо – тот невозмутимо расправлял складки мантии.

– Не ожидала увидеть вас в схватке, я думала, вы, скорее, учёный, – улыбнулась она Лису.

– Я и то, и другое, – иронически ответит тот.

– Наш Астальдо воочию демонстрирует идею Паоло Сарпи о разносторонне развитом человеке, – подмигнул Сокол.

– Кто таков этот Паоло Сарпи? – тут же отреагировала Лизавета.

– Брат Ордена Света, – пояснил Сокол. – Написал книгу «О достоинстве человека», где разжевал всем неверующим, что человеку свыше дано многое, только он сам, а вовсе не Великое Солнце, решает, кем быть и кем стать, и грешен тот, кто преступно пренебрегает собственным учением и развитием.

– Ты знаком с трудом Сарпи? – нахмурился Лис.

– А ты думал, я всю жизнь провёл в глухом лесу, где нет ни одной книги, а новые люди с новостями приходят раз в год? – рассмеялся тот. – Как ваша рука, госпожа моя?

– Спасибо, в порядке, – кивнула Лизавета.

И тут с колокольни донёсся звон. Три часа! Она опаздывает к Агнессе!

– Прошу прощения, господи, мне нужно спешить.

– Проводить вас? – сверкнул глазами Сокол.

– Я не заблужусь, и сейчас светло. Да и до госпожи Агнессы недалеко.

– Тогда я встречу вас после, – кивнул он и открыл ей дверь в дом.

Агнесса ожидаемо не удержалась от шпильки – что приходиться надо вовремя. Но это было верно, поэтому Лизавета извинилась и принялась снимать платье.

Сегодня она так же быстро уснула, но проснулась намного проще. Слабость была, но голова не кружилась, и не тошнило. На вопрос Агнессы она добросовестно перечислила симптомы, получила кружку отвара, которую следовало тут же выпить, и была отправлена восвояси.

Во дворе Сокол завершал очередную тренировку. Увидел её, помахал рукой. Выдал ученикам последние наставления, набросил на плечи дублет (о! дублет! вот как эта куртка называется!), подошёл к ней.

– Как вы сегодня?

– Спасибо, лучше. Голова не кружится. Но я бы выпила местного кофе. То есть арро.

– Так пойдёмте. Или нет, подождите меня здесь, на воздухе. Я найду кого-нибудь, кто сварит заморской отравы двум отщепенцам.

– Отщепенцам? – усмехнулась она.

– Вы издалека, а я хоть и родился в Фаро, но давно уже не был здесь желанным гостем. Располагайтесь, я быстро.

Видимо, он и впрямь двигался быстро. Ещё не пробило четверть шестого, как дверь открылась, служка с подносом важно прошествовал к лавке, а за ним шёл Сокол. С мокрой головой, в другом дублете и свежей сорочке (та, в которой валяли друг друга утром с Лисом, была простая, без вышивки).

Сокол сел на лавку с противоположной стороны от подноса и передал Лизавете чашечку.

– Я ведь правильно запомнил, что вам – несладкий и со сливками?

– Верно, – улыбнулась она. – А какой предпочитаете вы?

– Откровенно говоря – любой. Я могу и со сливками, и без, и сладкий, и горький. Но чаще всего, конечно, в чистом виде – без сливок и сахара.

– Буду знать, – кивнула Лизавета.

– Скажите, госпожа моя, вам доводилось путешествовать?

– Конечно, – кивнула она. – Но, боюсь, наши с вами представления о том, как путешествуют, будут сильно различаться.

– Любопытно. А есть варианты? Нет, есть, конечно – сушей или морем, верхом или пешком, или в повозке. Как же доводилось путешествовать вам?

Лизавета задумалась.

– Наверное, это развитие идеи про повозку. Представьте себе такую повозку, которая магическим образом едет сама, без конной тяги.

– Вы ведь говорили, что в ваших краях нет магов?

– Их и нет. У нас не магия, у нас технология.

– Законы природы, которые изучены и работают на человека? – сощурился он.

– Примерно так, да. И мы путешествуем в разного рода повозках. Некоторые ездят по дорогам, некоторые по рельсам, а некоторые – летают по воздуху.

Так. Не увлекаться. А то ещё сочтут сумасшедшей или кем похуже.

– Посмотрел бы я на те, что по воздуху, – мечтательно улыбнулся Сокол. – А по воде? Я, знаете ли, предпочитаю суше воду, поэтому мне интересно.

– По воде тоже. Просто это дороже, чем по суше или по воздуху, вот я и не сразу вспомнила. Ну и вода просто не везде. Там, где я живу, есть озеро, но оно холодное. По нему ходят только летом, а лето у нас короткое. А вообще – у нас вокруг суша, много суши.

– Много? И сколько по суше до соседнего города?

– До маленького – полчаса. До большого – в одну сторону двенадцать часов, в другую – восемнадцать. В повозке, – усмехнулась она. – В быстрой повозке.

– В таком случае путешествие превращается не в преодоление стихии, а в какую-то императорскую трапезу, – рассмеялся он.

Она тоже рассмеялась – его смех был очень заразительным.

– Почему императорскую трапезу?

– А вы представьте – едет себе такой император. Давным-давно у нас были императоры. Едет в повозке. То есть его везут. Он сам не знает, как. Но даже за трапезой у него ничего не шатается и не трясется.

– Ну а что – мы вполне едим в путешествии. Но у наших повозок другие крайности – представьте себе пять дней в такой штуке.

– Путешествие в пять дней? Это маленькое путешествие, – улыбнулся он. – Если отсюда, то за пять дней мы только пересечём сухопутную часть Фаро и углубимся в Туррато.

– А до того города, о котором говорил господин Астальдо, сколько ехать?

– Декаду. Если всё хорошо, и дорогу не зальёт дождём. Вам вообще случалось путешествовать без повозки? Верховом или пешком?

– Верховом – нет, у нас так не делают. Верховая езда у нас развлечение, а не необходимость. Я научилась по случаю, и совсем немного. А пешком – давно, в юности. Вокруг нашего города лес и горы, тайга. Мы ходили в тот лес на несколько дней. И ещё за ягодой ходили, тоже в тайгу. И по берегу озера.

– Наверное, у вас красиво.

– Да, – кивнула она. – У вас тоже, но мои родные места нравятся мне больше, уж извините. Мы отправимся верхом?

– Да. Кони будут ждать нас на берегу, до берега нас доставят орденские лодки. Вы уверенно сидите в седле?

Лизавета фыркнула.

– Сижу – нормально. Ещё умею сама забираться в это ваше седло, с подставки. И ездила только шагом или рысью, и то в манеже.

И торжествующе на него посмотрела – на, выкуси. Чего нет, того нет.

Он нахмурился.

– Чему вас вообще учили-то? Только книги читать?

– Как вам сказать, – она посмотрела на него, как на пятиклашку, пришедшего на первый урок истории. – Диссертацию я, конечно, не защитила, но за свой диплом мне не стыдно. Я понимаю, что здесь в него только высморкаться, если не хуже, но извините, к таким поворотам судьбы меня никто не готовил.

– И... кто вы там, у себя? – осторожно спросил, и смотрит, сощурившись.

– Обычный человек.

В последний момент Лизавета не дала себе ответить «никто и звать никак».

– Или вы мне сказки рассказываете, или что-то не так.

– Всё не так, – любезно сказала она.

Звон часов с башни известил о том, что уже полдень, и начинается служба. Лизавета коротко извинилась и убежала знакомой уже дорогой – ещё не хватало из-за этого вот ссориться с Магнусом Амброджо.

20. Лизавета в швейной мастерской

Сокол разозлил – будут тут ещё всякие спрашивать, чему её вообще учили! Да много чему, и сама училась тоже, потому что надо было как-то деньги зарабатывать, пока Вадим более-менее встал на ноги со своим бизнесом.

С другой стороны, он прав – по здешним меркам, её не учили ничему. Здесь она именно что никто и звать никак. У неё нет никаких умений, которые были бы полезны, и за которые её стоило бы кормить и предоставлять ей крышу над головой. Кроме странного воздействия её крови на некоторые артефакты.

Это было удивительно, но несомненно – вчера карта изменилась. Значит, что-то в ней, всё же, есть. Значит, нужно не нагнать, а готовиться к путешествию. Значит, после службы нужно разузнать, кто и как здесь шьёт одежду, и где её вообще берут.

Ещё, конечно, хорошо бы понять, во что именно они верят и как. Так сказать, познакомиться с основами вероучения и мифологическим комплексом. Но задавать эти вопросы Магнусу Амброджо ей не хотелось. Его писклявый голос разносился по гулкому храму очень хорошо, и слушать его сверх этого не было никакого желания. В конце концов, сначала можно поговорить с той же Аттилией – о том, чему учат всех простых прихожан. А потом уже выяснять, что там есть ещё.

За мыслями Лизавета не заметила, что служба закончилась. Люди потянулись из храмины наружу, местные шли обратно в череду внутренних дворов, а одетые по-другому выходили через главный вход на улицу. Она подошла к тому самому входу, увидела мраморные ступени, небольшую площадку, пристань и тучу лодок на воде. Канал в этом месте был не особенно широк, и от лодочников требовалось некоторое искусство, чтобы развернуться в нужную сторону и уплыть, не потопив при этом соседей. Впрочем, никто никого не топил, с лодками все обращались много лучше, чем жители родного города Лизаветы – с машинами.

Она сощурилась на яркое солнце, бившее прямо в ворота храма, и ушла внутрь – в тень и к выходу наружу.

Оказалось, Аттилия её уже потеряла – когда не увидела знакомой фигуры среди тех, кто возвращался со службы. Увела в их комнату, попутно велела нести обед.

На вопрос о шитье одежды рассмеялась и ответила – да в мастерской же, в соседнем здании. Да, после обеда можно сходить. Да, это так и так надо, не в единственном же платье госпоже Элизабетте ехать неизвестно куда!

В мастерскую они отправились, когда на башне пробило восемь (два часа дня, примерно два часа дня – говорила себе Лизавета). Снова через внутренний двор, и в нём сейчас никто никого не валял, а потом – в неизвестную ей пока дверь.

Мастерская оказалась большим и довольно светлым помещением, в котором за столами сидели женщины разных возрастов в уже знакомых Лизавете чёрных платьях и шили руками. У окна, за большим столом, стоял мужчина, тоже в чёрном, и что-то размечал мелком на ткани. Аттилия повела Лизавету прямо к нему.

– Господин Галлеано, здравствуйте! Это госпожа Элизабетта, вам про неё уже говорили. Ей нужна одежда.

– Здравствуй, – мужчина внимательно оглядел Лизавету.

Он был среднего роста, совершенно сед, скорее слаб, чем крепок, и отчаянно сутул. Лет ему было по Лизаветиным меркам за пятьдесят. Его дублет и брюки чуть за колени были из хорошей чёрной шерсти, украшенные вышитой строчкой из светлых шерстяных ниток.

– Добрый день, мастер Галлеано, – кивнула Лизавета. – Мне нужна одежда для путешествия и нижнее бельё.

– Понимаю, – кивнул он. – Ещё одно такое же платье? Сейчас снимем с вас мерки.

– Нет, мастер Галлеано, – Лизавета покачала головой. – Мне нужен комплект, подобный вашему. Дублет и брюки. В двух экземплярах. И несколько сорочек покороче, чтобы заправлять внутрь. И ещё кое-что.

Он отложил мелок и уставился на неё, как тот баран на новые ворота. Вот ещё один, сейчас начнёт ей доказывать, что негоже женщине надевать штаны.

Но мастер спросил другое.

– И вы по собственной воле готовы одеться в мужскую одежду?

– Знаете, я издавека. И у нас брюки не считаются мужской одеждой. Их носят все. Так же, как у вас сорочки. А путешествовать верхом в платье очень неудобно.

В штанах-то лезть на коня мало радости, а о длинном платье и говорить нечего!

– А что думает по этому поводу господин Астальдо? – поинтересовался мастер.

– Понятия не имею. Но он думает, что я должна отправиться с ним в путешествие, которое продлится достаточно долго.

– Да, я слышал о паломничестве, – кивнул мастер. – И он потерпит в своей свите женщину, одетую не так, как подобает? Что-то мне это сомнительно.

– Хорошо, что нужно для того, чтобы разрешить ваши сомнения? – нахмурилась Лизавета.

– Его распоряжение, – сощурился мастер.

На его лице явственно читалось – и хрен ты его получишь.

– Я вас поняла. Аттилия, где в этот час можно найти господина Астальдо?

– Наверное, у себя, – неуверенно сказала девочка.

– Идём, – Лизавета взяла её за руку и потянула наружу под украдкой бросаемыми на них взглядами швей. – Скажи, а тебе велели готовиться к путешествию? – спросила она Аттилию уже во дворе.

– Нет, что вы, – замотала головой девочка. – Я не знаю, что должно случиться, чтобы меня взяли в такое путешествие.

– А ты бы хотела? – сощурилась Лизавета.

– Конечно, – горячо сказала Аттилия. – Очень бы хотела! Я очень хочу посмотреть мир. Об этом очень интересно рассказывают! В детстве дед рассказывал, потом здесь некоторые люди, вот ещё господин Фалько тоже...

– Тоже что?

– Ну, он не мне рассказывал, а тем парням, которых драться учит. А я в сторонке стояла и немного услышала.

– Хорошо, значит, я попытаюсь замолвить о тебе словечко, – девочка не против, а ей проще будет.

Лис нашёлся в своём кабинете.

– Добрый день, госпожа Элизабетта, чем могу служить? – он поднялся с кресла, отложил книгу и демонстрировал радушие.

– Добрый день. Нужно ваше распоряжение о том, чтобы мне подготовили одежду для нашего с вами путешествия, – изложила Лизавета. – Мастер отказался работать без вашего на то дозволения, – наверное, немного иронии не погубит замысел.

– О чём же таком страшном вы его попросили? – рассмеялся Лис. – Располагайтесь, я попрошу арро, и вы мне расскажете.

– Благодарю. Непременно. Ещё один вопрос, пока нам несут арро: Аттилия может отправиться с нами?

– Куда? В мастерскую? – сделал вид, что не понял, Лис он и есть Лис.

– Нет, в паломничество, – усмехнулась Лизавета. – Должен же кто-то помогать бестолковой и бесполезной мне.

– Так уж бестолковой и бесполезной, – усмехнулся Лис. – Но, впрочем, вы правы: даме нужна служанка. Аттилия, собирайся тоже.

– Благодарю вас! – девочка с искренней радостью и благоговением поцеловала Лису руку. Арро был принесён и разлит, и маленькие миндальные печенья красиво разложены на блюде.

– Итак, в чём затруднение?

– Я собираюсь путешествовать в мужской одежде. Извольте распорядиться, чтобы мне её изготовили, – Лизавета улыбнулась.

И пусть даже не думает, что она будет опускать перед ним глаза!

– Зачем? – улыбнулся он в ответ. – Вы достаточно хороши в платье.

– Хороша для чего? Чтобы бродить из дома в дом и по лестницам, и не запинаться? Я никогда в жизни не ездила верхом на дальние расстояния, и вообще не сидела в седле дольше часа. Моё платье осложнит жизнь в первую очередь вам. Вы ведь хотите добраться до цели побыстрее? Кстати, господина Фалько уже привели в ужас мои умения. Побеседуйте с ним, он выскажется точнее, чем я.

– Он нашёл для вас на острове коня? – изумился Лис.

– Нет, он просто расспросил меня о том, что я умею. И я не стала его обманывать.

Лис вздохнул.

– Делайте, что хотите. Но платье непременно возьмите с собой – в пути одно дело, а в городе – совсем другое.

– Конечно, господин Астальдо, я так и сделаю, – вот теперь можно и в чашку посмотреть.

Далее дело пошло, как по маслу – Лис написал мастеру записку, мастер прочитал, вздохнул, но ни слова о Лисе и его решении не сказал. Более того, не возразил, когда Лизавета велела и Аттилию обмерить.

– Уважаемый мастер, у меня есть ещё два вопроса, – самое интересное Лизавета приготовила на сладкое.

Мастер Галлеано вздохнул – ясное дело, он уже не ждал от Лизаветы ничего хорошего.

– Мне нужен некий предмет нижнего белья. Проще сначала нарисовать, а потом объяснить.

Мастер кивнул на доску, где уже были с одной стороны записаны какие-то мерки и изображён чертёж. Лизавета взяла мел и с другой стороны изобразила трусы.

Когда-то давным-давно, когда она сама ещё была маленькой девочкой и училась в школе, на уроках труда они шили трусы. И ночную сорочку. Сорочка – бог с ней, их тут шьют. А вот мысль о том, что трусы тоже можно шить, пришла очень вовремя.

Мастер Галлеано нахмурился и молчал. Лизавета нарисовала схему выкройки и предположила, какие мерки для неё потребны – за тридцать лет конкретика подзабылась.

– Из какого материала должен быть названный предмет? – спросил он.

– Лён подойдёт. Вообще хорош тонкий хлопковый трикотаж, да где его тут у вас взять? И шнурок в пояс. У вас ведь нет эластичных материалов.

– Не понимаю вас, – отрезал мастер.

– Это нормально, – успокоила Лизавета. – Но вы понимаете, что я хочу получить?

– Да, примерно. Никогда не кроил такого странного предмета. Мужские брэ и то понятнее.

– Я бы вам показала, но в моём распоряжении единственный экземпляр, и тот на мне, – пожалала плечами Лизавета. – И это ещё не всё.

Далее она нарисовала некую смесь бюстгальтера и короткого корсета с ляжками, больше всего это походило на ампирное бюстье. Шнуровка спереди, укрепить ткань верёвкой, дырочки просто обшить. Будет плотно прилегать и держать грудь.

Мастер уже только вздыхал, но пообещал завтра к вечеру подготовить пробные варианты. Далее Лизавете пришлось раздеться, чтобы с неё сняли мерки. Трусы были осмотрены прямо на ней, мастерицы из дальних углов себе все шеи своротили – что такого странного носит эта непонятная женщина. Лифчик мастер захотел просто разобрать на составляющие, но Лизавета указала на нерешаемый момент – отсутствие подходящей ткани. Мастер уныло кивнул – да, эластичную ткань никто пока не изобрёл.

И можно было согласовать на завтра время примерки и отправляться.

А в комнате Аттилия покраснела и спросила:

– Госпожа Элизабетта, а можно мне тоже не платье, а штаны? Я тоже плохо сижу на лошади. И забираться в седло сама не умею.

– Чего молчишь-то? Конечно, можно! А если мастеру опять понадобится разрешение Астальдо – что-нибудь придумаем!

– Смелая вы, – вздохнула девочка. – Он же сильный маг, вдруг он рассердится на вас и что-нибудь с вами сделает?

– Двух смертей не бывать, а одной не миновать, – пожала плечами Лизавета. – Посмотрим.

21. Лизавета собирается в путь

Подготовка к путешествию становилась всё более осмысленной.

Во-первых, Крыска Агнесса провела с Лизаветой ещё четыре процедуры, после чего сообщила, что больше ничем ей помочь не может. Лизавета же ощущала небывалый прилив сил – утром она просыпалась сама, никто её не будил, растягивалась и разминалась, и даже подумывала о полноценной зарядке. После жёсткой кровати с тонким матрасом и символической подушкой размять суставы и растянуть мышцы со связками было необходимо. Лизавета очень этому удивлялась – раньше, в прежней жизни, мысли о зарядке не приходили ей в голову.

Кроме того, у неё не болела голова. Совсем. Это было непривычно и здорово. Никакие другие внутренние органы её тоже не беспокоили.

Осознав всё это, она от всей души поблагодарила Агнессу. Та как будто удивилась, пробурчала в ответ что-то вроде «пожалуйста», но в целом продолжала вести себя, как крыса. То есть цедить слова через губу и фыркать.

Она тоже должна была участвовать в предполагаемом паломничестве – как целитель. И как постельная грелка господина Астальдо – во всяком случае, госпожа Макария, старшая швея, выразилась именно так. Её нагрузили изготовлением двух дорожных платьев для Крыски – целительница ни в коем случае не надела бы на себя мужскую одежду.

Комплекты для Лизаветы были готовы, она примерила и осталась довольна. Также её полностью устроили её новые трусы, и бюстье тоже. Аттилия с большим любопытством изучала неведомые ранее предметы, а потом робко спросила – может быть, ей тоже нужны такие? Лизавета с энтузиазмом закивала, сговорила с госпожой Макарией, и дело было решено. Госпожа Макария относилась к Лизавете по-доброму, возможно, потому, что та всегда была готова посидеть и послушать её болтовню. А болтовня была очень даже со смыслом – о жизни, как она здесь есть и о том, как всё устроено. Лизавета услышала несколько историй о жизни самой госпожи Макарии – о её замужестве, о раннем вдовстве и трудностях с четырьмя детьми, которых нужно прокормить, одеть и хорошо бы ещё в учение отдать, а дочку – так и замуж. И о том, сколько ей пришлось заплатить дальней родственнице, которая рекомендовала Макарию сюда, в Орден, на освободившееся место швеи. Сейчас три сына и дочка госпожи Макарии были устроены, а сама она перебралась жить в обитель Ордена, где проработала полтора десятка лет. Зрение было уже не то, что в молодости, но её ровные строчки и швы любили высшие чины Ордена, поэтому с ней поработали целители. Сам господин Астальдо вернул ей хорошее зрение – и она потом считала за честь расшивать ему мантию золотыми солнечными лучами.

Кроме того, рассказывала Макария и городские легенды – узнав, что Лизавета не местная и ничего об этом не слышала. О корабле-призраке, который появляется в лагуне в полнолуние и увозит неведомо куда каждого, кто неосторожно окажется на воде в тот час. Об огромном кракене, который подкарауливает лодки с одинокими рыбаками, и если те не пугаются его – исполняет три желания. О душах тех, кто не был погребён, как подобает, а просто выброшен в канал даже без сопроводительной молитвы, и теперь они бродят по ночам, и будут так бродить до сошествия Великой Тьмы. И тут же – о его милости Великом Герцоге Гульельмо, правителе злом и жестоком, который, как говорят, за один неподобающий взгляд лишает головы без сожаления. И о его сыне, который ночью ходит по улицам и ищет себе девушек для утех, и ни одна девушка не пережила такой ночи, потом их вылавливают из канала, что близ дворца. И о русалках, поющих в воде – кто услышит, тот после не вспомнит ничего – как его зовут, где у него дом – и бросится за ними в воду...

Лизавете оказалось любопытно – почему вдруг правящая фамилия оказалась в ряду городских легенд ещё, так сказать, при жизни, и она спросила об этом у Аттилии. Но та только

руками замахала и сказала, что о Великом Герцоге и его семье лучше вообще ничего не говорить. Потому что мало ли, кто услышит, и мало ли как переверёт и донесёт, и тогда – не сносить им обеим головы! Лизавета отметила, что господа Фаро – они именовались по городу – не пользуются популярностью у подданных, и пошла себе дальше.

Ещё она пару раз съездила к госпоже Кларе. За маслами – розовым и персиковым, которые ей порекомендовала для увлажнения тела после ванны госпожа Макария. И за чудодейственным средством, которое выводило ненужные волосы с ног и прочих мест, да так, что потом новые только через три декады показывались. И кожу не жгло, и больно не было. М – магия, не иначе.

Страшили предстоящие кони, и с ними было сложнее всего, потому что в городе их не держали. Только на материке. А тут если ты хоть чего-то стоишь, то у тебя есть своя лодка. А если нет – так ходи пешком и плати перевозчикам, которые непременно на тебе наживутся.

Лизавета уговорила Лиса разрешить ей поездку в конюшню. Тот поскрипел, но согласился, и они с Аттилией и с тремя братьями Ордена съездили туда, заодно и на береговую часть посмотрели. Лизавета удивилась, что с ними не отправился Сокол, но Аттилия сообщила, что ему строго запрещено покидать пределы обители, и никто не знает, почему так.

Орденская лодка довезла их всех до берега, это заняло с час. На пристани ждала повозка – открытая телега с лавками по бокам. Орденские братья туда живо залезли, Лизавете с Аттилией помогли – то есть, просто подняли и велели цепляться за край и лезть. Делать это в длинном платье было особенно удобно. Но ничего, справились. И в той телеге потом ещё ехали с полчаса до кучки зданий за деревянным забором – небольшой храм, возле него небольшой дом, и тут же конюшни, свинарни и грядки. Именно отсюда поступали овощи и мясо на стол Лиса и прочих орденских шишек.

Лизавете показали коня, который должен будет её везти – был он рыжей масти, высок, могуч, устойчив и звался Огоньком. Помня прочие свои визиты в конюшню, она заранее запаслась морковкой – и оказалась права. Конь принял подношение и позволил потрепать себя по загривку.

При помощи служек и заборчика ей удалось забраться в седло и даже сделать шагом небольшой круг по загону. Служки смотрели, а брат Василию, везде ходивший за Лисом, одобрительно кивал – мол, ничего, выйдет толк. А Лизавета в душе возблагодарила всех богов за идею шить мужской костюм – в платье было отменно неудобно. Пусть Крыска корячится, как девочка, а они с Аттилией поедут, как люди.

И каждый день Лизавета старалась на час-два заглянуть в библиотеку. Сначала брат Коррадо, библиотекарь, изумлённо на неё вытаращился – чего, мол, надо. Она сделала морду тупой и сообщила, что господин Астальдо велел ей знакомиться с картами и землеописанием. Перед паломничеством. Библиотекарь усомнился и послал к Астальдо случившегося под рукой мальчишку в орденском балахоне. Тот быстро сбегал и принёс записку, прочитав которую, брат Коррадо нахмурился и пригласил Лизавету располагаться и читать каталог.

Каталог был устроен по принципу музейной книги поступлений – единица записи содержала дату, название книги, автора – если он был известен, краткое содержание в паре предложений и имя того, кто сделал запись. Никаких других каталогов не водилось – тематических там или по авторам. Лизавета тогда просто спросила у библиотекаря, что ей почитать об истории Великого Герцогства Фаро и прилегающих земель, была погребена под кучей книг и понемногу с ними знакомилась. Приносить еду и питьё в скрипторий было строжайше запрещено, равно как и выносить книги наружу. Поэтому для чтения на сон грядущий она попросила ещё пару книг у Лиса, тот не отказал.

И поскольку до отъезда предполагалась ещё целая декада, Лизавета надеялась, что успеет прочитать всё, что отложила и взяла.

Несколько раз Лизавета встречала в библиотеке Сокола. Он всегда был с ней безупречно вежлив, но в его прищуренных глазах ей всё время чудилась насмешка. Он живо интересовался тем, что она читает, и чаще всего оказывалось, что и с этим трудом он тоже знаком. Он мог охарактеризовать книгу парой слов, а мог только пожать плечами – мол, и зачем вам эта муть. Сам он всегда приносил записки от Астальдо, по которым ему со скрипом и комментариями, но выдавали некие книги. Лизавета подглядывала – далеко не все из них были на понятном ей языке. В ответ на недоумённый взгляд Сокол пояснил, что языков в мире много, и если Великому Солнцу было угодно, чтобы он знал некоторые из них, то грешно этим знанием не пользоваться. А в ответ на прямой вопрос сказал, что книга – о магии.

О здешней магии Лизавета до сих пор знала только то, что она есть, и что при её помощи некоторые бытовые вопросы решаются ничуть не хуже, чем дома при помощи технологии. Другое дело, что технология была массовой и более доступной для большинства, а магия – всегда эксклюзивна и доступна единицам. Но Лизавета подозревала, что интересы Сокола лежат отнюдь не в области бытовой магии, впрочем, сам он о своих интересах ничего ей не говорил. Но когда им случалось засиживаться допоздна, всегда провожал её до дверей в дом, подсвечивая дорогу магическими огнями.

22. Лизавета убеждается, что гулять ночами по городу вредно

Лизавета шла через двор к себе в комнату – попросить еды, съесть её и отправляться в очередной читальный запой в библиотеку. Краем глаза заметила лежащих на травке мужчин – Сокол вещает что-то своей молодёжи. Впрочем, завидев её, он поднялся, и парням велел сделать то же.

– Добрый день, госпожа моя. Не желаете? – и протягивает ей очищенную дольку апельсина.

– Благодарю вас, – кивнула она. – А откуда вы их взяли?

По идее, апельсинов здесь должно быть много, но она пока ни одного не видела.

– В одном из внутренних дворов растут. К сожалению, не очень сладкие. А для наших упражнений – самое то.

– Для упражнений? – не поняла она, но дольку попробовала.

Да нормальный апельсин, что он наговаривает-то! Ну кисловат немного, так это он китайских не ел!

– Висящие на дереве предметы очень хорошо подходят для тренировки некоторых навыков.

Лизавета бы охотно послушала о том, что можно тренировать на висящих предметах, но тут из дома выбежала и припустила прямо к ней растрёпанная и зарёванная Аттилия.

Что ещё случилось? Утром всё было в порядке.

– Госпожа Элизабетта, помогите. На вас вся надежда. Спасите мою сестру!

Сокол кивком и движением бровей отпустил учеников и тоже прислушался.

– Тилечка, расскажи с самого начала. Что с сестрой, и от кого её нужно спасать. И что я-то могу сделать?

Как-то так само собой получилось, что девочка в их разговорах стала Тилечкой. Впрочем, она не возражала.

– Вы можете поговорить с господином Астальдо. Хотя бы просто поговорить. Я буду знать, что сделала всё, что могла. Я просила госпожу Агнессу о том же, но она отказалась.

Дальше Аттилия рассказала саму историю – то и дело спотыкаясь и шмыгая носом. Оказывается, та её сестрица, которая ходила зарабатывать на жизнь к мужчинам в таверну, накануне вечером попала к какому-то местному аристократу, который не брезговал искать себе развлечений в таких местах. Он затребовал её в отдельную комнату, велел раздеться, осмотрел, попробовал, а потом скомандовал одеваться и идти с ним. Девушка сначала обрадовалась – думала, счастье привалило, поселят в хороший дом и будут денег давать, но потом оказалось, что у того человека куча охраны, и он распорядился той охране – связать ей руки, доставить куда надо и ждать его, а он может быть ещё что-нибудь найдёт. Она как услышала, так и сиганула в канал, только её и видели. Да вот потом, в ночи, весь их квартал встал на уши – пришли люди из тайной службы Великого герцога, искать девчонку, которая оскорбила его сына. Тут-то и вспомнили, что сынок помянутого герцога как раз известен в городе непотребными похождениями и сомнительными историями о пропавших без вести и потом выловленных в канале мёртвыми девицах. Тот аристократ был в маске, но одет очень дорого, и кинжал у него был с камнями – кто его знает, может и впрямь его милость Пьетро, сын Великого Герцога, кто ж его близко-то видел. Конечно же, соседи знали, кто из местных девиц подрабатывает в таверне у Кривого Надзарио, и связываться с тайной службой никому не хотелось, вот на дом отца Аттилии и показали. Уж проще откупиться одной девкой, тем более, что она и сама не прочь, чем потом всей округой отвечать. Да ещё и никто же не уверен, что её непременно убьют. А

вдруг отмоют, причешут да принцессой сделают? В этом месте Аттилия всхлипнула особенно горестно – как же, разбегутся они, можно подумать, нужна кому-то приличному их Розалия!

Но Розалия-то оказалась не промах. И от стражи сбежала, и семью предупредить успела. Нитту, младшую, спрятали в отцовской лодке под сетями – там такая вонь, что ни один стражник не полезет, их в трёх шагах наизнанку выворачивает. А Камилла и Розалия убежали по крышам и прибежали не куда-то там, а к сестрице, которая хорошо живёт и как сыр в масле катается – пусть она и их куда-нибудь здесь приспособит.

Лизавета выслушала и соображала – что же делать-то.

– И где девочки?

– У чёрной пристани, не которая к ступеням храма, а которая в соседнем дворе, откуда мы в город ездили. Их кто-то из знакомых Розалии сюда привёз, и уплыл уже.

– И чего ты хочешь?

– Чтобы господин Астальдо разрешил им остаться здесь. Они не маги, но у нас же не только маги! Руки-то у них растут откуда надо, могут и шить, и мыть, и еду варить!

Ну что ж, поговорить – не грядку вскопать, можно и попробовать.

– Хорошо, пойдём.

– Постойте, – Сокол вышел из тени дерева и взял Лизавету за рукав.

– Что такое? – нахмурилась она.

– Вы хотите вступить за девушку?

– Это, по сути, дети! Я их видела, обеих. В голове ветер, мозгов нет.

– Вы это делаете от широты души или по незнанию?

– О чём вы, причём тут душа? Повторю – это дети, что с них взять?

– А вот тут вы ошибаетесь. Жизнь взять можно у кого угодно, а девица, работавшая в кабаке, явно не ребёнок.

– Это вы ошибаетесь, – спокойно ответила Лизавета.

В бытность классным руководителем ей испортили изрядно крови две подружки Ира и Катя – обе не хотели учиться в выпускном классе, и вечно тусовались с парнями лет на пять-семь постарше, и случалось, что ночевали и у них, у одной после всё закончилось абортom с тяжёлыми осложнениями. А по возрасту были такие же сопливки, как эти две. И в педколледже, где прошли пять лет Лизаветиной преподавательской карьеры, тоже всякого хватало. И рожали на первом курсе, причём – приличные барышни, бывало и такое. Но ума им это не прибавляло ни на грамм. Нет, случаи были несчастными, конечно, но от того легче не становилось.

– Пойдёмте, послушаю, что вы будете Астальдо говорить, – Сокол кивнул на ведущую к двери в дом тропинку.

Лис согласился выслушать Лизавету, кивнул ей на кресло. Соколу ничего не сказал, тот просто зашёл и сел. Аттилия осталась снаружи.

Лизавета рассказала историю и передала просьбу – разрешить девочкам остаться в обители и трудиться на благо Ордена. И добавила, что собственноручно отмоет их и сожжёт то, во что они сейчас одеты.

– Вы видели их, госпожа Элизабетта? Когда успели? – нахмурился Лис.

– Случайно и мельком, – делиться подробностями Лизавета не собиралась.

– И что в них такого особенного, чего ради я должен, нет, Орден должен вступать в конфликт с тайной службой Великого Герцога? Они маги, подобно их сестре?

– Нет, – покачала головой Лизавета.

– Они владеют каким-то редким ремеслом?

– Нет.

– Они грамотны, аккуратны и принесут пользу нашим переписчикам?

– Нет. Но они и не совершили никакого преступления. Не убили, не украли. За что их преследовать?

– Они оказали сопротивление Великому Герцогу, этого может оказаться достаточно, он этого не любит, – покачал головой Лис. – И я не уверен, что Магнус Амброджо или Магистр Ордена отнесутся к вашей идее благосклонно.

Какой такой Магистр? Лизавета искренне считала, что главный тут Магнус Амброджо, а на него вроде Лис как-то может влиять. Но кто-то ещё?

В дверь суматошно застучали.

– Войдите, – велел Лис.

Брат Василио поклонился и доложил:

– Господин Астальдо, у храмовых ворот тайная служба Герцога. Хотят обыскать территорию.

– То есть – обыскать? – нахмурился Лис. – Ума лишились? Они сказали, что им надо?

– Сказали, что мы укрываем преступницу. На мои слова о том, что преступниц у нас не было и нет, возразили – мол, им верный человек сказал, что она здесь.

– Мне поговорить? – поднял бровь Сокол.

– Сиди и не высывайся, – бросил Лис. – Ты у нас, если мне не изменяет память, лежишь в каменном мешке в кандалах.

– Да кто меня там знает, – усмехнулся Сокол. – А поговорить помогу.

Но Лис не слушал – он вышел и стремительно направился наружу.

Лизавета переглянулась с Соколом, и они, не сговариваясь, бросились следом.

23. Лизавета наблюдает за диалогом

На ступенях храма вольготно расположился десяток мужиков, шлемы и кирасы поблёскивали в храмовом освещении. Если Лизавета понимала правильно, то внутри храма как раз сейчас шла закатная служба. Они с Соколом остановились в маленькой боковой калитке, которая выходила прямо на ступени. Лис и Василио прошли вперёд, на площадку перед выходом из храма.

Лис неспешно спустился к пристани, подметая ступени полами белоснежного одеяния, золотые солнца на котором отражали свет не хуже тех кирас.

Лиса увидели. Откуда-то возник одиннадцатый по счёту мужик и заговорил первым:

– Доброго вам вечера, господин Астальдо. У меня есть сведения, что в храме укрылась преступница. Выдайте нам её или же впустите, чтобы мы забрали её сами.

– И вы заявляете это посреди службы? Никакого уважения к Великому Солнцу, драгоценный Пандольфо, – Лис наморщил нос.

– Скажите, а формально у вас кто главный – государство или церковь? – шёпотом спросила Лизавета у Сокола.

– Эх вы спросили, – усмехнулся он, также шёпотом. – Формально всё так переплетено, что без бутылки не разберёшься. Великий Герцог становится таковым только после благословения Великого Солнца, то есть – Магистров всех трёх Орденов. Ни одного Магистра нельзя назначить без одобрения Герцога.

– О как, – впечатлилась Лизавета. – И кто сильнее при нынешнем раскладе?

– Пожалуй, что и Герцог, – ответил Сокол с такой улыбкой, которая, будь он кем-то иным, не обещала бы этому герцогу ничего хорошего.

– И что теперь будет?

– Увидим, – пожал он плечами.

Тем временем Лис увещевал «драгоценного Пандольфо».

– Вы желаете осмотреть храм? После службы. Также вы сможете увидеть всех прихожан, которые сейчас внутри.

– А если девчонка не на службе?

– А мне что за дело? Я знать не знаю ни о каких девчонках. Тайная служба его милости, которая бегаёт по городу за девчонкой, выглядит смешно, вы не находите, Пандольфо?

– Эй, рыжий, говори, да не заговаривайся, – кажется, Пандольфо получил удар в чувствительное местечко.

– Приди в себя! Ты хочешь вломиться в храм Ордена Сияния! Мне нет дела до того, что у тебя за причина, никакой преступник, тем более, девчонка, что бы она там не украла, не стоит святотатства, подумай!

– У меня приказ, – злобно сообщил тот. – И я сейчас войду, хочешь ты того или нет.

Пандольфо двинулся вперёд, поднялся на пару ступеней, и Лизавета смогла разглядеть аккуратные тёмные усики и провалы глаз. И отодвинул Лиса с дороги. То есть попытался.

Лис изящно – как и всё остальное делал – повёл рукой. Призрачная, сотканная из сотен огоньков стена отрезала Пандольфо от его людей, сам вояка поскользнулся на ровном месте, в его сторону вылетела рука тенью скользившего за Лисом брата Василио с кинжалом.

Было бы красиво, да только Пандольфо, падая, схватил Лиса за полу мантии, и тот грохнулся на ступени вместе с ним.

И тут уже не стерпел Сокол – одним стремительным движением отодвинул Лизавету в угол, а сам в прыжке левой рукой бросил что-то в уже колеблющуюся волшебную стену, скрывая место действия от рядовых бойцов тайной службы, а правой схватил Пандольфо за плечо.

Освободившейся левой сорвал с него шлем и бросил, только звон по ступеням, и хорошо приложил в челюсть.

Тот лишь хрюкнул, собрался, сбросил с себя Сокола и хотел уже напасть, но две молнии с двух рук оказались быстрее. Они осветили место действия...

– Ты? – Пандольфо как будто только разглядел соперника.

Получил в лицо долетевшими молниями и рухнул на ступени.

Всё это заняло несколько секунд, Василио даже не успел ничего сделать.

Сокол поднял Лису, встряхнул, поставил на ноги.

– Жив?

– Жив, – выдохнул тот.

– Убирайся внутрь, – Сокол глянул на Василио. – Помоги затащить в ограду эту тушу.

Лису не нужно было повторять дважды. Сокол и Василио бодро взялись за упавшего Пандольфо и потащили в калитку.

Магическая стена рассыпалась ровно в тот момент, когда Сокол, убедившись, что пленный внутри, окидывал последним хозяйским взглядом место побоища. Огромные двери храмины распахнулись, свет от ярких фонарей залил и ступени, и калитку, и нападавших, и Фалько.

– Смотрите, это Фалько! Морской Сокол! – завопил один из стражников.

– Призрак! Он же помер!

– Он пришёл по наши души!

Призрак же издевательски поклонился стражникам, схватил за руку Лизавету, затащил её внутрь и захлопнул калитку. И задвинул засов.

– И что теперь? – набросился на него Лис. – Устроил тут представление!

– А вот что. Надеюсь, ты ещё не забыл, как делают устойчивые иллюзии, – улыбнулся Фалько. – Поддержи меня, – и подошёл к калитке.

Лизавета припала к щели и увидела...

Калитка открылась и закрылась. Наружу, громко топая, мимо выходящих из храма прихожан прошёл Пандольфо и махнул рукой своему отряду.

– Я проверил, внутри преступницы нет. Продолжайте поиск! Я же отправлюсь доложить его милости, – под взглядами как солдат, так и прихожан он подошёл к одной из стоявших лодок, прыгнул в неё, велел править, лодка отчалила, отплыла.

Солдаты, перешёптываясь, полезли по другим лодкам под любопытствующими взглядами прихожан.

– Завтра на всех углах будут болтать, как болван Пандольфо ломился в храм посреди службы. Молва сделает его святотатцем ещё прежде, чем это дойдёт до его милости Великого Герцога Гульельмо, – рассмеялся Сокол.

– Пусть так, но что делать вот с ним? – Лис кивнул на лежащего Пандольфо.

– А что с ним? Нечего ему было меня узнавать. Сделал бы вид, что мы незнакомы, и отправился бы сейчас восвояси.

– И донёс бы, что видел тебя живым и здоровым, – Лис злился. – А теперь его строевые олухи расскажут, что видели тебя!

– Ну, положим, они решили, что видели не меня, а мой призрак, – Сокол смеялся.

– Это они решили, что видели призрак. А господин Великий Герцог совершенно точно знает, что призраком тебе быть пока не с чего, и ты, живой и даже частично здоровый, должен гнить потихоньку в нашем подземелье!

– Гнить в подземелье, говоришь, – задумался Сокол.

Додумать не дали – от «маговского» крыла здания к ним бежал ещё один орденский маг, его Лизавета знала только по имени – господин Джакомо.

– Господин Астальдо, господин Астальдо! Вас ищет господин Карло Рецци!

– И что от меня понадобилось господину придворному магу? – продолжал хмуриться Лис.

– Если б я знал! Он не говорит! Но просил связаться с ним, уже дважды.

– Только ещё не хватало проблем с этой стороны, – Лис достал из спрятанного в складках мантии кармана маленькое зеркальце, подышал на него, что-то порисовал пальцем... и оттуда послышался голос.

– Астальдо, наконец-то! – прокряхтело из зеркала. – Что там у вас творится?

– Доброго вам вечера, господин Карло. Приходил Пандольфо, качал права. Ушёл восвояси.

– Что там за история с какой-то нищей грязнулей? Почему его милость Пьетро решил, что она где-то у вас?

– Господин Карло, подумайте – зачем мне, зачем всем нам какая-то нищая грязнуля? Откуда ей тут взяться?

– Ну как же, у неё же, говорят, сестрица у вас! Не то на службе, не то на обучении!

Астальдо картинно вздохнул, глянул в небеса, потом снова в зеркало.

– Дорогой господин Карло, вы думаете, я знаю родословную каждой низкородной служанки или ученицы? Зачем мне это? Мне важна лишь та ценность, которую представляет девица сама по себе.

– Охотно верю, дорогой Астальдо, но боюсь, его милость Пьетро захочет поговорить с тобой сам. Пусть для тебя это не окажется сюрпризом, хорошо?

– Спасибо, что предупредили, господин Карло, – коротко кивнул Лис и убрал зеркало. – Ну что, допрыгались? – он обвёл тяжёлым взглядом Сокола, Лизавету и тело на траве. – Ещё только не хватало пристального внимания дворца к нашей обители! Честное слово, Фалько, я готов наплевать на то, что почти всё готово, и вернуть тебя в подземелье на ближайшую неделю! Мои предсказательские способности невелики, но я чувую, что по твою душу после сегодняшнего представления непременно кто-нибудь явится!

– Нет, Астальдо, – покачал тот головой, на этот раз серьёзно. – Если ты хочешь сделать то, что запланировал – нужно уходить сейчас.

24. Лизавета исчезает в ночи

Лизавета бежала к дому – разыскать Аттилию и вызнать у неё всё о сестре. Но та нашлась сама – сидела у дверей дома на лавке и дрожала, как осиновый лист.

– Тилечка, где твоя сестра?

– Тут, – тихо проговорила девочка. – Обе они тут.

– Розалия – я правильно помню, с принцем загуляла Розалия? – остаётся здесь, Камилла отправляется домой. Такое решение принял господин Астальдо.

– Как же она доберется домой ночью?

– Господин Фалько сейчас пришлёт двух своих учеников, они отвезут.

– Камилла, слышала? Вылезай!

Из-под мраморной лавки появилась бледная мордашка. Да, Лизавета определённо видела эту девочку. Только тогда она неприлично ругалась на сестру, а сейчас была тиха и перепугана.

– Что? Домой? Я не поеду домой!

– Ты тоже повздорила с его милостью? – поинтересовалась Лизавета.

– Нет, – замотала головой та.

– А вторая где? – проверить на всякий случай.

Вторая вылезла из-под той же лавки – как они там все помещаются, карман там какой-то, что ли? О да, эта красотуля была накрашена и частично обнажена. Остатки краски так и не отмыты, хотя ревела, судя по всему.

Легкие шаги – появляется Сокол, с ним двое. Да, Лизавета видела этих мальчиков. Сокол кивает на Камиллу и даёт последние указания – отвезти, сдать родителям, не захотят взять – объяснить, что они не сваи в канале, и пусть защищают хотя бы этого ребёнка. Обернуться за час, не дольше. Мальчики уходят с Камиллой, Розалия втягивает голову в плечи и пытается снова забраться под лавку.

– Детка, тобой сейчас займётся госпожа Элизабетта, – непререкаемо говорит Сокол. – И Аттилия.

Аттилия в сомнениях и страхе, тогда он подходит ближе и протягивает ей раскрытую ладонь.

– Руку сюда, – Аттилия слушается. – Глаза закрыть. Сосредоточиться. Думай о сёстрах, о том, из-за чего всё пошло наперекосяк. Из-за кого. Что ты к нему чувствуешь? Что бы сделала, если бы могла? Не сдерживайся. На счёт три, хорошо? Раз, два, три!

Меж их сложенных ладоней как полыхнёт пламя! Розалия с визгом забилась-таки обратно под лавку, а Лизавета просто стояла, ни жива, ни мертва. Смотрела во все глаза. Магия, как она есть.

Но что-то она, похоже, упустила, потому что Сокол улыбался и стряхивал руки, Аттилия смотрела на свою ладонь, как на чужеродный элемент, а Розалия тихо подвывала из-под лавки.

– Всё поняла? Сможешь удержать в себе и не расплескать попусту? – спросил Сокол Аттилию.

– Я постараюсь, – пробормотала девочка.

– Тогда ступайте. У вас тоже не больше часа.

А дальше им предстояло привести Розалию в порядок. Лис припомнил Лизавете её слова о том, что она готова девочку отмыть, и велел сделать это как можно скорее. Отмыть, причесать, переодеть. Чтобы нельзя было сказать, что это уличная девчонка, а не служка Ордена.

Розалия увидела ванну с горячей водой и заверещала. Что она мылась недавно, всего пять дней назад, и раньше конца декады в воду не сунется. Тут Лизавете пригодился весь опыт взаимодействия с проблемными детьми – спокойно и непреклонно. Когда Розалия убедилась,

что её мнение сегодня не учитывается, то разделась и полезла в ванну. На худом теле обнаружили синяки.

– Кто это тебя? – спросила Лизавета.

– Его милость, – едва слышно пробормотала Розалия. – Ему понравилось, что я не хныкала, а терпела, ну а что, всякое же бывает, иногда за такое больше денег дают, если не реветь. Только надо понять, реветь или терпеть, разным же разное нравится. Ему нравилось, что я терпела. И он сказал, что надо идти с ним, мы продолжим там, где нам никто не мешает. И что у него есть комната, куда никто не заходит, и из которой ничего не слышно. И что пусть я готовлюсь, а он ещё поищет кого-нибудь, потому что одной меня на ночь ему мало.

Прямо сказать, Лизавета и знать-то не хотела так много о жизни здешней правящей семьи. Она молча намыливала голову девочке и тёрла, а потом прополаскивала, а потом Аттилия сушила.

Уже было приготовлено чёрное платье, глухая сорочка и чепец.

– Мне что, теперь так всю жизнь ходить? – ужаснулась Розалия, глянув на себя в зеркало.

– Можешь вернуться к его милости. Вдруг он разрешит одеться по-другому? – зло спросила Лизавета.

Всё же недостаточно у неё терпения.

Далее Розалию следовало отвести в женскую комнату и сдать госпоже Мариалене, командовавшей служками, как магами, так и обычными людьми. Та уже была предупреждена, сурово поговорила с девочкой и указала ей кровать. Строго глянула на остальных и велела забыть, как и когда девочка у них появилась. Полгода уже живёт, и всё. А зовут – Петронилла.

И поскольку госпожа Мариалена была магом, то её послушались безоговорочно.

Далее можно было пойти к себе и перевести дух. Но в дверь почти сразу же постучали, и это был брат Василио.

– Госпожа Элизабетта, господин Астальдо просит вас к себе. Тотчас же.

Хорошо, к Лису так к Лису. Тем временем часы на башне пробили полуночную службу.

У Лиса в кабинете был Сокол, а также Пандольфо – в виде тела на ковре. Когда она вошла, Сокол что-то делал с тем телом – судя по хитрым пассам руками, магичил.

– Вот посмотри на него теперь, – распрямился, а глаза так и сияют, как у студента, который сбежал с трёх муторных пар подряд у сурового препода, и ему ничего за это не было.

Лис наклонился, нахмурился, зажёл дополнительный магический огонь. Лизавета приоткрылась... ах черт, так не бывает!

На ковре лежал с закрытыми глазами ещё один Сокол Фалько.

– И... как долго продержится иллюзия? – Лис строго смотрел на Сокола.

– Пока я не освобожу его. Или пока я жив. Мне этот маскарад почти ничего не стоит, – а сам довольный, прямо как будто в первый раз что-то подобное вытворил.

– Чего радуешься-то? – Лис был по-прежнему хмур.

– Да наконец-то я ему по роже дал, – сообщил Сокол. – Давно хотел.

– Так вы знакомы? – спросила Лизавета.

– Конечно, из-за этого всё и завертелось, – теперь Сокол улыбался уже предметно ей. – Много лет назад мы с Астальдо и вот с ним учились вместе в школе Ордена Луча. Ну как вместе – он на пять лет младше. Но был не дурак позадираться, а бить его, мелкого, было как-то не с руки, дух бы вышиб сразу. А теперь – уже можно. Но он совершенно зря меня узнал. Мог бы вообразить себе, что это кто-нибудь другой, ума-то небольшого. Вот теперь пусть страдает. И вообще, что удумал – возглавить тайный сыск его милости Великого Герцога! Не мог себе другого дела подыскать, попримечнее? Здоровенный мужик гоняется по всему городу за девчонкой, которая от горшка два вершка – смех, да и только. И ладно бы впервые, но он ведь, как я понял, занимался регулярными поставками девиц для его милости единственного отпрыска Великого Герцога. Вот пусть теперь полежит и подумает о своей жизни.

– Он же очнётся и расскажет, кто он есть, – подняла изумлённый взгляд Лизавета.

– Он расскажет, что его зовут Фалько Морской Сокол. И всё. И вид у него будет такой, что лёгкое умственное расстройство никого не смутит. Тем более, что его невеликую магию мы блокируем, так ведь? И когда в обитель явится делегация из дворца посмотреть на моё тело в подземелье, то оставшимся здесь будет, кого им показать. А по сложению мы схожи, он повыше, но в темнице при тамошнем освещении это не важно.

– И это меня называют бесчувственным злодеем, а ты у нас – душка и любимец женщин, – покачал головой Лис.

– Я предусмотрительный, – вновь улыбнулся Сокол, в том числе Лизавете.

– Хорошо, пусть так. Госпожа Элизабетта, что с девчонкой?

– Приведена в должный вид, выдана госпоже Мариалене. Та, как я понимаю, отправила девочку спать. И сможет применить её руки на благо Ордена, – усмехнулась Лизавета.

– Хорошо. Что там у вас с вещами? Будьте готовы через час, – и Лис отвернулся к столу и бумагами на нём.

– Как через час? – оторопела Лизавета.

У неё ничего не собрано и книги не дочитаны!

– Через час, – повторил Лис, не оборачиваясь. – И Аттилия тоже.

– Утром мы должны быть отсюда как можно дальше, – Сокол посмотрел на неё сочувственно.

– Поняла, – кивнула Лизавета и отправилась к себе.

В комнате она нашла всё ещё перепуганную Аттилию.

– Тилечка, собираем вещи. Мы отправляемся через час.

И принялась выгребать из сундука одежду и складывать по кучкам. Нужно взять с собой всё, что есть, в багаже её не ограничивали, да и вещей-то немного. Надеть новый мужской наряд с новыми же сапогами, не забыть банки и флаконы для ухода. И проследить, чтобы Аттилия тоже была одета и собрана. На двоих у них получилось два кожаных мешка побольше и один поменьше. Наверное, лошадь это увезёт.

Волосы в косицу, девочке тоже. На голову шапочку горшком – местную разновидность берета. Эх, голову не успела помыть, но теперь уже как будет.

Когда за ними зашёл Фалько, обе сидели на кровати, прижавшись друг к другу, и молчали. Он подхватил два мешка побольше, сумку с косметикой и вещами из дома Лизавета взяла сама.

Их ждали лодки – несколько. Фонарей не зажигали. Оттолкнулись от берега и направились навстречу темноте и неизвестности.

Часть вторая. От моря до болота

1. Лизавета путешествует верхом

Вечером следующего дня Лизавета сидела на раскладном стульчике возле шатра из небелёного льна. О да, в некоторых вопросах здесь предпочитали удобство. А в некоторых... Эх.

Стульчик появился, когда она совсем без сил растянулась на траве. Потому что мышцы в ногах и задница болели нещадно – ещё бы, после целого дня в седле с непривычки! Не утешало даже то, что и Крыске Агнеске было не слишком хорошо – она сидела в дамском седле, свесив ноги на один бок коня и разложив вокруг юбку, но если так сидеть целый день, то ноги тоже непременно заболят, просто в других местах.

Может, дня через три ей станет легче?

А пока всё было как-то беспросветно. На экскурсию по неведомым землям это походило меньше всего – ремней безопасности система «конь Огонёк, масть рыжая, хвост длинный, два глаза, четыре копыта, одна единица хранения» не предполагала, а двигаться нужно было быстро.

Они достигли берега в темноте, и с минимальным освещением двинулись в тот самый домик, где Лизавета уже бывала, и где их ждали кони. Коней понадобилось много – людям и для груза. Их с Аттилией мешки прицепили к Огоньку и к ещё одному коню, на которого Сокол посадил девочку. Практически забросил. Дальше девочка справилась сама.

Подошёл к ней. Магический огонь висел у него над головой, освещая вьющиеся волосы, черное сукно одежды, оружие на поясе.

– Госпожа моя, все ваши вещи здесь?

– Да, одну сумку уже подцепили, вторая вот, – Лизавета растерянно показала на мешок с косметикой, парой трусов и ещё кое-чем необходимым.

– Давайте, как вы сказали – подцепим.

Он и вправду прикрепил мешок к ремням.

– Спасибо.

– Где ваш плащ? Фляга для воды? Там? – кивнул на маленькую сумку.

– Нет, – замотала головой Лизавета. – Плащ в тюке, фляжки у меня нет, я понятия не имела, что её нужно где-то взять.

– И никакой поясной сумки нет?

– Нет.

– И куда вы только собирались? – нахмурился он. – А что там? – показал на маленькую сумку.

– Нужные вещи, – она не готова была объяснять по шампунь и трусы.

– Про арбалет или пистолет не спрашиваю, откуда они у вас? – усмехнулся, подтянул какой-то ремень.

– Я арбалет только на картинках видела, – сообщила Лизавета.

Ещё в кино, но не рассказывать же ему сейчас про кино! А пара пистолетов у неё в хранилище в сейфе лежит. То есть, уже не у неё...

– Забраться в седло сможете?

– Постараюсь. Если дотянусь, – она честно задрала ногу, коснулась пальцами стремени, теперь надлежало сделать корпусом стремительное движение вверх и перекинуть через конскую спину вторую ногу. Но увы, растяжки фатально не хватало.

– Опирайтесь, – он подставил ей сложенные руки. – Левой ногой, корпус вверх, правую через спину коня в стремя, и дальше.

На удивление, получилось. Лизавета угнездилась в седле, разобрала поводья, вспомнила, как их держат. Фалько посмотрел, одобрительно кивнул, подтянул ремни у правого стремени.

Конь Огонёк переносил процедуру загрузки седока с феерическим спокойствием, только изредка фыркал.

Уж конечно, сам господин телохранитель взлетел в седло выданного ему коня птицей – как же иначе. И Лис – ничуть не хуже. И кони у них были – не как Огонёк, тонконогие, стройные, изящные красавцы. Масти в темноте было не разобрать.

А потом Лис скомандовал отправляться, и они отправились. И умный Огонёк просто пошёл за остальными. Лизавета только надеялась, что Тилечке дали такого же умного коня, и он тоже сам пойдёт, куда надо.

День она помнила плохо. После бессонной ночи очень хотелось спать, но Лизавета боялась свалиться. Ноги затекли уже к рассвету, а потом и спина устала. Но они ехали, ехали и ехали.

Остановка была уже после рассвета. Где-то. Лизавета сползла с коня – смогла сама, и принялась разминать и растягивать ноги и спину под одобрительными взглядами проходящего мимо Сокола, а потом ещё и Аттилии велела делать так же.

– Вы не знаете, нам сегодня ещё долго так ехать? – шепотом спросила девочка.

– До ночи, наверное, – пожал плечами Лизавета.

Им дали хлеба с мясом, и воды, а потом Сокол снова сначала забросил в седло Тилечку, и от неё вернулся к Лизавете и подставил руки. Получилось, ура.

В течение дня случилось ещё две остановки – на полчаса, не больше. И к финалу Лизавета вовсе не была уверена в том, что верхом путешествовать проще, чем пешком. Хотя, конечно, аутентичненько, что ни говори.

И вот сейчас они остановились на ночь. Нет, остановились не сейчас, уже с час тому.

К моменту остановки ноги Лизаветы болели так, что она с трудом перекинула их на одну сторону. И тихонько поползла по конскому боку вниз, вытянув носочки, чтобы спружинить о землю.

И вдруг её подхватили две восхитительно живые и сильные руки, взяли и поставили на землю.

– Стоите? – спросил Сокол.

Лизавета не сразу поняла, стоит ли, и вцепилась в его запястья. Выдохнула, пошевелила стопами, опустила руки. И только потом опустил свои руки он. Оглядел её, убедился, что шевелится, пошёл дальше.

Выяснилось, что в багаже едут четыре шатра – один побольше, три поменьше. Побольше поставили для Лиса, из тех, что поменьше, один выделили женской части отряда. Расстелили на земле одеяла, ещё по одному выдали – укрываться. А когда Лизавета, ощутив себя совсем без сил, разлеглась прямо на траве, то её осторожно потрогали за плечо, бесцеремонно подняли и выдали тот самый раскладной стульчик. Трогал за плечо кто-то из мальчишек, а поднимать тушу с земли уже позвали Сокола. Тот посмеялся, устало, но светло, помог ей сесть и пошёл дальше.

Лизавета подумала, что после такого дня горячая еда пришлась бы очень кстати. И не одна она так подумала – Сокол командовал троем служкам, чтобы носили откуда-то воду и хворост, а сам разжёл из хвороста костёр, пока отвечающий за хозяйство брат Джанфранко растерянно хлопал глазами. Своих парней отправил за дровами, служек усадил что-то готовить, Лизавета даже и не вникала, пока ей в руки не дали миску с какой-то едой. Это была каша, заправленная мясом. Почти родной лес и гречка с тушенкой, подумала она.

Каша оказалась вкусной, и съела её Лизавета без остатка. Потом добыла кружку воды – сходить умыться. Заставила валящуюся с ног Атиллию сделать то же самое, увела её за кусты, там и сама умылась, и за девочкой приглядела. Тем временем в их шатре устраивалась Крыска. Пусть уже уляжется, потом они с Тилечкой тихонько проберутся внутрь и тоже лягут.

Но не получилось. У шатра бродили парни Сокола – двое, Лизавета не знала их по имени, только в лицо. Попросили Тилечку отойти с ними на пару шагов.

Лизавета не возражала – если они что дурное удумают, Сокол потом им головы поотрывает. Забралась в шатёр, принялась на ощупь упорядочивать вещи вокруг своей постели. Так себе постель, но лучше, чем на улице под кустом.

Атиллия вошла внутрь, упала на своё одеяло. Слезы лились градом, плечи тряслись. Что это ещё такое? Лизавета стряхнула сонную одурь.

– Тилечка, что случилось?

– Они сказали, что матушка умерла.

2. Лизавета утешает и утешается

– После того, как приходили солдаты тайной службы и искали сестру, – всхлипывала Тилечка. – Когда утихло всё, брат Паоло поднялся к ней – а она уже не дышит. К ней даже не заходили, она сама... Отец, говорят, что-то против них сказал, так его просто шпагой проткнули, и всё. И двоих братьев. Паоло успел убежать, и вернулся, только когда их и след простыл, а дома вот такое. Он остался да двое младших, они в лодке прятались и всё слышали. И Камилла. Антонио сказал, что Паоло пришлось немного побить, тогда только он понял, что теперь самый старший и что всё – на нём. И они с Альдо сказали Паоло, чтобы брал всё ценное, Камиллу и самых младших – Нитту и Вито, в лодку, и вон из города. И даже не к тётке, отцовой сестре, а вообще куда-нибудь подальше. И Паоло понял, и они с Камиллой и младшими собрались и уплыли. И я теперь совсем ничего о них не узнаю. Но как же так, госпожа Элизабетта? Что мы всем им сделали-то?

Лизавета просто обняла девочку, без слов. Слов уже как-то не осталось.

– Вы не могли бы разговаривать снаружи? – злобный шёпот Крыски встряхнул и заставил собраться в кучку.

– Уважаемая госпожа Агнесса, никто не намеревался мешать вам. Извините. Но так уж сложилось, ничего не поделаешь, – и даже не оборачиваться на неё, просто чуть повысит голос.

Крыска фыркнула, выбралась из-под одеяла, встала, обулась и вышла.

– И пусть её, – Лизавета гладила Тилечку по голове.

Понимала, что тут нужно проплакаться. Пусть лучше сейчас ревёт, чем потом неделю слёзы будет глотать.

Атилия ревела и говорила – о своей семье, и о матери, которая всегда была к ней добра – ну, насколько это позволял отец и другие дети. Лизавета не представляла себе, как это – восемь детей, теснота, нищета. Никакой медицинской помощи, антибиотиков-жаропонижающих-обезболивающих-прививок, садиков-школ, и что там ещё бывает в её нормальном мире. И ведь даже в таких условиях приличные дети вырастают...

К слову о медицинской помощи. В нормальном мире она давно бы дала Тилечке успокоительного, и та бы уже спала. А в этой, простите, заднице что делать? И куда запропастилась Агнеска?

– Я сейчас, – сказала она Тилечке, натянула сапоги и вышла.

Снаружи было темно. Неудивительно, конечно. В стороне горел костёр, там сидели – кто-то из парней Сокола и пара служек в рясах.

Сам он возник всё равно что прямо из темноты.

– Не спится, госпожа моя?

– Вы не знаете, где Агнесса?

Он усмехнулся.

– Знаю. А она зачем вам понадобилась?

– Так ваши молодые люди расстроили мне девочку, не могли до завтра подождать! Теперь она ревёт белугой и никак не может успокоиться.

– Они были готовы всё рассказать сразу, как вернулись, это я их притормозил.

– Спасибо, конечно, но подождать до завтра было бы ещё лучше. Она мало что устала, теперь ещё и это. Надо бы успокоить, я и подумала – может, у госпожи Агнессы какое зелье есть или отвар, чтоб спать.

– Может и есть, конечно, но она сейчас вон там, – он кивнул на большой шатёр, и до утра мы её оттуда не достанем.

– Пусть там и остаётся, – злобно пробормотала Лизавета.

Входное полотно шатра зашевелилось, и показалась Аттилия. Огляделась.

– Иди-ка сюда, детка, – скомандовал Сокол.

Так скомандовал, что она послушалась. Подошла, всхлипнула.

– А чего вы тут командуете?

– Детка, пока вот он, – Сокол кивнул на большой шатёр, – спит, команду я. Да и когда проснётся, то подозреваю, только рад будет, что не нужно следить за каждой лошадьёю и каждым мешком. Пойдёмте-ка.

Привёл их к костру, шуганул оттуда мальчишек. От них остались раскладные стульчики – два, туда и были усажены Лизавета и Аттилия.

– Тебе Антонио про мать и остальных сказал, так? – отцепил от пояса флягу, протянул Аттилии. – Пей.

Она беспрекословно взяла, глотнула...

– Что это?

– Хороший крепкий напиток, – усмехнулся Сокол. – Поможет успокоиться и уснуть.

Ничего ж не изменишь?

– Да, – вздохнула Аттилия, шмыгая носом.

– Поэтому будем помнить. А с рассветом нам подниматься и отправляться дальше.

– Я с ней даже не попрощалась.

– Так тоже бывает, – кивнул Сокол. – Я тоже не попрощался со своей матушкой. Я был далеко. И даже на Острове Мёртвых не получилось с тех пор побывать.

– На Острове Мертвых? – удивилась Лизавета.

– Остров-кладбище. Там только хоронят, и ещё там храм, – пояснила Аттилия. – Я так поняла, соседям оставили денег, чтобы они позаботились о похоронах, но вдруг они просто выбросили всех в канал, и всё?

– Думаю, позаботились, не совсем же они пропащие? – Сокол взял у девочки флягу и протянул Лизавете.

Фляга была чудо как хороша. Из лёгкого металла, с видимым в свете костра чернёным рисунком – галера под парусами, и над мачтой – птица. Лизавета сняла крышечку, понюхала – пахнет травами. Ничего крепче вина она пока здесь не пила, да и дома тоже не часто – сосуды подводили. Глотнула, зажмурилась... Да-а-а, жидкий огонь, не иначе. Внутри сразу же стало тепло.

– Что это? Где вы такое берёте? – начала спрашивать она, продышавшись.

– В данном случае – лекарство, – усмехнулся он и забрал флягу. – Берите, другого ничего нет, – он вытащил откуда-то пару персиков и дал Лизавете и Аттилии.

– Не хочу, – замотала головой девочка.

– Так я ж не спрашиваю, хочешь или нет, – сказал Сокол. – Я даю и говорю – бери и ешь.

Она швыркнула носом и взяла.

Персик был чудесный, терпкий и сочный. Лизавета персики любила, но какие ж дома персики? Только китайские. Белые и почти безвкусные. Лучше уж в компоте.

Аттилия бросила косточку в костёр и поднялась.

– Я пойду. Спасибо. Я усну, не беспокойтесь.

Сокол поманил её к себе, осмотрел, коснулся виска пальцами.

– Ступай, детка. И надейся, что дальше будет только лучше.

Сидели, молчали. Спать хотелось, но не так сильно, как час назад.

– Госпожа моя, а у вас остались дома дети? – вдруг спросил Сокол.

Она вздохнула.

– Не то, чтобы дома, но – да. Дочка. Большая уже.

– Удачно замужем?

– Да что вы все про замуж-то! Нет, учится она. В университете. И если квартиру я ей сделала, то кто будет деньги на жизнь переводить – я теперь не знаю.

– Учится, значит, – улыбнулся он. – И поможет ей в жизни это ученье?

– Должно, – пожала она плечами.

– Быстрее замуж возьмут?

– Нет, на работу, и не секретаршей, а делом заниматься. И платить будут хорошо, – он молчал и внимательно на неё смотрел, поэтому она продолжила: – Ну да, у нас бывает, что у мужа жена не работает или дочка у богатых родителей, но чем заниматься-то? Дома сиднем сидеть? Так завоешь.

– И вы... работали?

– А как же? Жить-то на что-то надо. Мои родители – обычные. Родители мужа – тоже.

– А муж где? Дома остался?

– Нет, – покачала она головой. – Ушёл.

– Куда? – не понял он. – На тот свет, что ли?

– Нет, почему. К... к любовнице, короче. Мы расстались. Полгода как. Или уже больше. Он вгляделся в неё.

– Что значит – расстались?

– То и значит. Он ушёл, я осталась. Развод я ему дала, правда, только когда он перестал Настюхину долю квартиры отжимать. Собственников трое – на троих и делить. А он мне начал мозги пудрить – мол, давай, продадим, и я возьму себе свою долю и Настину, тебе норм, а ей всё равно уезжать. А с ней потом разберёмся как-нибудь. Ага, разобрался бы он, как же. Только с одной своей третью я бы ей ни в жизни жильё не купила. И договорились – я квартиру покупаю, он деньги на жизнь даёт. Так и записали. Боюсь теперь, как бы он не прослышал, что я пропала, и Настю совсем без денег не оставил. Стипендия-то не бог весть какая.

– Я не могу сказать, что всё понял, но это нужно запить, – покачал он головой и снова протянул ей флягу.

Потом сам тоже глотнул. И снова достал персики.

– Чего тут понимать? Была б моя воля, рванула бы домой.

– Погодите. Я так понял, что муж ваш пошёл куда-то далеко, и там ему хорошо, но вы обязали его содержать вашу с ним дочь.

– Точно. Пока не выучится и не начнёт работать.

– То есть она у вас не брошена, так?

– Так.

– А кто ещё у вас есть?

– Родители. Слава богу, живы. За ними так-то мой брат присматривает. Он младше на два года.

– И хорошо, – кивнул он. – Давайте пить за то, чтобы все наши близкие были живы.

– Давайте.

Фляга, потом снова персик.

– То есть, получается, что никто без вас голодный не плачет? – уточнил он.

– Вроде не должен. У меня даже кота нет. Хотела завести, а теперь рада, что не успела. Только цветы, но их, наверное, мама уже к себе забрала. Цветы, в горшках. Дома растут, – пояснила она в ответ на недоумённый взгляд.

– Так значит, вы свободны, – заметил он. – Мужу вашему вы не нужны, отец и брат за вами сюда не дотянутся.

– Больно им это надо!

– Значит, вы вольны делать с собой и не только с собой всё, что душе вашей угодно.

– Уж конечно. Почему я тогда еду неведомо куда на каком-то коне? Ношу какие-то дрянные тряпки? Спору нет, они хорошо сшиты, и хорошо на мне сидят, но я-то привыкла к другому!

– Потому, что так угодно высшим силам? – предложил он вариант.

– Не знаю ничего про высшие силы.

– Наслышан, – улыбнулся он. – Вы немало поразили этим Магнуса Амброджо. Но поверьте, не всё в мире подвластно нам и нашим желаниям. Я достаточно долго бился головой о стены, пока не принял как данность эту простую мысль.

Она вздохнула.

– Если даже вы, – протянула руку, он дал ей флягу. – А у вас есть дети?

– Есть, трое. У меня даже внуки есть, – усмехнулся он.

– По вам не скажешь.

– Так я маг, не из последних. Хорошо сохранился. Вам, к слову, тоже ваших лет не дашь.

– Это всё ваши ужасные условия жизни, – пробурчала она. – У вас сыновья или дочери?

– Дочь и два сына. Дочь давно и хорошо замужем на материке. Старший сын женат, младший – пока ещё нет.

– А ваша супруга?

– Увы. Умерла в родах шестнадцать лет назад.

– И вы не нашли новую.

– Как-то не до того было.

– И когда мы отыщем эту хрень для господина Лиса, вы отправитесь к детям?

– Господин Лис? Отлично. Намного изящнее, чем прозвал его в своё время я. Но да, вы правы – у меня множество дел, они меня ждут. Господин, как вы сказали, Лис заставил меня дать клятву, но она обоюдоострая – когда условие будет выполнено, мы друг от друга освободимся, и я отправлюсь восвояси.

– А как вы его называли?

– Рыжий Червяк. Но сейчас он уже не червяк, нет. Он не меньше, чем ядовитая змея. Такая, знаете, небольшая яркая змейка, которая так хорошо умеет прятаться, что её и не видно, пока она не набросится и не укусит. Но Лис – тоже хорошо. Кстати, я припоминаю, что вы обещали рассказать некую занимательную историю. Сегодня уже определённо не до того, но завтра и дальше это будет очень нужно.

– Вот прямо нужно?

– Да, чтобы держать вместе наших сотоварищей. Поучения и молитвы им не интересны, а историю они станут слушать охотно, уверяю вас. И служки, и монахи, и моя молодёжь. Они не читают книг, зато любят байки.

– Хорошо, я подумаю.

– Не бойтесь, вас будут слушать.

– Господин Фалько, я так-то полтора десятка лет преподавала, прежде чем уйти в музей, – сообщила она. – И у меня были не только уроки на двадцать человек, но и поточные лекции.

– Что вы делали? Вы... были учителем? – ну хоть чем-то она его удивила!

– Именно.

– И... чему вы учили?

– Истории и философии.

– Вы учили юных девушек?

– Не только. Всех подряд. И детей, и постарше, и мальчиков, и девочек. И взрослых тоже.

– Скажите, а что же ваш муж? Он отпускал вас... читать лекции?

– А что ему оставалось? Деньги-то не лишние!

В его глазах билось «Не верю». Наверное, он представлял таких преподавателей почтенными старцами в хламидах вроде статуи Геродота. И совершенно точно не мог предположить,

что жизнь преподавателя – это вовсе не возвышенное и прекрасное, а нечто невнятное, складывающееся из понятий «часы», «годовая нагрузка», «учебный план», «рабочая программа», «учебно-методический комплекс» и прочая хрень, здесь казавшаяся абсолютно фантастической. И что мало какой мужик всё это вывезет – да ещё за те деньги, которые платят за такую работу.

Поэтому она встала, поблагодарила его за вечер и попыталась откланяться.

– Госпожа моя... – начал он.

– Я не заблужусь, моя палатка вон там.

И в кусты ещё надо. Он там остро лишний.

– Уснёте?

– Вполне.

– Тогда доброй ночи.

– А вы?

– Сейчас моя стража. Ещё через полчаса разбужу брата Василию.

3. Лизавета рассказывает историю

Наутро их подняла Крыска – вещи-то у неё тут оставались. Бесцеремонно растолкала и сообщила, что завтрак через полчаса, а шатёр уже нужно убирать.

Болело всё тело. Как будто ударная доза спорта после полугода лежания на диване. По правде говоря, так и было – танцы нагрузка, конечно, но совсем не на те мышцы, на которые конь. И ведь сейчас снова на него забираться, а Лизавета сомневалась, поднимет ли она хоть одну ногу. И ночь на жестком тоже радости телу не добавила.

Но пришлось выбраться наружу, умываться, причёсываться, заплетать Тилечку. В кустах можно было ходить в рубахе, без дублета, и хорошенько растянуться – насколько позволило тело. Тилечке она посоветовала сделать то же самое, у девочки после вчерашнего болели ноги, мышцы пресса и что-то ещё.

После переживаний минувшей ночи Тилечка, обычно весёлая, молчала. Никак не реагировала на подколки молодёжи, когда ей с шуточками передали кусок хлеба с вяленным мясом – просто поблагодарила.

Лизавета же отметила, что раньше, дома, после такого дня, такого вечера и такой ночи она бы себя долго по кусочкам собирала. А сейчас хотя бы голова не болит, и то хорошо.

Лагерь собран, вещи упакованы. Конь Огонёк готов идти дальше и тащить её на своей мощной спине.

Попытка поднять ногу не удалась – было слишком больно. Вторая – тоже.

– Госпожа моя, позвольте мне.

Сокол. Свеж и бодр, будто не болтал с ней полночи, не пил и не дежурил потом.

– Вы заберётесь туда вместо меня? – усмехнулась она.

– Ураган мне этого не простит, – вернул он усмешку.

Ураганом звался его конь – изящный вороной красавец, и разом с тем злобный зверь, который позволял приближаться к себе только хозяину. Он сам его кормил, поил и чистил, во всяком случае – вчера было так.

– Ураган – это ваш конь?

– Да, мы вместе уже пять лет. Представления не имею, где Астальдо нашёл его перед этим походом. Но нашёл, и за это ему большое спасибо. А сейчас я вас подниму, а вы попытаетесь забраться в седло.

– Вы? Меня? Поднимете? – ага, три раза.

Поднимет он такую тушу, как же!

– А что не так? – не понял он.

И в самом деле, обхватил её за бёдра и поднял. Легко. Непринуждённо. Сказать, что она удивилась – сильно преуменьшить. И даже забыла, для чего это вообще было сделано. Потом опомнилась, схватилась за седло, оперлась на одно стремя и перекинула ногу во второе. Выдохнула.

– Спасибо, – почему-то было неловко смотреть в его улыбающееся лицо.

Может, не так и плохо, что здешние женщины на мужчин не смотрят?

– Пожалуйста, госпожа моя, – он кивнул и отошёл.

Что-то у кого-то проверил, на кого-то прикрикнул, что-то ещё... Лис, уже красовавшийся верхом, поинтересовался:

– Мы сегодня отправимся, или будем теперь жить здесь?

Если в городе он носил белоснежную мантию с золотыми лучами, то в пути – одежду из чёрного бархата, с вышивкой и цепями. На взгляд Лизаветы, лезть на коня в бархатном

костюме было верхом непрактичности, но кого интересовало её ценное мнение? Вот она и оставила его при себе.

– Можем отправиться хоть сейчас, – подмигнул Сокол. – Но если ты потом спохватишься, где твоё вино, ответить тебе будет нечего. Потому что чуть не забыли.

И вправду, служки тащили небольшой бочонок, который стали фиксировать на спину выючной лошади.

Лис смотрел, нахмурившись... а потом вдруг рассмеялся своим бархатным смехом.

– Само Великое Солнце надоумило меня взять тебя с собой. Ты помнишь обо всём на свете, даже о том, о чём забыл я сам!

– Пользуйся, пока можно, – усмехнулся Сокол.

Взлетел в седло, потрепал по шее своего Урагана. А Лис скомандовал выступать.

Разумнейший на свете конь Огонёк сам отправился следом за остальными. Конь Аттилии по имени Красавчик, тёмно-коричневый в белых чулочках, тоже был не дурак, и двинулся вперёд. Лизавета мысленно пнула себя, что даже не обратила внимания, как девочка попала в седло – настолько увлеклась своей болью в мышцах. И крепкие объятия Сокола до сих пор ощущались в соответствующем месте – ещё бы, её никто и никогда за все её годы так не поднимал, а последние лет десять о таком и помыслить-то было нельзя! Кто ж управится с такой тушей! А вот ведь, управился, и помощи не запросил.

– Скажите, госпожа Элизабетта, а как вы перемещаетесь с места на место у себя дома? Неужели у вас там не ездят верхом? – а она и не заметила, как рядом оказался Лис.

Бархат поплёскивал на солнце, цепь серебрилась, рыжие волосы растрепались. Тёмные глаза смотрели внимательно и заинтересованно.

– Нет, господин Астальдо, не ездят.

– Как же тогда?

Лизавета задумалась. Как бы это объяснить? Чтобы не нарваться опять на «Не верю»?

– В повозках. Знаете, такие повозки, которые ходят по определённым маршрутам. Иногда даже по расписанию.

– И кому они принадлежат? – удивился Лис.

– Некоторые – государству. А некоторые – частным владельцам.

– Выходит, это доходное дело? – продолжал расспрашивать Лис.

– Знаете, я никак с этой сферой не соприкасалась. Только ездила. Зато каждый день. Те, кто ездит, всегда утверждают, что за проезд с них берут неоправданно дорого. А те, кто возит – наоборот, то и дело голосят, что работают себе в убыток.

– Любопытно, – кивнул Лис. – И что, такие повозки удобнее путешествия верхом?

– Знаете, по вашим дорогам – не обязательно. Большинство из них здесь просто на очередной кочке развалится.

Да-да, дорога – самая обычная, просто утоптанная копытами и укатанная колёсами земля. И это пока погода тёплая и сухая. А если пойдёт дождь?

– А личные... повозки бывают? – продолжал расспрашивать Лис.

– О, конечно! У вас можно выхваляться конём, а у нас точно так же поступают с... повозками. Повозки бывают дороже, дешевле, проще, сложнее, из дорогих материалов, для езды по городским мощёным улицам, или для загородных дорог, вроде вот этой, или ещё спортивные...

– Какие-какие? – перебил её Лис.

– У вас бывают скачки? Когда конь должен преодолеть определённое расстояние быстрее всех других коней?

– В Фаро – нет, но в других землях бывают, как я слышал. А наш друг Фалько возможно, что и видел, – Лис глянул на помянутого друга, но тот ехал впереди и о чём-то беседовал с одним из своих парней, Лизавета всё никак не могла установить, кого из них как зовут.

– Вот, а теперь представьте такие скачки, только на повозках, – хмыкнула Лизавета.

И даже рассмеялась – представила гонки на неких повозках, с большими деревянными колёсами, которые ехали со скрипом, а колёса угрожали отвалиться.

– Не представляю, – покачал он головой, улыбаясь. – Но вы, видимо, как раз что-то представили, раз смеётесь. А у вас есть повозка?

– Нет. Я не умею управлять такой повозкой. Этому нужно специально учиться, и ещё существуют правила движения по дорогам для таких повозок, их тоже нужно знать.

Рассказывать о том, что хоть Вадим и отправлял её в автошколу, она так и не решилась, потому что и представить себе не могла, что они расстанутся, Лизавета не собиралась. Хотя машина и была куплена на деньги Лизаветы – осчастливили как-то под новый год бюджетников немалой премией – и её родителей, но как только запахло разделом имущества, Вадим её быстро продал кому-то из друзей, а отдать ей хотя бы половину денег так и не собрался.

За разговором доехали до первой за день остановки, Лизавета была благодарна Лису, что отвлекал её от ноющих мышц.

Сокол же помог спуститься на землю Тилечке, а потом подошёл к Огоньку. Потрепал его по шее, затем скомандовал:

– Слезайте. Я поймаю.

Спрыгнуть прямо ему в руки Лизавета не решилась, хотя шальная мысль и проскочила. Подумала, что законов физики никто не отменял, и тяжёлое тело, которому придали ускорение, в полёте окажется ещё тяжелей. Поэтому, держась за седло, перекинула правую ногу к левой и немного сползла вниз, а там уже он её подхватил. За талию. И на земле она оказалась прижата к его необыкновенно твёрдой груди. По сравнению с Вадимом, и даже с партнёрами на танцах, он был какой-то необычайно крепкий. Это будило любопытство. Абсолютно излишнее в такой ситуации.

Лучше подумать о том, крепок ли Лис. Ну, не в том смысле, что обнять его и выяснить, а чтобы отвлечься от Сокола.

А объект её мыслей медленно отпустил руки. Она повернулась к нему – и увидела улыбку.

– Спасибо вам. Без вас было бы намного сложнее. Я бы уже свалилась и сломала бы себе что-нибудь.

– Вы научитесь, госпожа моя, – он улыбался тепло и совсем не дежурно.

Второй отрезок оказался легче. Мышцы разошлись после вчерашнего дня и ночи, и Лизавета даже начала осматриваться. Дорога шла между полей, а вдоль неё встречались редкие деревья, точь-в-точь как итальянские сосны-пинии. С толстыми стволами, длинными иглами, огромными шишками. Шишки встречались под копытами Огонька, упавшие на дорогу.

Иногда на какой-нибудь горке поодаль была видна деревушка, и при ней – вероятно, храм. А вообще пустой земли не было, везде – либо поле, либо сад, либо виноградник. Так и доехали до второй остановки.

А третья часть пути упала на плечи во всей своей тяжести. То есть, на самом-то деле она, наверное, не отличалась от первых двух. Но сил уже не было, хотелось уже даже не остановиться, а лечь, болели ноги, болела задница, и очень хотелось пить. Тут-то Лизавета и поняла, что Сокол спрашивал её про флягу не из праздного любопытства. Нужно спросить, можно ли добыть флягу по дороге. Или только в каком-нибудь городе, должен же им встретиться хоть один?

Лизавета не заметила, как отстала от остальных. Но вроде дорога одна, заблудиться невозможно. Добредёт как-нибудь. Огонёк пытался пофыркать – ну пошли уже, что ли, но она практически бросила поводья и чуть ли не легла на его шею. И прикрыла глаза.

– Госпожа моя, – голос ворвался в её полудрёму и напугал.

Лизавета подняла голову... точно, Сокол. И что ему?

– Осталось не так много, видите впереди горку? Вот за неё. Там ещё на вершине приметное дерево.

Лизавета посмотрела – и на удивление, увидела. Она ещё не свыклась с новообретённым зрением.

– Да, я вижу, спасибо, – пробормотала она.

– Руку давайте, – он протянул свою.

– Зачем? – она подняла голову и недоумённо смотрела на него. – Я доеду. Просто медленно. Я не потеряюсь.

– Я не сомневаюсь. Но так будет лучше. Руку, госпожа моя! – произнёс он уже жёстче.

Лизавета повиновалась.

Он просто взял её за руку, шепнул что-то Огоньку, и кони двинулись. Достаточно резво двинулись, надо сказать. Лизавета свободной рукой вцепилась в край седла, чтобы не свалиться. А Сокол крут – управляет конём одними коленями. Но у него, наверное, куча лет практики...

Лизавета не сразу заметила, что сидеть стало проще, не так больно. Она разогнулась и села прямо, как учила Оля, хозяйка конюшни. Взяла повод свободной рукой.

– Вот, правильно. Четверть часа – и мы на месте, – кивнул Сокол. – Видите вон там дерево с двумя стволами? Это в него много лет назад попала молния, и с тех пор оно так и растёт. А птицу наверху видите? Это мой родич сокол, он охотится. Сейчас углядит какую-нибудь мелкую мышку и будет ужинать.

И что-то ещё он говорил – о травах в поле, о волнах в море, о птицах крылатых, о зверях косматых... Лизавета заслушалась. Потом ни за что не смогла бы вспомнить ничего из его тогдашних слов.

А потом впереди показалась сначала та самая горка, а за ней – рощица из тех самых сосен.

– Вот и приехали, госпожа моя. Не торопитесь, помогу.

Он спрыгнул на землю, что-то сказал своему коню, тот пофыркал в ответ. Потом подошёл к Огоньку, и ему тоже что-то сказал. Тем временем Лизавета, как уже делала, перебросила ногу и поползла вниз. Сокол подхватил её и легко поставил.

– Ничего, дальше будет проще. С каждым днём. Вы ведь молодец – не стонете и не жалуетесь.

– Может, сейчас начну, – усмехнулась она.

– А сейчас-то уже зачем? Мы на месте, и добрые люди уже даже дрова носят, видите? Значит, и ужин не за горами.

– Скажите, – ей было неловко, но жажда оказалась сильнее. – У вас нет воды?

– Как же у меня нет воды, – он отстегнул с пояса флягу, но не вчерашнюю, а другую, округлой формы, и протянул ей.

Хотелось выпить всё, тем более, что вода каким-то чудом оказалась прохладной. Но она остановилась, вернула предмет хозяину и поблагодарила.

– Ступайте, там уже ваш шатёр ставят. Ваши мешки я сейчас принесу.

Лизавета поковыляла туда, где двое служек устанавливали шатёр, а рядом на стульчике сидела Аттилия. Она подскочила, едва увидела Лизавету.

– Садитесь, госпожа Элизабетта! Сейчас уже всё будет!

– Сама-то как?

– Да ничего, милостью Великого Солнца – не так плохо. Антонио сказал, что я неправильно сижу, объяснил, как правильно, и стало легче.

Ну да, если сидеть правильно – то легче. А если просто нет сил сидеть – тут уже никакая наука не поможет.

Впрочем, там, где нет науки, может быть магия. Когда шатёр установили, и вслед за своими вещами к ним прибыла Агнеска, она осмотрела Лизавету и велела ей идти внутрь. Там она приказала лечь и снять штаны, и намазала ягодицы и ноги какой-то мазью, которая приятно холодила и унимала боль.

- Спасибо, госпожа Агнесса, вы ангел, – пробормотала Лизавета.
- Кто-кто? – не поняла та.
- Я не знаю, как это у вас называется. Некто могущественный и благой.
- Вы переоцениваете меня, – фыркнула она и вышла наружу.

Лизавета лежала бы так ещё долго, но позвали ужинать. Как хорошо, что хотя бы с готовкой сами справляются! Ели снова кашу с мясом, но после такого дня ей было решительно всё равно, что есть. Горячая мясная еда, что ещё надо? К еде был хлеб, вяленая рыба, сушёные кальмары, и вино, разбавленное водой. Или не разбавленное – как кому хотелось. Ещё брат Джанфранко, командовавший хозяйственной частью, предложил котёл какого-то горячего отвара, сказал – от усталости самое то. Лизавета попробовала – на вкус как листья лесной смородины, свежо и хорошо. В ответ на расспросы завхоз объяснил, что это листья кустарника под названием коровьи уши, растёт возле пресной воды, а вода здесь близко. Она попросила наутро показать ей этот кустарник – вдруг пригодится?

На костёр поставили котёл с вином – греть с пряностями, и тут коварный Сокол вырвал её из дремоты.

- Госпожа моя, а помните, вы обещали рассказать историю?
- Сдаётся мне, вы тоже можете рассказать историю, – фыркнула она.
- Я-то могу, да мои истории всем на сто раз известны. Давайте так: вы, а потом – я.
- Но та история длинная.
- А вы хотя бы начните, там посмотрим.

Лизавета задумалась. История была не из самых простых – как, скажите, объяснить этим людям политическую ситуацию в земной Италии начала четырнадцатого века? А потом поняла – да никак не объяснять.

– В некотором царстве, в некотором государстве стояла на скале обитель могущественного ордена. В той обители жили служители бога, они вели праведную жизнь и славили своей жизнью и своими делами высшие силы. Кроме того, орден был знаменит, ибо в его стенах хранилась великая библиотека. И однажды в эту обитель прибыл адепт другого ордена, известный своей учёностью, с секретарём – совсем молодым человеком. И историю эту узнали только потому, что много лет спустя тот молодой человек, тогда уже убелённый сединами, решил записать её, и поведать таким образом миру.

Лизавета не заметила, как увлеклась. Начало оказалось хорошим – прямое попадание в, так сказать, целевую аудиторию, про обитель могущественного ордена хотели послушать все. Особенно когда оказалось, что дела в обители не очень-то – погиб молодой послушник, талантливый художник-миниатюрист, а вход в библиотеку, где, видимо, произошла трагедия, запрещён всем, кроме собственно библиотекаря и его помощника.

Лизавета уже не помнила всех деталей, читала-то в последний раз давно, но язык на удивление связно пересказывал сюжет. Ей в руку дали кружку с горячим вином, это оказалось очень кстати. Но когда она дошла до исчезновения второго монаха и остановилась перевести дух, то все услышали бархатный голос, раздавшийся из темноты:

– Несомненно, история хороша, и я сам завтра первым попрошу госпожу Элизабетту продолжить. Но дело к полуночи, нам следует вознести краткую молитву и отправиться спать, – кто бы мог подумать, Лис-то, оказывается, тоже был тут и слушал!

Начали расходиться. Лис и Крыска исчезли первыми, братья и служки принялись убирать всё вокруг костра. Сокол пошёл проводить Лизавету и Аттилию до шатра.

– Закончим с этим мутным делом – позову вас к себе, истории рассказывать. Вы будете иметь огромный успех и заработаете себе кучу денег. И сможете жить, как вам заблагорассудится, вы же этого хотите?

– Спасибо, господин Фалько. Если у меня не останется другого выхода – я приму ваше предложение, – вежливо кивнула Лизавета.

– А вам нужно что-то иное?

– Я бы хотела вернуться домой.

А сейчас – пойти почистить зубы и в кусты. И в этом деле она обойдётся без сопровождающих.

4. Лизавета наблюдает за представлением

Следующим утром всё повторилось – скрюченное тело, боль в мышцах. Встать оказалось невероятно трудно, но всё же пришлось – Агнеска стояла над душой и нудела, что пора вставать, что нужно к обеду добраться до реки, потому что там что-то делать. Что именно – Лизавета спросонья не поняла.

Вставать – так вставать. Умываться, расчёсывать волосы, которые давно уже слиплись в сосульки. Но если их обстричь, то совсем печально будет, толще-то они от этого не станут, проверено.

Разминка и растяжка немного помогли – ходить стало проще. Уже не как колода, а почти как человек. И то хлеб.

У костра Сокол что-то с улыбкой доказывал брату Джанфранко – оказывается, что еду лучше есть, чем на себе тащить, и что зёрен арро это тоже касается. И что он сам может заморскую отраву не пить, его никто не неволит, а вот господину Астальдо, ему, Фалько... и госпоже Элизабетте – пусть сварит. Или даст, и Фалько сварит сам.

Вот так, на все руки, значит. Ещё и кофе варить. Лизавета поздоровалась со всеми и подошла взять чашку.

– Подождёте немного? – подмигнул ей Сокол. – Сейчас добудем из этого бережливецка поток наслаждения.

– Знаете, подожду. Я очень люблю кофе, тьфу, арро, утром. Можно даже ничего не есть.

– Это у вас дома, наверное, можно ничего не есть. В пути лучше всё же позавтракать. Руджеро, принеси госпоже Элизабетте стул! – Сокол только глянул на мальчишку, а тот уже со всех ног тащил тот самый стул.

Поставил и спросил тихонечко:

– Госпожа Элизабетта, а вы сегодня будете дальше рассказывать про ту обитель и библиотеку?

– Буду, но, наверное, вечером, за ужином, – улыбнулась Лизавета.

Этого мальчика зовут Руджеро. Вон там Антонио, он крепок и кудряв, а ещё есть Альдо и Джованни – высокие и стройные, один брюнет, второй блондин. И пятый мальчик, рыжеватый, пока безымянный.

Тем временем Сокол принёс два небольших камня, утвердил их на земле, и как будто даже немного закопал направленными движениями рук. Затем пристроил на этих камнях сверкающий на солнце медный кувшинчик с узким горлом – очень похожий на турку, что висит сейчас без дела в Лизаветиной квартире. Или нет, не висит, уж наверное мама с братом упаковали все вещи и вывезли их куда-нибудь. К Васе в гараж или на дачу.

Точный жест – и под кувшинчиком занимается огонь. Ровное рыжее пламя, маленькие язычки. И не понять, есть ли там дрова, или же магу дрова не нужны?

Его руки так и кружат вокруг кувшинчика. Изящные длинные пальцы, металл колец задорно поблескивает на солнце, синий камешек тускло светится – он не огранённый, а отполированный. Лизавета некстати вспомнила, как этими самыми пальцами он подхватил её вчера и поднял. Сейчас и не скажешь, что в них скрыта такая сила, сейчас это прямо поэзия выверенных строк и точных жестов волшебника... Жидкость поднялась к самому горлышку, он уменьшил огонь. Потом снова прибавил, и снова уменьшил. И ещё раз.

Явно завершающий жест – и пламя убралось в ладонь. Словно сама появилась в руке деревянная палочка, которой он размещал гущу. Глянул на стоявшего рядом с разинутым ртом Руджеро, парня с короткими пепельными кудрями и серыми глазами, и тот притащил чашку.

– Три, дурень, – усмехнулся наставник.

Разлил жидкость в три чашки, оставил кувшинчик, одну протянул Лизавете.

– А меня не угостишь своим чародейским варевом? – Лис подкрался незаметно.

– Успел – бери, – кивнул Сокол на последнюю чашку, а сам растянулся на земле.

– Варвар ты, и привычки у тебя варварские, – усмехнулся, глядя на него, Лис.

Тот лежал на боку, опираясь на левую руку, аки древний римлянин с рельефа, а в правой держал чашку и откровенно наслаждался вкусом.

– Почему варвар? По-моему, это искусство, – влезла Лизавета. – И процесс приготовления зелья, и результат. И ещё господин Фалько мастер устраивать представления.

– Это-то вне всякого сомнения, – пробурчал Лис, поблагодарил за кофе и удалился к своему коню.

Но когда лагерь свернули и все тронулись с места, то именно Лис возник сбоку от Огонька. Его серый в яблоках конь Диамант не был таким своенравным, как Ураган, но тоже недобро косился на рыжего. Лис же держал его железной рукой и не позволял ничего лишнего.

– Скажите, госпожа Элизабетта, откуда вы знаете эту занимательную историю, которой вчера нас всех развлекали?

– Прочитала в книге, – пожалала плечами Лизавета. – Конечно, мне пришлось её немного адаптировать под ваши здешние реалии, но сюжет остался тем самым, поверьте. Лучше вы расскажите мне, что представляет собой тот предмет, за которым мы едем. А то я чувствую себя несколько некомфортно – нужно найти что-то, о чём я ничего не знаю. Даже моё начальство на работе и то конкретнее, там обычно хотя бы есть описание предмета. Или его можно заменить подобным. А вы хотите что-то, как я понимаю, уникальное, и молчите.

– Знаете, я не думаю, что нам понадобится его вот прямо искать. Карта должна помочь с точным местоположением.

– Вы думаете, оно там нас ждёт? Так заждалось уже, наверное, каждый день бегают на дорогу, смотрит – не едут ли!

Лис сверкнул глазами – шуточка ему не понравилась.

– Не стоит так говорить о священном предмете, госпожа Элизабетта.

– Так вы расскажите о нём, и я проникнусь. Уважением и благоговением. Что именно с ним связано, какие легенды. Кто скрыл его и почему. Как выглядит предмет, в конце концов, и как выглядит каждая его отдельная часть.

Лис помолчал. Как будто собирался с мыслями. Или размышлял – а стоит ли вообще что-то говорить этой дуре-чужеземке, которая даже на коня сама сесть не может, а туда же.

Хотя сегодня закинуть ногу наверх получилось проще, чем в предыдущие дни. Совсем чуть-чуть, но проще. Аггилия так вообще уже сама справляется, а мальчишки Сокола не сводят с неё глаз и говорят комплименты...

– Знаете, я попробую рассказать. История Великого Скипетра не входит в обязательный кодекс священных текстов, её не изучают в школах и в храмах. Её, скорее, рассказывают как сказку долгими зимними вечерами. Знаете, у нас есть присловье такое – когда найдётся Великий Скипетр, то есть – никогда.

– И вы хотите заполнить это самое «никогда».

– Да что вы вообще можете о таком знать! – вскинулся Лис, даже волосы разметались и задрожали.

– Кое-что. Чисто теоретически, конечно. Если вы найдёте эту штуку, ну, то есть, если я для вас её найду, правда, я пока не понимаю, где и как, то вы окажетесь героем – даже если вам эта штука будет, как не пришей кобыле хвост. Люди, которые делают что-то такое, что никогда, всегда остаются в памяти других людей. Если они удачливы, конечно. Я так понимаю, наша экспедиция не первая, и даже не десятая. То есть люди уже хотели заполучить себе это «никогда», но что-то им мешало стать героями баллад и хроник. И раз так получилось, что я с вами, и что вы возлагаете на меня определённые надежды, я и хотела бы знать – какого кота

в мешке мы ищем и какова моя роль в предстоящих поисках. Ну и почему не преуспели те, кто шёл этим путём до нас.

– Bravo, – вдруг услышала Лизавета с другой стороны и вздрогнула от неожиданности, напугав Огонька.

Сокол приблизился незаметно и теперь неспешно ехал себе с другого бока от Лизаветы.

– Ты тоже хочешь услышать историю? Ты её не знаешь, или подзабыл за давностью лет? – ехидно спросил Лис.

– Я хочу услышать твою версию этой истории, – сверкнул глазами Сокол. – А также и о том, что там было в предыдущем паломничестве. Ты же в нём участвовал как подручный старого Магнуса Лео, верно?

– Верно, – кивнул Лис. – Хорошо, я расскажу. Слушайте.

5. Лизавета слушает историю

– Давным-давно, лет, наверное, тысячу назад, в здешних землях была провинция могущественной империи. Империя эта началась когда-то с маленького, никому не известного городка на юге, и постепенно подчинила себе не только наш полуостров, но и остальные земли по берегам Великого Срединного моря, – начал Астальдо.

– Тогда было удобнее – одна империя везде. А сейчас что ни берег – то царство или государство, налоги, чиновники и портовые сборы, – хмыкнул Сокол.

– Увы, и великие становятся малыми, пришла пора падения и для империи. Варвары затопили приграничные области, а в центральных частях не прекращалась грызня – и древние фамилии, и новые старались добиться власти. В этом хаосе людям стало не до богов, и боги отвернулись от людей.

– А зря – глядишь, парочкой молний в них с неба швырнули бы, те бы и успокоились, – подмигнул Сокол Лизавете и нахмурился Лису. – Не злись, я всего лишь добавляю те соображения, которыми со мной делился мой дед, когда рассказывал мне эту сказку. Долгими зимними вечерами. У камина, конечно же.

Астальдо вздохнул и продолжил.

– В те далёкие времена богов было множество – столько, во сколько верили люди. Главные боги влияли на важнейшие стороны жизни людей, а малые божества жили, как рассказывали, в каждом дереве, каждом холме и каждом малом потоке.

– Вы только представьте, госпожа моя, идешь и думаешь – а не наступить бы на кого и не обидеть бы, – Сокол вновь подмигнул.

– И люди стали забывать о них. Забывать славить, забывать о необходимых приношениях. Даже в мыслях не возвращались они к духам тех мест, где жили, и неудивительно, что эти духи покинули здешние земли. Легенда умалчивает о том, куда все они делись – наверное, подались туда, где люди ещё не забыли, кому они всем обязаны.

– Верно. Кто ж будет голодом-то сидеть? Вот и те боги были явно не дураки.

Астальдо строго посмотрел на Сокола. Тот не поддавался. Пришлось продолжать.

– Жил в те времена праведник Эмилий. Нет, он не сразу стал праведником, сначала он был солдатом императора. Он служил в легионе, и как-то зимой, будучи в отпуске, приехал домой, в родную провинцию. И было это где-то на территории современного Туррато.

– Сейчас пять городов оспаривают друг у друга честь быть родиной праведника, однажды они даже воевали друг с другом.

– Эмилий приехал домой, у его родителей был земельный надел недалеко от имперского города. И увидел он, что в бывшей плодородной долине – третье лето неурожай. Если раньше семья Эмилия выращивала столько хлеба и овощей, что хватало и себе, и на продажу, и все

подати уплатить, то нынче не наскребли даже на те самые подати. Земля не родит, дождя нет, засуха. Деревья вянут, не дают тени.

– Яблоки – и те не выросли. А яблоки в Туррато – это с давних времен одна из основных статей торговли.

– Солдату императора больно было смотреть на когда-то плодородные, а теперь засушливые земли. Он бродил по окрестностям и печалился – его родные места совсем не напоминали то, что он видел сейчас своими глазами. И думал он – почему же Солнце стало таким жестоким к людям, чем люди провинились? Чем провинился его отец, например, который всю жизнь работал, не покладая рук? Или соседи – тоже не лентяи, не богохульники, не преступники.

С такими мыслями он присел на высохшую траву под увядшим деревом и задремал. И приснился Эмилию сон.

Некто величественный и прекрасный стоял перед ним. Одетый в живое золото, и сияющий так, что глазам было больно на него смотреть. И спросил он Эмилия – почему тот клеветает на Солнце? Солнце как светило, так и светит. А вот люди забыли о своих обязанностях, люди не чтит малых местных божеств, и эти духи не смогли жить без людской поддержки. Чем живёт любое божество? Тем, что о нём помнят, с ним беседуют в молитве, ему отдают часть себя – в словах, в мыслях, в подношениях. А давно ли он, Эмилий, обращался с молитвой к кому бы то ни было? В горячке ли боя, в тишине ли размышления? Люди забыли о духах земли, и те духи тоже забыли людей. И теперь эта часть мира стоит покинутой, и скоро поглотит её Великая Тьма.

Ужаснулся Эмилий и спросил – а что делать-то? С кем бороться, чтобы не пришла Тьма? И услышал ответ – с тьмой в душе своей. И с тьмой в душах сородичей своих, и сослуживцев своих. И только так это возможно, потому что Тьма настороже, и готова биться за каждую живую душу, а с тех пор, как боги покинули мир, заступиться за людей некому.

Но что же ты, о Великое Солнце, взмолился тогда праведник Эмилий, не раскроешь свои тёплые животворные крыла над миром человеческим? И ответил ему сияющий – потому лишь, что готов он прийти к людям, но не должен быть незванным гостем. Если призовут его – он придёт, и вернёт жизнь в эти бесплодные земли, и прогонит Великую Первозданную Тьму.

– Ибо в начале был Хаос, и Первозданная Тьма, а потом уже всё остальное – вы же об этом знаете? – приподнял бровь Сокол.

Нет, Лизавета об этом не знала. И слушала дальше.

– И сказал Эмилий, что готов он нести людям божественное слово. И бороться против Первозданной Тьмы. И что все свои слабые силы он приложит к тому, чтобы Великое Солнце прославляли по всей земле, куда он сможет пойти.

– А человек, знаете, крепкое существо – если всю жизнь ходить, можно много куда пойти.

– Пробудился Эмилий ото сна и отправился к родителям. Рассказал он им о своём чудесном видении, и так убедительны были его слова, что не усомнились в них ни родители, ни соседи. Так оставил он их – с новой верой в сердце, и отправился к месту службы – а помним мы, что он был солдатом и служил в легионе.

Сослуживцам его речи вовсе не пришлось по душе – его сочли в лучшем случае сумасшедшим, а то и преступником. Какое такое Великое Солнце и Первозданная Тьма, если есть Император?

– А некоторые Императоры дошли до жизни такой, что объявляли себя живыми воплощениями богов, представляете?

Лизавета представляла – историк, как-никак.

– Однако, Эмилий не отступался. И знаменем его стал горящий факел, ибо что ближе к Великому Солнцу, чем живой огонь? У него нашлось много последователей, и с ними он спустя несколько лет вернулся в родные края. И что же? Только там, где сохранилась вера в

Великое Солнце, земля родила и цвела, а вокруг царило запустение. Так Эмилий убедился, что Великое Солнце не забывает своих детей.

Он увёл пришедших с собой на острова, которые издревле звались Фаро, ибо на одном из них всегда стоял маяк, позволяющий кораблям не разбиться о прибрежные скалы, а лавировать среди извилистых берегов. И хотя места эти были дикими и совершенно не предназначенными для жизни, их заселили. Здесь было негде сеять – но было море, а значит – рыба, значит – морская соль, значит – корабли. Эмилио ещё и укрепил новопостроенный город – как имперский солдат, он знал толк в укреплениях. И немудрено, что жители называли его не только военным вождем, но и правителем в мирное время.

– Правильно, думали люди, привёл – так теперь и дальше решай, что и как, а мы поглядим.

– Тогда пришёл он в Храм, и легенда говорит нам, что был это Храм Сияния – самый первый в городе, совсем небольшой. И обратился там к Великому Солнцу со своими сомнениями – сможет ли он, справится ли.

– Ничто человеческое ему было не чуждо.

– И снова явился ему в видении великий воин, одетый в живое пламя. И сказал, что оправдал Эмилий надежды и выполнил своё слово, и пусть же теперь он много лет правит этими землями в благодати и спокойствии, и весь род его – тоже. А за верную службу даруется ему сокровище, в котором сокрыта часть первозданной божественной силы. Тот, кто владеет этим сокровищем, будет непобедим и неодолим. И Великой Тьме не будет места поблизости от него.

– Испугается сияния. Убежит и спрячется.

– Когда открыл Эмилий глаза, то увидел на алтаре предмет. Из золота высочайшей пробы он был, и сиял совершеннейшими и чистейшими камнями. С благоговением взял Эмилий в руки этот Скипетр, и понял, что по силам ему ноша, что видит он, как вести дальше его народ в этом мире, полном угроз, врагов и сомнений. И когда вышел он из Храма со Скипетром в руках, то служители тут же нарекли его Великим герцогом Фаро.

Жил он долго, прожил несколько человеческих жизней. Но в детях ему счастья и утешения не было – из троих сыновей старший погиб на войне, средний был слаб и болен, а младший – слишком подвержен чужому влиянию. Эмилий опасался оставлять сокровище детям, ибо подозревал, что не справятся они с ним. И тогда он провёл ночь в молитве, но никому не открыл, привиделось ли ему что-то в тот раз. Но наутро не было Скипетра в его руках.

– Сначала не поверили, думали – потерял на старости лет.

– Три части сокровища оказались в трёх разных местах. И повелел Эмилий, что быть Скипетру собранным только в руках того, кто будет этого достоин. Кто будет силён, и чист сердцем, и милосерден к слабым. И должен это быть человек его, Эмилия, крови.

Когда родится такой человек и войдёт в силу – тогда и придёт время собрать Скипетр. А до того пусть пребывает там, где хранит его Великое Солнце.

Сказал это Эмилий – и умер. Ибо Скипетр поддерживал и его силу тоже, не стало скипетра – не стало и Эмилия.

Государством с тех пор правит род Фаро. А Скипетр пока так и не нашли, несмотря на то, что многие искали.

– Правильно, они же не знали о словах девы Марты. А мы умные, и знаем. И мораль в том, что нельзя плевать в колодезь – тот может обидеться и уйти. Что раз дал слово сам, то и выкручивайся потом сам, как хочешь. А если хорошо попросить – то глядишь, тебе и дадут. Правда, потом догонят и ещё раз дадут, так что успевай. Этими словами мой дед всегда завершал историю, и я сделаю так же, – довольный Сокол подал коленом сигнал коню, и с хохотом унёсся вперёд, потому что разъяренный Астальдо взял из воздуха и швырнул в него водяной шар размером с ведро.

Вода разлилась по дороге. Лизавета вспомнила, как при помощи поводыев управляют лошадью, и попросила Огонька обойти лужу.

– Благодарю вас, господин Астальдо. Это очень интересная история. Но в ней ни слова не говорится о том, как выглядел искомый предмет.

– Вам это так важно?

– Конечно, как же иначе? У нас нет ни вменяемого описания, ни инвентарного номера, ни внятных свидетельств очевидцев. Я не понимаю, что нам делать.

– Положитесь на высшую волю, – с готовностью ответил Лис. – И она приведёт, куда надо.

– А если ей этого вовсе не надо? – продолжала упорствовать Лизавета.

– Госпожа Элизабетта, – похоже, она тоже исчерпала какие-то резервы его терпения, и сейчас в неё полетит ведро воды. – Мне кажется, вам не стоит сомневаться в высших силах, которые привели вас сюда.

– Прошу прощения, господин Астальдо, если была невежлива. Безусловно, вы знаете по этому вопросу больше меня, вам виднее. Увы, я получила нетипичное для ваших земель образование и воспитание, поэтому многие мои слова могут показаться вам обидными. Уверяю вас, я не имела в виду ничего оскорбительного ни для высших сил, ни для вас, – и наклонить голову, а смотреть не на него, а в шею Огоньку. – Но я хотела бы сохранить возможность задавать вам вопросы. Мне и в самом деле многое непонятно, а вы отводите мне существенную роль в вашей миссии.

– Конечно, госпожа Элизабетта. – Лис сменил гнев на милость. – Позже. Сейчас же, кажется, нас ждут.

И вправду, впереди на дороге кучкой стояли все остальные участники их экспедиции.

6. Лизавета размышляет о прекрасном

– Господин Астальдо, если ещё надумаете отставать – предупреждайте, – буркнул брат Василио.

– Если мне понадобится охрана – непременно, – сообщил Лис. – Посреди пустынной дороги и чистого поля не спрятать засаду.

Брат Василио только вздохнул.

Но на самом деле все ждали Астальдо, чтобы он скомандовал привал и обед. Оказывается, отряд добрался до реки, и возле берега нашлась прямо-таки идеальная полянка. Из росших по берегу кустов появились Сокол и один из его мальчишек, Джованни, они что-то обсуждали и смеялись.

– Берег отличный, вода не холодная, – Сокол подошёл к Урагану и принялся копаться в седельных сумках.

– Хорошо, пусть так. Привал, обед, кто хочет – купается.

Лизавета поняла, что осталась верхом одна. Тихонечко сползла с Огонька, сняла свой мешок и пошла к Аттилии.

– Пойдём, посмотрим воду, что ли?

– Да, – улыбнулась девочка. – И голову бы помыть.

– Помоем, – кивнула Лизавета.

Брат Джанфранко не хотел давать ей два котла. Мало ли, вдруг тех, что останутся, не хватит для обеда? Спас Лис, он осмотрел кучу вещей и распорядился дать Лизавете два котла. Маленьких.

Дальше нужно было найти место, где никто не станет на них пялиться. И вообще, осмотреть берег. Тем временем Аттилия уже забралась в воду в сорочке – ну да, тут так положено. Девы купаются в сорочках. Тётки в возрасте – тоже.

У Лизаветы мелькнула мысль залезть в воду в новосшитых трусах и бюстье, но потом она подумала, что сорочку просушить будет проще.

А потом она подошла к берегу и увидела, что пологого спуска в воду с этой стороны нет. Зачерпнуть воды в котёл можно, а если купаться – надо прыгать. Это представляло известную трудность, потому что плавать Лизавета не умела. Как-то так вышло.

Аттилия сообщила, что дна у берега она ногами не достаёт, но вода не холодная. Вода на вкус Лизаветы была нормальная – дома и летом открытая вода не бывает такой температуры. Даже у берега, где хорошо прогревается. Но прыгать в эту воду было страшно. Поэтому – не судьба. Лизавета набрала оба котла и стала расплетать волосы, поджидая Аттилию, пока она выберется на берег и подогреет воду.

Аттилия выбралась, мгновенно всё согрела, и дальше они поливали друг другу на головы, и не только на головы. А потом можно было переодеться в чистое и сушить волосы, и это было замечательно.

Ветки шевельнулись, и к ним в кусты проникла Крыска. Оглядела их обеих, и велела Аттилии пойти с ней и полить ей на голову.

– Госпожа Агнесса, присоединяйтесь, у нас осталась тёплая вода, – кивнула Лизавета на котёл.

Агнесса с подозрением посмотрела на Лизавету, потом оглядела кусты вокруг и реку – с воды доносился смех и плеск – и нерешительно кивнула.

– А вы не пойдёте купаться? Там здорово, – улыбнулась Тилечка.

Сегодня она уже немного улыбается. Это хорошо.

– Нет, там везде мужчины, нечего им на меня смотреть, – дёрнула плечом Агнесса. – Вы ведь тоже не купались, – это уже Лизавете.

– А я не умею плавать, – это не секрет. – Я ж не на море выросла. У нас до моря далеко. А в наших реках и озере вода холодная, совсем не как здесь. Купаться значит забежать в воду и выбежать. Или привыкнуть. Но если совсем холодно – то и привыкнуть будет сложно. Сразу же сводит ноги.

Крыску передёрнуло – видимо, представила.

Неподалёку раздался громкий «плюх» – в воду прыгнул кто-то немалого размера. Лизавете стало любопытно. Пока девочки в кустах поливают друг другу на головы, мальчики тоже развлекаются, как могут. Она передвинулась на пару метров ближе к берегу и раздвинула ветки с длинными, остро пахнущими узкими листьями.

В заводи чуть сбоку от их укрытия плескались и брызгались мальчишки Сокола. Все они плавали, как рыбы – наверное, выросли в Фаро. От них вверх по реке плыл, отфыркиваясь, брат Василио – похоже, это он сейчас прыгнул в воду.

А потом все они бросились врассыпную, и в центре их кружка почти беззвучно вошло в воду обнажённое мужское тело. Прыжок можно было наблюдать всего пару мгновений, но Лизавета успела залюбоваться. У него, конечно, и в одежде видно, что ничего лишнего, но без одежды... тем более. Хорош, без вопросов хорош.

Кудрявая голова появилась над водой, он что-то сказал мальчишкам – и они нырнули уже все. Дальше время от времени кто-нибудь с визгом выскакивал на поверхность – за ноги они там друг друга хватают, что ли?

К радостной компании подошёл Лис – в одной рубахе. И тоже лёгким движением эту самую рубаху с себя сбросил. Ещё один красавчик, чтоб его. Тоже ведь ничего лишнего, но если от того веет мощью, то этот очень изящен – что в одежде, что без. Высок, строен, рыж. Волосы на теле тоже рыжие, хи-хи. Но их не так и много.

Лис нырнул в воду, а Лизавета задумалась – долго ли они там будут плескаться, потому как существовала возможность попялиться ещё раз – когда обратно на берег полезут. Просто так, абстрактно попялиться. На красивую мужскую натуру. Когда ещё доведётся? А тут – это ж почти как на статуе в музее.

Плеск раздался прямо возле Лизаветы, её обдало тучей брызг. Кудрявая голова высунулась из воды рядом с её укрытием.

Дома в таких случаях говорили – мокрая башка, дай пирожка.

– А вы почему сидите тут и не радуетесь жизни, госпожа моя? К ночи погода сменится, будет дождь с ветром. Надо ловить тёплые деньки!

– Спасибо, я уже чистая и даже почти сухая. И я не умею плавать.

Он уставился на неё, как на диковинку.

– Как так?

– Легко, – пожалала она плечами. – Я не на море живу. И даже в бассейн не хожу.

– Так давайте научим вас плавать, – не растерялся он.

– Ненавижу воду в ушах, – покачала она головой. – А вы, судя по всему, в родной стихии.

– Конечно, я ж морская птица, – улыбнулся он. – Но воля ваша, не хотите в воду – сидите на берегу, – и мгновенно ушёл в глубину.

Тем временем Агнесса помыла голову – волосы у неё, оказывается, пышные и вьющиеся, когда не в причёске под чепцом. И Тилечка поливала ей из ковшика на плечи и спину.

Фигура у Крыски была, по стандартам Лизаветиного мира, модельная. Стройна, но никакой угловатости, кожа белая-белая, грудь небольшая. Нет, лучше уж на мужиков в воде тарашиться.

– Что интересного вы там нашли? – поинтересовалась ледяным тоном Крыска.

– Смотрю, как наши мужчины развлекаются, – улыбнулась Лизавета.

Вернулся брат Василио, вылез на берег, отряхнулся. Как пёс, например, как бульдог. Впечатление усиливала почти лысая голова. Набросил на себя балахон, подхватил сапоги и пояс, и отправился одеваться.

Затем на берег выбрался Лис – можно любоваться на каждое отточенное движение. Надел рубаху, пошёл – у него не было здесь ни сапог, ни чего другого.

Сокол был следующим. Выбрался, отряхнулся, рубаху бросил на траву, сам сел сверху. Достал из мешка чистую, с чёрными шнурками у ворота и на манжетах. Положил рядом. Подставил лицо солнцу, зажмурился – как кот.

Она встряхнулась и прогнала наваждение. Видимо, дорогая Лизавета Сергеевна, ты просто давно одна. Вот и любишься всякими мужиками. А у них тут просто жизнь такая, что ни пивного брюха не отрастает, ни щёк, которые со спины видно.

От места стоянки позвали обедать. Сокол прикрикнул на мальчишек – чтобы вылезали. Крыска уже оделась, и Аттилия шнуровала ей рукава. Девочка тоже уже была в сорочке, чулках и штанах. Надо одеваться и идти.

Оказалось, служки наловили рыбы за поворотом реки, и сварили из этой рыбы уху. И эта уха показалась Лизавете прекраснейшей на свете – и даже не важно, что из рыбы не достали кости, и не отрезали головы, и бульон не процедили. Зато вкусно. Ещё бы хлеба к этому свежего... ну да ладно, размечталась.

И даже дивная история о сокровище на фоне тёплого дня, возможности помыться и вкусной еды отступила куда-то на задний план.

Пока.

7. Лизавета распутывает мысли

Обещанный Соколом дождь настиг их в сумерках. Тучи начали собираться после обеда, постепенно заволакивая всё небо. Заката уже и видно-то не было, просто в какой-то момент стало ещё смурнее, чем было. А потом принялся накрапывать дождь, пришлось отстёгивать плащ и надевать его, и хорошо, что она послушалась Сокола и пристегнула свёрток к седлу отдельным местом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.